

ЧЕЛОВЕК
.....
СООБЩЕСТВО
.....
УПРАВЛЕНИЕ

Научно-информационный журнал

№1 · 2007

ЧЕЛОВЕК СООБЩЕСТВО УПРАВЛЕНИЕ

Научно-информационный
журнал

1-2007

Издается с марта 1999 г.
Периодичность – 4 номера в год

Свидетельство о регистрации
№Р2829 от 16 марта 1999 г.
выдано Северо-Кавказским
региональным управлением
по СМИ

Учредитель:

Кубанский государственный
университет

Адрес редакции:

350040, г. Краснодар,
ул. Ставропольская, 149, к. 404-н
Тел.: (861) 219-95-63

Адрес издателя:

350040, г. Краснодар,
ул. Ставропольская, 149
Кубанский государственный
университет

Статьи для публикации
принимаются
по электронному адресу:
chsu1999@yandex.ru

Дизайн обложки:
С.Г.Ажгихин, М.Н.Марченко
Оригинал-макет:
Д.А.Хрипков

Отпечатано в типографии
Кубанского государственного
университета
Краснодар, Октябрьская, 25

Подписано в печать 28.02.2007
Уч.-изд. л. 13,25. Усл. печ. л. 12,1
Тираж 1000 экз. Заказ №

Главный редактор:

Е.В.Морозова, д-р филос. наук, профессор

Редакционный совет:

Т.А.Алексеева, д-р филос. наук, проф. (МГИМО (У)); **Л.А.Арутюнян**, д-р филос. наук, проф. (Ереванский ГУ); **В.А.Бабешко**, д-р физ.-мат. наук, проф., академик РАН (Кубанский ГУ); **А.А.Бодалев**, д-р психол. наук, проф., академик РАО; **А.А.Гаврилов**, д-р экон. наук, проф. (Кубанский ГУ); **С.Деллер**, PhD, проф. (университет Висконсин – Мэдисон, США); **В.В.Знаков**, д-р психол. наук, проф. (Институт психологии РАН); **Я.А.Коломинский**, д-р психол. наук, проф. (Белорусская академия образования); **Л.Е.Лаптева**, д-р юр. наук, проф. (Институт государства и права РАН); **Х.Пилкинсон**, PhD, проф. (Бирмингемский университет, Великобритания); **А.А.Стризов**, д-р филос. наук, проф. (Волгоградский ГУ); **П.М.Хакуз**, д-р филос. наук, проф. (Кубанский ГТУ); **А.Ю.Чирг**, проф. (Адыгейский республиканский государственный институт гуманитарных исследований); **В.К.Шаповалов**, д-р пед. наук, проф. (Северо-Кавказский ГТУ); **В.Ю.Шпак**, д-р филос. наук, проф. (Ростовский ГУ); **Е.Р.Ярская-Смирнова**, д-р социол. наук, проф. (Саратовский ГТУ).

Редакционная коллегия:

О.А.Оберемко, зам. гл. редактора, канд. социол. наук, доц.; **Г.С.Курбатова**, отв. секретарь; **Т.Т.Авдеева**, д-р экон. наук, проф. **В.П.Бедерханова**, д-р психол. наук, проф.; **А.И.Приходько**, д-р техн. наук, проф.; **А.М.Ждановский**, канд. ист. наук, проф.; **А.А.Лузаков**, канд. психол. наук, доц.; **З.И.Рябикина**, д-р психол. наук, проф.; **В.М.Юрченко**, д-р филос. наук, проф.

1-2007

Содержание

К ЮБИЛЕЮ Г.С. БАТЫГИНА

<i>Батыгин Г.С.</i> Карьера, этос и научная биография: к семантике автобиографического нарратива	4
--	---

СОЦИАЛЬНАЯ ТЕОРИЯ

<i>Ермоленко Г.А.</i> Утилитаризм и нормативная аргументация: логика потребительской культуры	14
---	----

РЕГИОНАЛИСТИКА И ГЛОБАЛИЗАЦИЯ

<i>Веркёй Ж.</i> Россия и ВТО: на финишной прямой.	31
<i>Леонов С.Н.</i> Дальний Восток и Забайкалье в экономике России и Азиатско-Тихоокеанского Региона: Переоценка возможностей	47
<i>Волосенкова Е.В., Рыбьянцева М.С., Юрченко И.В.</i> К вопросу о методологических основах исследования социально-экономической безопасности	55
<i>Плюшкин Р.С.</i> Прагматика теорий международной трудовой миграции	66
<i>Жаде З. А.</i> Цивилизационная идентичность России в глобализирующемся мире	78

ГЕНДЕРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

<i>Семёнова Л.Э.</i> Производство заблуждений: женские и мужские образы на страницах популярной психологии	89
<i>Хозяинова Т.К.</i> Личностные детерминанты отношения матери к детям	111

СОЦИАЛЬНАЯ СТРАТИФИКАЦИЯ И СОЦИАЛЬНАЯ МОБИЛЬНОСТЬ

<i>Чеснокова В.Ф.</i> Уильям Л. Уорнер Питирим Сорокин: социальная стратификация и социальная мобильность	116
<i>Еремеева А.Н.</i> Социальная мобильность научной интеллигенции в условиях общественных трансформаций второй половины 1980-х гг. – начала XXI в.	131

РЕФЕРАТЫ	141
-----------------------	------------

SUMMARY	144
----------------------	------------

КАРЬЕРА, ЭТОС И НАУЧНАЯ БИОГРАФИЯ: К СЕМАНТИКЕ АВТОБИОГРАФИЧЕСКОГО НАРРАТИВА

.....

Г.С. Батыгин¹

Биографическое повествование подчинено некоторым архетипическим схемам запоминания мест, событий и образов. Эти схемы, в отличие от мнотехнических схем запоминания в эпоху, предшествовавшую изобретению книгопечатания, где манипуляции с памятными образами должны были захватывать всю душу целиком [7, с. 6], воспроизводятся в институциональных образцах, заданных коллективными представлениями, организацией письменной речи и другими форматами «технической рациональности», диктующими свою надындивидуальную волю «жизненному миру». Роль личностного компонента здесь, скорее всего, минимизируется, если не считать способности к организованному запоминанию событий².

Карьера является одним из тех социальных институтов, которые превращают человеческую жизнь в продвижение по лестнице доходов, престижа и власти. В этом плане карьера эквивалентна вертикальной мобильности и поэтому хорошо запоминается с помощью фреймов жизненного пути, заданных трудовой книжкой, CV или некрологом — последней реификации, направленной как бы вдогонку ушедшему. Вероятно, никакой иной «жизненный путь» не может быть интерпретирован в терминах карьеры: героическое подвижничество, не выходящее за пределы заурядного быта благословенное и мирное житие, умение вышивать крестиком, писать стихи, открывать для себя новые законо-

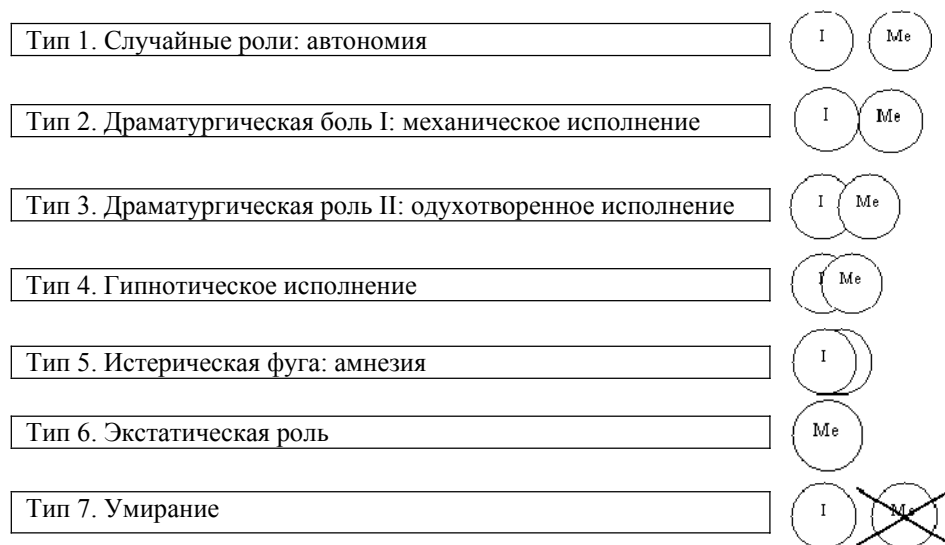
¹ Эта публикация приурочена к 55-летию Геннадия Семеновича Батыгина (1952–2003). Ставшая библиографической редкостью, статья впервые была опубликована в: Моральный выбор. Ведомости. Вып. 20 / Под. ред. В.И. Бакштановского, Н.Н. Карноухова. Тюмень: НИИ прикладной этики, 2002. Автор выражал признательность Н.Я. Мазлумяновой за неоднократное обсуждение проблемы научных карьер, а также за любезное разрешение использовать неопубликованный текст ее статьи «Человек в науке» (см.: [8]).

² Автор благодарил М.В. Рассохину и Д.М. Рогозину за возможность использовать неопубликованный текст выполненного ими перевода главы «Автобиографическая память» из зарубежных книг (см.: [12]).

мерности, починять примусы — любое достижение целей, не получающих внешнего институционального воспризнания, не вписывается в карьерные формы жизни. Более того, жизненный путь, не наполненный институционально кодифицированными событиями и ценностями, вообще не согласуется с многообразием биографических описаний [5]. О такой жизни ничего нельзя сказать, кроме того, что имярек родился, жил-был да и умер. Очевидно, он никого не интересует и не заслуживает упоминания в энциклопедии. С точки зрения карьеры его жизнь можно считать неудавшейся, как и жизни неисчислимого множества живых и мертвых, не попавших в энциклопедии. Возникает искушение считать жизни людей, упомянутых в энциклопедии, удавшимися, что также сомнительно. В этом отношении карьера (удавшаяся жизнь) являет собой результат работы институциональной матрицы (аналога печатной формы), которая штампует стандартные «жизненные копии». Проблема заключается в том, чтобы установить форматы и функциональные параметры «жизненных копий», а также соответствующие им этосы и образцы селективности. Такими образцами являются ролевые репертуары, заданные требованиями профессии.

Карьера — не столько результат личных усилий, сколько *социальный факт*, обусловленный консистентностью *социального характера* требованиям институционального образца, и *ни мало не зависит от намерений самого карьериста*. В частности, мифологии *профессионального тестирования* и подбора персонала предназначены как раз для того, чтобы проблематизировать такую консистентность и создать адаптивный механизм селекции человеческого материала для предстоящих карьер. Предполагается, что нужно иметь определенные заданные качества для карьер политического деятеля, менеджера, врача, судьи, военного, ученого и т. п. Все эти образцы являются маршрутами продвижения вверх, маркированного значимыми событиями последовательных инициаций. На всех этапах осуществляется селекция заданных образцов поведения, артикулируемых не только в виде явных требований, но и по умолчанию. В одном из таких мифов рассказывается о кандидате на пост топ-менеджера японской корпорации, который прошел длительное, изнуряющее тестирование и был приглашен на итоговое собеседование к самому шефу. Шеф сказал, что он с честью выдержал испытания, но корпорация все-таки предпочла другого кандидата. Неудачник учтиво поклонился и вышел из кабинета, а, забирая документы в канцелярии, сказал, что счастлив уже потому, что шеф осиял его своим взглядом. После этого он был приглашен в высокий кабинет вторично, и тот же шеф сообщил ему об успешном прохождении последнего испытания. Рациональное зерно такого рода мифологий заключается в том, что в основе всех карьерных реквизитов лежит конформность — принятие целей и средств институционального действия в качестве своих личных ценностей и целей. Если так, то карьера представляет собой ритуализированный образец интернализации нормативных реквизитов. Мы можем в соответствии

с классической интеракционистской схемой различить в структуре личности *Self* два компонента: *I* и *Me* — автономное трансцендентальное Я и социальное Я (институциональные характеристики статусов) — и соотнести типы карьер с интернализацией ролевых репертуаров (см. рисунок)³.

Соотношение *I* и *Me*: интернализация ролевых репертуаров

Тип 1 является внекарьерным типом поведения, поскольку предписанные случайные роли (составляющие фрагмент *Me*-комплекса) не имеют отношения к идентичности *I* и являются эпизодическими. Классы *I* и *Me* не пересекаются, локусы контроля сформированы таким образом, что экстернальный (внешний) локус минимизируется. Действительно, роли пассажира, абонента телефонных сетей, покупателя картошки, читателя газеты преимущественно не соприкасаются с личностной идентичностью, и их исполнение, как правило, не замечается и не контролируется агентом (исполнителем) действия. Никто не собирается идентифицировать себя с покупателем (если это не игра в покупателя). Исключение составляет адаптивное поведение в инокультурной среде, где необходимо постоянно подвергать свое внешнее поведение экспертизе с точки зрения его соответствия норме и тем самым подтверждать самооценку.

Усвоение эпизодических ролей и соответствующих образцов интеракции является здесь необходимым условием определения ситуаций как нормальных. Автономное Я вынуждено принимать внешние идентичности на свой счет. Так, например, ведет себя иностранец, опасющийся проявить неловкость, или новичок в организации, еще не знающий правил нарушения правил. Они

³ Интернализация ролей как соотношение *I* и *Me* рассматривается Т. Сэрбином [14].

боятся ошибиться и снизить самооценку. В последнем случае случайная роль (тип 1) переходит в **тип 2**, где актер исполняет роль так, как это предписано в наставлениях. Очевидно, исполнение является преимущественно механическим: *И* и *Ме* лишь соприкасаются. В той степени, в которой профессиональные роли ограничены выполнением регламентов, они являются собой образцы механического исполнения, где рефлексивное Я наблюдает за социальным Я и контролирует его соответствие норме. Отношение *И* и *Ме* отражает в данном случае идеальную ситуацию самоконтроля или «владения собой». Ситуация идеальна не потому, что воля рефлексивного Я преобладает над движениями Я социального, а потому, что такая раздвоенность и самоконтроль предписаны самим институциональным определением действия. Драматургическая роль с механическим исполнением присуща, например, социальному действию бюрократа, который за пределами «бюро» перевоплощается в нормального человека: он стоит в очереди за картошкой, узнает об изменениях в соседнем ведомстве из газеты и негодует по поводу злоупотреблений чиновников.

Собственно говоря, драматургическая роль состоит в умении отделять внешнее от внутреннего таким образом, что семантика внешнего преобладает над семантикой внутреннего. Помимо всего прочего это означает, что врач лечит больного, независимо от того, как он лично к нему относится, преступник он или праведник, богатый или бедный, демократ или коммунист; воин не имеет личных счетов к врагу, а ненавидит его, следуя образцу интеракции. Профессионал-продавец демонстрирует доброжелательное внимание к привередничающему покупателю, хотя мысленно уже назвал его сволочью, и будет делать это всякий раз, когда сложится аналогичная ситуация. Служение профессионалов – врачей, чиновников, военных – оформлено детально регламентированными чинами, званиями и знаками различия (фонендоскоп на шее аналогичен погонам). Автобиографический нарратив обнаруживает непересечение *И* и *Ме* в тематической и жанрово-стилистической фокусированности рассказа либо на личных обстоятельствах, либо на институциональных семантиках. Например, автобиографиям профессионалов свойственно непересечение «дома» и «работы». Исключения объясняются метатекстовыми семантиками, например, биографическим рассказом политического деятеля, где все достижения приписываются личным качествам. Локус контроля является преимущественно распределенным, поскольку исполнение роли, хотя и является механическим, подлежит постоянному сознательному контролю.

Самое совершенное механическое исполнение не может быть совершенным, поскольку либо задача становится рутинной и выполняется по привычке (здесь исполняемая роль становится эпизодической), либо человек начинает помалу вживаться в роль и усваивать институциональный образец в качестве личной задачи. Исполнение принимает одухотворенный характер и переходит в **тип 3**. Ролевые репертуары, соответствующие этому типу, предписывают

принимать ценности и цели организации в качестве собственных ценностей и целей. Локус контроля является, скорее всего, внутренним. Если это условие реализуется, можно говорить о формировании карьерного образца поведения. Такой тип поведения и соответствующий социальный характер предполагают, что человек отождествляет значительную часть своего Я с доминирующим институциональным образцом и вкладывает душу в его исполнение. Соответственно, карьера становится действительностью. *Это происходит не потому, что человек стремится к карьере, а потому, что к карьере стремится все его существо, часть которого он отдает институциональному образцу.*

Например, отождествление личных интересов с интересами организации является одной из первых предпосылок вертикальной мобильности: организация начинает опознавать актора как «своего» и возникают отношения раппорта — взаимной координации действия. Разумеется, роли пассажира, покупателя и клиента парикмахерской здесь менее пригодны, чем роли ученого, профессионала и военного. Где-то в середине воображаемого континуума находятся институциональные образцы слесаря, начальника отдела кадров, учителя физкультуры и участкового врача. Ближе к высоким образцам начинает работать семантика «призвания», которая и образует материал биографических нарративов. Имеются и исключения из стратификационной модели карьеры: тип Акакия Акакиевича Башмачкина характерен тем, что он брал некоторые бумаги домой, чтобы переписать их для собственного удовольствия. Тем не менее, просмотрев многотысячную библиотеку биографических текстов, нетрудно увидеть, что почти все они созданы теми, кто превратил свою жизнь в гонку за статусом, служению идее (научной, религиозной либо художественной) или борьбе с врагом — во всех случаях рефлексивное Я растворено в семантике институционального образца. Поэтому биографический текст следует воспринимать как стилизованное воспроизведение определенного жанровостилистического канона, например, «рассказа о жизни ученого». Очевидно, человек, не усвоивший институциональную семантику, лишен права на биографию и вынужден прибегать к стилизации. Поэтому автобиографии «простых людей» несут на себе отпечаток героического подвижничества (как правило, страдания) и, во всяком случае, как показал Б.О. Божков, фактографическая канва биографии соотносима и сопоставима с общезначимыми историческими событиями, которые служат определенными контрольными точками [3, с. 78].

Тип 4 является вырожденной формой карьерного типа поведения, где институциональный образец получает гипнотическое влияние над Я и становится доминантой ролевого репертуара. Здесь жизнь посвящена определенному призванию таким образом, что иные семантические поля оказываются в значительной степени подавленными, возникает отождествление себя с позицией избранного именно к данной роли. Воспоминания о других идентичностях

сохраняются, но не могут быть мобилизованы в жизненных стратегиях и автобиографических нарративах как не имеющие значения. Стилистика автобиографии приобретает характер возвышенной, эмфатической речи. Этим и специфичны «рассказы об ученых». Наука отличается от других регионов жизненного мира тем, что семантика «жизни» и семантика «карьеры» настолько пересекаются, что становятся практически неотличимыми.

Действительно, утвердившийся в современной литературе образ ученого предписывает быть человеком науки во всем, даже в вещах, не имеющих с наукой ничего общего. Если жизнь является более или менее приближенной копией сакрализованного, «олитературенного» институционального образца, можно предполагать, что она конституирована ценностями и нормами производства знания и сама личность выступает в качестве средства реализации «призвания», т. е. несет на себе печать сакрального. Тем не менее тип 4 возможен лишь при условии фактического воспризнания актора в качестве представителя институционального образца, который поддерживает ролевой синдром *Ме*. Когда статусная позиция актора является лишь воображаемой, случай приобретает клиническую форму, даже если он поддерживается *символическими знаками воспризнания*.

Символическое поддержание образца функционально необходимо в ситуациях институционализированного гипнотического исполнения, когда само напоминание (и воспоминание) о том, что должность, ученая степень и звание, даже лавровый венец гвоздем не прибиты, являет собой семиотическую катастрофу или потерю смысла жизни. К сожалению, нет надежных данных, показывающих связь преждевременной смертности с лишением значимой социальной позиции, однако можно предположить, что утрата смысла институционального существования влечет за собой и угрозу физическому существованию. Функциональная поддержка состояния загипнотизированности статусом и воспризнаниями выражается в пожизненных званиях, наградах, ритуальных руководящих постах и других символах, позволяющих отождествлять собственное Я и институциональный образец Я даже после того, как необходимость в таком отождествлении отпала. Так создается артефакт почетного существования. Однако круг таких артефактов достаточно ограничен «элитными» позициями в политической власти, культуре, науке и других областях, где осуществляется трансмиссия ценностей и создаются образцы социальных мифологий: героика, высокое искусство, научная классика, подвижничество, «народная любовь».

Системы символической поддержки предписанных статусов образуют один из важных компонентов стабильных социальных структур. Эти системы включают в себя отчетливо очерченный жанр биографического повествования, который называется «Жизнь замечательных людей» (в более локальной версии «Пламенные революционеры»). Круг этих людей узок. Они почти в обязатель-

ном порядке включаются в энциклопедии (и при смене исторических мифологий исключаются из них), композиция, стилистика и даже тематика биографических повествований стереотипизированы и следуют, в принципе, одному заданию: продемонстрировать принадлежность Я институциональному образцу высшего социального воспризнания. Великолепные примеры такого повествования дает подготовленный В.И. Невским автобиографический словарь революционеров [9], в повествованиях которых отчетливо представлены прецедентные темы ненависти к гимназическим учителям (если речь идет о хедере, то ненависти к раввинам), подчинения всей частной жизни общественной, идейной прозорливости, личной связи со «значимыми» вождями движения. Аналогичный семиотический комплекс явлен в биографиях ученых, где форсируются темы трудностей на ранних этапах карьеры, личная связь с «великими» («В детстве он зачитывался трудами Шредингера...»), противостояние консервативной традиции. В автобиографиях российских социологов модальный сюжет — принципиальный конфликт с господствующей идеологией (даже у тех, кто специализировался по научному коммунизму) [10].

Тип 5, который Т. Сэрбин назвал истерической фугой, является частным случаем предыдущего типа, поскольку определение ситуации в данном случае принадлежит в значительной степени Я, которое, следовательно, несет ответственность за различие реального и воображаемого. В качестве реальной может определяться ситуация, где Я приписывает себе иную семантику, чем приписывают ему «значимые другие», — тогда институциональный образец «забывается», наступает социальная амнезия. Биографический нарратив замыкается на «внутреннем Я», где переживание собственной жизни превращает внешние события в проекцию чувств и измышлений. Этот вид литературы в изобилии представлен в романтической традиции XVIII в., где «чувствования человеческого сердца» противопоставлены холодной рассудочности мира. Жанр научной биографии испытал явное влияние этой традиции, но институт внешнего воспризнания вклада и значимость профессиональных сообществ подавляют «внутреннее Я» в научных биографических повествованиях, во всяком случае, вынуждают использовать универалистские критерии отбора значимых событий. Однако в последнем случае карьера воспринимается как незначимое внешнее обстоятельство жизненного пути.

Тип 6 («Экстатическая роль») представляет собой асимметричный параноидальный случай, когда рефлексивное Я подавляется институциональным образцом и растворяется в нем. Если не считать повествований с психиатрическим анамнезом, обычно такие случаи воспроизводятся на фоне воображаемой «сверхценности» биографии и сопряжены с полным невниманием к объективной стороне изложения (что называется «без зазрения совести»). Вероятно, экстатические моменты присутствуют в автобиографическом дискурсе в качестве рационализаций семантических задач, решение которых связано со сниже-

нием самооценки автора. «Карьера» как семантическая единица приобретает здесь вымышленный, мифологизированный характер.

Тип 7 является сконструированным и нимало не связан с биографическими повествованиями и тем более карьерами. Речь идет об экзистенциальной ситуации «бытия к смерти», где все определения, тем или иным образом соотносящиеся с «социальным Я», теряют всякий смысл. Остается экзистенциальное Я, лишенное определений. Так интерпретируется «Смерть Ивана Ильича»: его семья, важное место в департаменте, сослуживцы, наследство — все отступает перед лицом смерти, которая в то же время открывает облегчение и жизнь бесконечную.

Рассмотренные типы могут стать основой для семантического кодирования биографических повествований только в том случае, если речь информанта имеет спонтанный характер и не подчинена структурным предписаниям интервью. Тогда появляется возможность экспериментально проконтролировать распределение индивидуальных и институциональных семантик, а также локусов контроля. Однако при проведении биографических интервью структурные ограничения возникают автоматически, и повествование организовано в хронологическом порядке в соответствии с логикой последовательных институциональных достижений. Тем не менее и в этом случае имеется возможность установить степень артикуляции «рефлексивного Я» и соответственно тип карьерного (внекарьерного) поведения.

Институциональные образцы карьерного поведения в науке обусловлены как индивидуально-типическими характеристиками ученых, так и функциональными позициями в системе воспроизводства научного знания и научном сообществе⁴. Следуя У. Хагстрому, Б. Веккери и Э. Веккери указывают на «управляющих», «лидеров высшего уровня», «неформальных лидеров», «лидеров, ориентированных на учеников», «педагогов», «ученых локального масштаба», «продуктивных изолятов», «малопродуктивных изолятов» и «маргиналов» [4]. Не исключено, что эти типы являются конкретизациями функциональных реквизитов научных сообществ, главные из которых — администраторы, исследователи, брокеры. Речь идет о выполнении функций распределения власти (администрировании), производстве знания и установлении сетевых связей (коммуникации). Эти функции могут совмещаться, но в развитой исследовательской программе они реализуются путем специализации административных, исследовательских и информационных органов. Эти функции не обязательно принимают вид структурных подразделений, но почти всегда выполняются отдельно. Соответственно осуществляется и селекция научного персонала: *как собаки, ученые подразделяются на служебных, охотничьих и декоративных*. Если так, то и типы научных карьер можно подразделить в

⁴ Индивидуально-психологические характеристики личности ученого рассматриваются в: [1, с. 169–181].

зависимости от того, с каким материалом соотносится биографическое повествование: властью, знанием или коммуникацией. Во всех трех указанных «регионах» индивидуальные и личностные идентичности различаются. Гипотеза заключается в том, что эти «материалы» не вполне совместимы, поэтому несовместимы и типы карьер. Институты производят полезные и необходимые фикции, но головоломки и аномалии (наука переднего края) производятся теми, кто плохо адаптирован к институтам и воспринимает институциональные образцы как эпизодические роли. «Все исследователи делятся на тех, кто тяготеет к центру институций и контролю за институционным полем, и тех, кто тяготеет к маргинальному, периферийному положению, которое не дает контроля над дисциплиной, но зато обеспечивает большую свободу и независимость», — пишет М. Ямпольский [13, с. 100]. Проблема заключается в том, чтобы установить текстовые образцы и речевые действия, обнаруживающие степень включенности в институциональный образец науки.

В той степени, в какой научное сообщество включено в рынок идей и ресурсов, важнейшую роль играют «брокеры», которые могут не принадлежать управленческим стратам, но в то же время координировать обмены и сетевые взаимодействия, выходящие за рамки сложившихся институтов. Как правило, именно они являются активным ферментом в производстве знания, который необходим при любой коммуникации. Они осваивают рынок и выполняют работу антрепренеров и инноваторов, стимулируя формирование «незримых колледжей». Соответственно различаются и формы воспризнания научных карьер. Известность, ученые степени и звания, количество публикаций, должности — все эти рутинные маркеры успеха и продвижения в науке присущи административным карьерам, однако производство знания создает и неформальные легитимации и критерии научного престижа и траста (то, что принято обозначать как «имя»), непосредственно не связанные с публикационной активностью и должностным продвижением. Здесь работают «эффекты Матфея»: те, кто получил признание, выступают в роли гарантов качества идей, на них ссылаются даже тогда, когда вклад принадлежит другим исследователям [2].

Семантические маркеры карьеры функционально связаны с артикуляцией нового знания и авторского вклада в науку. Однако производство «нового» подчинено достаточно жестким стандартам текстообразования. «Создание нового является не выражением автономной человеческой свободы, которая не хочет мириться с господствующими нормами и правилами, — пишет Б. Гройс, — а подчинением требованиям современной культурной индустрии, которая извне навязывает художнику или теоретику необходимость нового, если он хочет иметь в ней успех» [6, с. 115]. Равным образом, система воспризнания научного результата требует «нового» как фигуративного текстового образца, а не как обнаружения аномалии в предшествующих тематических концептуализа-

циях. Иными словами, текст должен содержать более или менее ясное указание на новизну, выраженную, как правило, в форме неприятия «устаревшего» и «традиционного». Кроме того, «новое» всегда возникает при соприкосновении с «чужим». Поэтому в научных биографических повествованиях активно мобилизуются оценочные речевые акты [11], позволяющие концептуализировать понятия традиции и классики, противостоящие «новому», которое является необходимым компонентом институционального, в том числе дисциплинарного, обновления.

Библиографический список

1. Аллахвердян А.Г., Мошкова Г.Ю., Юревич А.В., Ярошевский М.Г. Психология науки. М.: Московский психолого-социальный институт, 1998.
2. Батыгин Г.С. «Эффект Матфея»: накопленное преимущество и распределение статусов в науке // Ведомости / Тюменский гос. нефтегазовый университет; НИИ прикладной этики; Под ред. В.И. Бакштановского, Н.Н. Карнаухова. Тюмень, 2001.
3. Божков О.Б. Биографии и генеалогии: ретроспективы социально-культурных трансформаций // Социологический журнал. 2001. № 1.
4. Виккери Б., Виккери Э. Информационная наука в теории и на практике: Реферат / ИНИОН РАН. М., 1988.
5. Голофаст В.Б. Многообразие биографических повествований // Социологический журнал. 1995. № 1.
6. Гройс Б. О новом // Гройс Б. Утопия и обмен. М.: Знак, 1993.
7. Йейтс Ф. Искусство памяти / Пер с англ. Е.В. Малышкина. СПб.: Университетская книга, 1997.
8. Мазлумянова Н.Я. «Жизнь в науке»: Концептуальная схема и описание биографических материалов российских социологов // Социальные науки в постсоветской России. М: Академический проект, 2005.
9. Невский В.И. Материалы для библиографического словаря социал-демократов, вступивших в российское рабочее движение за период от 1880 до 1905 г. / Петрогр. Бюро Комис. по истории Окт. революции и Р.К.П. М.; Пг.: Госиздат, 1923.
10. Российская социология шестидесятых годов в воспоминаниях и документах / Отв. ред. и автор предисл. Г.С. Батыгин; Ред.-сост. С.Ф. Ярмолюк. СПб.: Изд-во РГГИ, 1999.
11. Рябинская Н.С. Оценочные речевые действия в дискурсе социальных наук: Рукопись. М., 2001.
12. Садмен С., Брэдберн Н., Шварц Н. Автобиографическая память / Пер. с англ. Д.М. Рогозина, М.В. Рассохиной // Социологический журнал. 2002. № 2.
13. Ямпольский М. Личные заметки о научной институции // Новое литературное обозрение. 2001. № 4 (50).
14. Sarbin T. Role theory. N.Y.: Free Press, 1967.

УТИЛИТАРИЗМ И НОРМАТИВНАЯ АРГУМЕНТАЦИЯ: ЛОГИКА ПОТРЕБИТЕЛЬСКОЙ КУЛЬТУРЫ

.....

Г.А. Ермоленко¹

Идеационная сфера значений потребительской культуры предполагает формирование специфической области референции, ведущим принципом которой становится визуализация культурного опыта. В связи с этим важной задачей становится выявление философских оснований «потребительской логики». Известно, что истоки теоретического осмысления языка потребительской культуры восходят к основателям утилитаризма — И. Бентаму и Дж.С. Миллю. В работе «Введение в основания нравственности и законодательства» И. Бентам рассматривает принцип полезности как решающий фактор формирования тезауруса потребительской культуры, проявляющийся в стремлении человека к удовольствиям и выгоде. Желание удовольствий И. Бентам считает естественным и обнаруживает его корни в самой природе. Полезность определяется как «то свойство предмета, по которому он имеет стремление приносить благодеяние, выгоду, удовольствие, добро или счастье» [1, с. 14]. Всякое стремление опровергнуть принцип пользы И. Бентам связывает не с теоретической слабостью самого принципа, а с плохим его применением, потому что «когда человек хочет опровергнуть принцип пользы, то свои доводы он извлекает из того же самого принципа» [1, с. 21].

И. Бентам доказывает естественность утилитаристской этики демонстрацией того, что люди часто принимают её неосознанно, если не для определения своих действий, то для суждения о действиях других. Доказывая истинность принципа пользы, И. Бентам характеризует те этические принципы, которые противоположны ему по содержанию. Другие принципы могут быть в следующем отношении с принципом полезности: полное противоречие (аскетизм) и частичное противоречие (принципы симпатии и антипатии). Так, принцип

¹ Ермоленко Галина Алексеевна — кандидат философских наук, доцент кафедры философии Кубанского государственного университета. Электронная почта: kozhevnikov@kubannet.ru.

Статья принята к публикации 27.09.2006 г.

аскетизма есть неверное применение принципа полезности, возникающее по причине обнаружения связи между некоторыми удовольствиями и страданиями. Аскетизм приводит к выводу о необходимости отказаться от «всякой вещи, которая представлялась под именем удовольствия», хотя его принципы «не могут быть последовательно выполнены ни одним живым существом» [1, с. 21]. Принципы симпатии и антипатии требуют отказаться от какого бы то ни было внешнего стандарта с целью получить право судить о действиях, исходя из чувства расположения или раздражения. Отсюда проистекает тенденция этих принципов к суровости. И. Бентам замечает, что нельзя представить себе такого случая, из которого бы они не извлекли основания для наказания. Им может стать всякое различие во вкусах или во мнениях. Своеобразным воплощением упомянутых принципов является телеологический принцип. Он лишён самостоятельной основы, так как воля Бога не может быть его явленной волей. Она лишь предполагается таковой по причине согласованности её правил с правилами какого-нибудь другого принципа. И. Бентам пишет: «Мы можем быть совершенно уверены, что всё, что хорошо, сообразно с волей Бога. Но это не показывает, что хорошо» [1, с. 23].

Представляя удовольствие в качестве основы полезного и нужного действия, И. Бентам исходит из диалектической максимы о взаимосвязи удовольствия и страдания. Выявляя четыре источника удовольствия, он замечает, что они же являются и источниками страдания. К ним И. Бентам относит: физические (происходящие от «естественного хода природы»); политические (исходящие от частного лица или группы, например, политические санкции); нравственные (возникающие от случайных лиц в обществе) и религиозные (проистекающие «от руки Высшего невидимого существа в настоящей ли жизни или будущей»). Страдания и удовольствия И. Бентам обозначает одним именем — «интересующие восприятия». С ними напрямую связано человеческое счастье или несчастье. Поэтому, выявляя источники удовольствий, И. Бентам стремится установить необходимую норму полезности, гарантирующую «наибольшее счастье для наибольшего числа людей».

Представление о счастье принимает форму социальной мифологемы, в которой нет места частному интересу. Он подменяется общественным. Общество рассматривается как сумма индивидов, а общественный интерес — как калькуляция частных. Ничто индивидуальное не может играть в этой ситуации независимую роль. Калькуляция оказывается нереализуемой в социальном пространстве и перерастает в идеализацию какого-то конкретного вида деятельности и образа жизни. Значение индивидуальной потребности подменяется общественным интересом, фактической мифологизацией какой-то определённой системы потребностей. Отсюда происходит та тесная связь утилитаризма с социализмом, о которой писал Б. Рассел, замечая, что «социализм возник в дни расцвета бентамизма как прямой результат развития ортодоксальной

экономии» [13, с. 263]. Выражением такой экономии становится «моральная арифметика» И. Бентама, предлагающая судить о счастье индивида по некоей универсальной «шкале удовольствий и страданий». Принцип полезности, лежащий в основе потребительской культуры, ориентирован на благополучие общества в целом, рядовой человек остаётся вне поля его внимания, сам по себе. Его частная жизнь признаётся не существенной в той «арифметике», которая ведёт в «общественное счастье».

Результатом такого обобщения интересов, проведённого в утилитаризме под лозунгом «индивидуальной пользы», становится применение экономических категорий к анализу социальных реалий. Общему пути к счастью отдаётся предпочтение по причине некоторой экономической целесообразности, эффективности. Так, формальная концепция рациональности М. Вебера, в которой целевая рациональность противопоставлена ценностной, использует целесообразность как достаточное и необходимое основание полезного действия. Рациональность понимается М. Вебером как опосредованное (орудийное) действие. Это характеризует и те рациональные формы, которые М. Вебер выделяет в структуре деятельности: рациональность как целеполагание (способность подчинять деятельность определённой цели); рациональность средств деятельности (эффективное использование средств) и рациональность предмета деятельности (степень соответствия предмета наличным целям и средствам). В работе «Протестантская этика и дух капитализма» М. Вебер приходит к выводу об универсальном значении культуры Запада. Указывая на полезность научных открытий и прагматическую настроенность западной цивилизации, он заключает: «Только на Западе существует наука на той стадии развития, значимость которой мы признаём в настоящее время» [3, с. 44]. Смысл капитализма М. Вебер видит в «обуздании алчности» посредством подчинения жизни рациональной по своей природе идее общественной выгоды и пользы.

Формальная рациональность М. Вебера, ставшая выражением духа капитализма, определяет характерные особенности потребительской культуры и раскрывает новое пространство для мифотворчества. На почве утилитаристской «моральной арифметики» складывается миф о всеобщей пользе либерализма. Идеология либерализма рассматривается как источник справедливости и счастья. Максимизация желаемых результатов представляется оптимальной при культивировании рационального отношения к ресурсам и возможностям. Это принуждает примирить идеал равенства с необходимостью неравенства и конкуренции. Неравенство характеризуется как полезный принцип, реализованный в целях общего благополучия. Фактическая несправедливость большинству является в мифологическом сознании в образе мировой справедливости, нового порядка для всех. Так, представитель умеренного утилитаризма Ж. Нарвисон поясняет, что неравенство делает жизнь более ценной, создаёт

разнообразие качеств и интересов членов общества, необходимо лишь умеренно заниматься благотворительностью [5, с. 42].

Экономическая эффективность становится основанием общественного блага, поэтому экономический успех и общественное признание подменяют собой представление об индивидуальном самосовершенствовании и счастье. Теория морали И. Бентама представлена не внутренним голосом совести, а мнением других людей. Статистические сведения, описывающие общество посредством репрезентативных групп и социологических выборок, вызывают в потребительской культуре большее доверие, нежели частные мнения и комментарии. Потребительское сознание вообще оказывается мало восприимчивым к частным формам жизни. Его занимают глобальные проекты, польза которых во сто крат превышает индивидуальные возможности. Своеобразная замороженность успехами технической цивилизации заставляет отдельного человека рассматривать свои возможности сквозь призму всеобщих завоеваний цивилизации, что погружает его в мир иллюзорных желаний и ожиданий. Они простираются далеко за пределы частной жизни и уводят индивидуальное сознание в идеальное пространство всеобщей необходимости.

В мифологическом мироощущении иллюзорный мир социальных ожиданий имеет вполне реальное воплощение, он представляется как мир природы, обладающий безграничными ресурсами, приумножающими богатства потребительской культуры. Поэтому созданное цивилизацией пространство считается естественным, безусловным, природным по своей сути (потребитель воспринимает достижения культуры как само собой разумеющееся), что позволяет парадоксальным образом констатировать тезис о победе человека над природой. Эту проблему рассматривает в трактате «Человек отменяется» К. Льюис. В усилении современного человека он видит причины его ослабления: «Человек не может просто становиться сильнее. Любая сила, которую он обретает, направлена против кого-то. Каждый шаг вперёд делает человека и сильнее, и слабее» [9, с. 146]. Отождествление достижений цивилизации с природой символизирует победу мира действующих причин, количества, над миром конечных причин (качества). Став на уровень природы, культура превращает себя в объект. Реализуя прагматическое отношение к природе, она занижает её онтологический статус, недооценивает, упрощает не только явления природы, но и собственное содержание. Человек фактически подменяет реальную природу тем, что он смог понять.

В этом ясном для потребителя мире есть место только полезным объектам. Поэтому смыслом в потребительской культуре наделяются «покорённые» и «побеждённые» феномены природы. Только в таком состоянии природа становится интересна человеку. При этом «ценностные суждения уже неуместны, *causa finalis* – не важна, качественный подход не нужен» [9, с. 148]. Природа, да и сама культура становятся абстракцией, мнимостью, утратившей самое

главное. Социальная мифология потребительского общества формирует уверенность в рациональной объяснимости всего происходящего, тотальной предсказуемости: природа живёт по законам человека, поэтому в его власти находится её будущее. Так, К. Льюис замечает: «Звёзды не станут природой, пока мы их не измерим; душа не станет природой, пока мы не подвергнем её психоанализу. Пока процесс этот не кончен, нам кажется, что выгод больше, чем потеря. Но стоит нам сделать последний шаг — перевести на уровень природы самих себя, — и потеряет смысл сама речь о выгодах, ибо тот, кто должен был выгадать, принесён в жертву» [9, с. 147]. К. Льюис наглядно показывает, что современный человек, уподобляясь королю Лиру, пытается сложить с себя королевское достоинство и остаться королём, но это невозможно: «...когда человек победит природу, природа сможет отпраздновать победу над человеком» [9, с. 149].

К. Льюис подвергает критике ориентацию науки на потребление и господство, показывает бесперспективность для человеческой культуры этого вектора развития. Устремлённость новоевропейского эмпиризма в направлении экспериментальной сферы познавательной деятельности приводит к возникновению мифа о поступательном прояснении реальности наукой, о приходе на смену средневековой тьмы света научного знания. Идея прогресса вызывает критическое переосмысление мировой истории и ожидание позитивных свершений в будущем. Польза с точки зрения логики потребления должна непременно возрастать. Поэтому сила знания проявляется во всё большем прояснении действительности. Комментируя эту тенденцию развития научного идеала, К. Льюис остроумно замечает: «Нельзя всё лучше и лучше „видеть насквозь“ мироздание», смысл научного знания заключается лишь в том, чтобы увидеть за ним нечто. «Прозрачный мир — это мир невидимый; видящий насквозь всё на свете не видит ничего» [9, с. 149]. Образцом знания для К. Льюиса становится аналитика, лишённая идеи амбициозного господства: ей хорошо знакома абстрактная природа познавательной деятельности, и она не собирается отождествлять свои знания с естественной необходимостью. Такая наука ориентирована на гуманистические идеалы и перспективы. Она «не дерзнёт обращаться даже с овощами и минералами так, как обращаются теперь с человеком. Объясняя, она не будет уничтожать. Говоря о частях, она будет помнить о целом», «она не будет платить за знание ни чужой, ни своей жизнью» [9, с. 153].

Стремление придать гуманистическую перспективу потребительской культуре специфически проявило себя и в русле утилитаризма. Так, Дж.С. Милль предпринял попытку смягчить «моральную арифметику» И. Бентама. От идеи индивидуальной выгоды, присущей утилитаризму И. Бентама, Дж.С. Милль переходит к идее всеобщего счастья. Если у И. Бентама индивидуальное вступало с общественным в тесную связь, то Дж.С. Милль вообще исключает ин-

дивидуальное измерение блага из своей теории, подвергает критике идею частной выгоды: счастье может быть только общественным. Став общественным достоянием, счастье обрывает дополнительную социальную мифологию. В качестве противодействующих ему сил рассматриваются социальные тенденции, а не конкретные действия и намерения людей. Потребительская культура предлагает человеку внести свой вклад в развитие этих тенденций и получить «социальные дивиденды», специфический *потребительский эквивалент счастья*. Дж.С. Милль называет три фактора, препятствующих человеческому счастью: плохие законы в государстве (лишающие человека возможности пользоваться доступными ему источниками счастья); недостаток интеллектуального развития (завышенные притязания, непонимание своего счастья); себялюбие людей (нереализованное желание лучшего для себя, скрывающееся за апатией и пессимизмом).

Счастливым человек в культуре потребления должен проявлять политическую активность (эта необходимая часть легитимации власти представляется как путь к личному счастью). Политическая активность принимает форму борьбы за право на источники счастья. Вместе с тем необходимым становится отказ от части своих прав, так как в потребительской культуре востребованные ресурсы всегда ограничены, и каждый не может рассчитывать на всё. При этом растворившийся в обществе потребления человек настроен оптимистически: сложив с себя ответственность за свою жизнь, получив нужные социальные гарантии, он избавляется от необходимости ожидания и планирования чего-то нового. Передав свою жизнь и свои права «социальной рациональности», он позволяет культуре как «невидимой руке рынка» самой всё решить за него.

Потребительская культура гарантирует стабильность, погружая в жёсткие рамки творческие способности человека. Её язык обладает высоким трансгрессивным потенциалом: актуализирует традиционные, исторически сложившиеся мифы и стереотипы, оформляющие общественное понимание благополучия и счастья; представляет их в образе эффективных, рациональных программ, ориентированных на максимизацию индивидуальной деятельности, достижение успеха и получение экономической прибыли. Социальное мифотворчество в потребительской культуре превращает сферу должествования в совокупность стандартов и образцов. Деонтологическая перспектива, возникающая в классическом утилитаризме, приводит к отождествлению морального должествования и стремления к счастью. Но даже приписывание Дж.С. Миллем к моральным регулятивам санкции совести не позволяет реализовать предполагаемое бескорыстное должествование. Представление о долге облекается в социально регламентированные формы: совесть из внутренней санкции, как она задумывалась Дж.С. Миллем, переходит во внешнюю и начинает существовать в социальной мифологии независимо от человека,

растворяясь в наличной системе общественной нормативности. Так рождается миф о «совести нации», «совести народа». В России его реминисценцией стала «русская идея», подвергающая реальную российскую культуру мифологической трансформации и фактически разделяющая общество на своих и чужих в целях политической манипуляции. «Нерусским» в свете такой тенденциозной позиции может стать каждый инакомыслящий, а став «чуждым» своей культуре, он лишается социального доверия. Подлинное долженствование исчисляется в потребительской культуре массами, проявляется в жизни коллективов и имеет количественное измерение.

Современный утилитаризм дополняет классический, предписывая полезности ценностные характеристики, определяющиеся желаниями и намерениями субъекта. Систему оценки действий Ж. Навесон строит исходя из соотношения классического принципа полезности с идеей объективной моральной ценности. Ж. Навесон утверждает, что наши оценки действий определяются тем, насколько ценнее данное действие X в моральном аспекте, чем действие Y, поскольку X имеет большую полезность, чем Y. Стереотипизация нравственного чувства становится неизбежным следствием прагматической теории ценностей. В «нормативном утилитаризме» (Р. Бранд, Д. Харрисон, Дж. Эрмсон) поступок занимает место, традиционно присущее моральному языку и логике морального знания. Это служит примером визуализации культурного опыта, его эстетизации. В языке потребительской культуры область значений складывается в атмосфере выгодных дел, полезных предметов и ценных рекомендаций. Выгодное, полезное и приятное – это те смысловые центры, вокруг которых складывается тезаурус культуры потребления. Норма рассматривается как универсальный эквивалент пользы: моральный поступок согласуется с нормой, потому что она полезна для всех. Правильность поступка определяется в соответствии с тем, насколько он соответствует моральной норме, выражающей общее благо. «Утилитаризм правила рассматривает норму только в формально-логическом аспекте (с точки зрения абстрактного субъекта в абстрактных обстоятельствах)» [7, с. 28]. Моральные нормы ставят всех в одинаковое положение, требуют одинакового поведения от каждого. Они обращены ко всем и принуждают всех действовать в соответствии с тем, что все считают добром.

Попытку отказаться от стандартизации культурного опыта предпринимают сторонники «утилитаризма действия» (Дж. Сمارт, Д. Бирнбахер), предлагая программу гуманистической этики в целях теоретического обоснования исключительно индивидуального поведения. Так, Дж. Сمارт в своём «Очерке системы утилитаристской этики» называет свою теорию «научным реализмом» и критикует нормативный утилитаризм за абстрактность подхода, исключающую возможность выбора поступка. Объектом его оценки становится не вид и род действий, а каждый отдельный поступок в конкретной ситуации:

поступок является правильным, если он ведёт к лучшему результату по сравнению с другими возможными поступками. Выбор наилучшего действия производится из рациональных соображений. Отказываясь от субъективистского толкования морали Дж. Смарт, отвергает счастье и удовольствие как критерий оценки результата поступка, освобождает этику утилитаризма от гедонистического колорита. В поле его внимания попадают только реально наблюдаемые и поддающиеся эмпирической проверке факты и ситуации. Последствия действия становятся объектом научного изучения. При этом Дж. Смарт замечает, что не собирается прибегать к «моральной арифметике» И. Бентама и считает подсчёт суммы удовольствий и страданий невозможным. Свой метод оценки результата действия Дж. Смарт называет рациональным и коренным образом отличающимся от потребительской морали. Его эмпирическая основа подчиняется необходимости учёта реальных последствий, которые поступок может иметь для блага человека. При этом Дж. Смарт не называет критерий, на основании которого человек мог бы решить, какие нормы он должен принять (как и К. Поппер, считает абстрактным критериальный подход). Дж. Смарт лишь говорит о том, что человек должен руководствоваться стремлением к достижению максимума полезности своих поступков.

Метод рационального конструирования культурного опыта Дж. Смarta развивает Д. Бирнбахер, заявляя, что объективным критерием добра является максимизация всеобщего счастья. Д. Бирнбахер обращается к понятию счастья, утверждая, что оно поддаётся социологическому и психологическому исследованию. Счастье превращается в предмет эмпирического изучения и выходит за пределы субъективного рассмотрения. Понятие счастья фактически подменяется определённой совокупностью позитивных эмоций, внутренней удовлетворённостью человека, подтверждённой статистическим анализом. Рациональность в утилитаризме приобретает социальное измерение, разум в ней — источник общественной пользы и выгоды: «штампы разума обременены заботой об общем интересе», «команды разума всегда оправданны» [7, с. 72]. Поэтому место философии в потребительской культуре тоже претерпевает специфическую трансформацию, оно связывается с закреплением нравственных нормативов и повышением эффективности общественной деятельности, хотя известно, что со времён Сократа социальную роль философии определяет не обоснование мифологии, а рефлексивная деятельность, направленная на разоблачение её псевдорациональных оснований.

Неизбежным следствием мифологизации социальной роли философии становится интеллектуальный и моральный релятивизм. К. Поппер называет его «главной болезнью философии нашего времени» и характеризует как «концепцию, согласно которой выбор между конкурирующими теориями произволен» [12, с. 452]. Открытость реальности для рациональной дискуссии обуславливает дуализм фактов и решений: «нормы всегда относятся к фактам, а факты

оцениваются согласно нормам» [12, с. 459]. Норма в потребительской культуре не обладает социальным весом сама по себе, она нуждается в дополнительной аргументации, в выявлении присущей её прикладной области. Абстрактная установка нормы на добро и справедливость не воспринимается как убедительная без дополнительного обоснования. Этический релятивизм проявляется в стремлении совмещать теоретические принципы с конкретными прагматическими контекстами. Кантовская идея автономности морали, противопоставленная гетерономности, выражается в языке потребительской культуры в форме «морального самозванчества», при котором индивид заявляет: «Только я сам должен решить, считать ли мне нормы, установленные Богом или авторитетом, добром или злом» [12, с. 458].

Отдаётся предпочтение принятию решений путём проб и ошибок. Даже если предположить возможным логическое доказательство для определённого субъекта правильного для него способа действия, то и в этом случае, как замечает К. Поппер, «субъект может не обращать на нас внимания и ответить: «Ваше „должен“ и ваши моральные правила меня не интересуют» [12, с. 468]. Поэтому К. Поппер приходит к выводу, что аргументы не являются достаточным основанием для серьёзного отношения той или иной нравственной позиции, они не могут «заставить уважать свой собственный разум». Так, например, «мы можем знать о „золотом правиле“ и неправильно судить о позиции другого человека, о запасе его знаний, о его целях и нормах» [12, с. 466]. К. Поппер утверждает, что не существует авторитарных источников знания. В условиях открытого рационального дискурса источником достоверных нормативных суждений становится каждый. Это формирует особый профанный образ моральной нормативности, соответствующий потребительской культуре. В его рамках деятельность ограничивается целевой рациональностью и носит инструментальный характер. Она фактически не предполагает автономного формулирования целей. Как справедливо замечает М. Хоркхаймер, полагание целей инструментальный разум «вынужден предоставить слепым чувственным установкам и предпочтениям» (цит. по: [14, с. 67]).

Кантовская идея автономности предполагает беспристрастное обсуждение практических вопросов, признание за ними теоретических оснований. С этим связаны современные попытки выявления условий их оценки. С. Тулмин в работе «Место разума в этике» рассматривает правильность как необходимое основание действия, а не его устойчивое качество: «Всё, что нужно двум людям (и всё, что у них есть) для того, чтобы вступить друг с другом в спор по поводу этических предикатов, — это основания, исходя из которых следует делать это, а не другое» (цит. по: [14, с. 81]). Природа этих оснований далеко не всегда имеет рационально аргументационную почву. Так, эмотивистский и императивистский подходы в этике сводят смысл нормативных предложений к субъективным установкам, выражающим переживания, требования и ис-

пользующим суггестию как средство убеждения. Ценностные высказывания перетекают в нормативные: основанием нормативных суждений становится образ жизни, повседневный опыт и личные предпочтения. Ю. Хабермас поясняет: «Выражение „Это хорошо“ означает примерно то же, что и фраза „Я это одобряю, поступай так же, как я“» [14, с. 85].

Моральный лексикон потребительской культуры ориентирован на то, чтобы создавать императивы и экспрессивные предложения, которые не могут претендовать на аргументационную значимость. Это позволяет Ю. Хабермасу прийти к выводу о ложности широко распространённого мнения о существовании «моральной истины». Язык потребительской морали существует только в пространстве опыта, даже нормативные предложения носят децизионистский характер. Их половинчатость проявляется всякий раз, когда индивиду приходится принимать то или иное решение. В таких условиях формируется особая теория аргументации, которая, по словам С. Тулмина, «сосредоточивается на вопросах о способе обоснования нормативных предложений, о форме аргументов, о критериях „весомости“ оснований, которые в силу своей убедительности заставляют нас признать требования в качестве моральных обязанностей» (цит. по: [14, с. 89]).

Ю. Хабермас строит этику в форме логики моральной аргументации и исходит из того, что к моральному согласию нельзя принудить ни эмпирическими очевидностями, ни дедуктивными выводами. Он разграничивает объём понятий «истинность» и «правильность» и относит их содержание к разным видам притязаний на значимость: пропозициональная истинность определяется посредством обоснования, а нормативная правильность подтверждается соответствующим поведением. Поэтому «истинность предложения означает наличие того или иного обстояния дел», а его правильность — «соблюдение тех или иных норм» [14, с. 94]. Моральные нормы активно применяются в повседневной речевой практике только тогда, когда они имеют вид ассерторических предложений, в которых факт утверждения не эквивалентен логической необходимости. Ещё Д. Юмом было показано, что из суждений со связкой «есть» логически не выводимы суждения со связкой «должен». Большое значение этому принципу придавали А. Пуанкаре и К. Поппер. Вместе с тем известно, что нормы приобретают без фактов утопический характер, поэтому их притязание на фактическую значимость является неизбежным. Так, А.А. Ивин определяет норму как последствие санкции, как «социально навязанную и социально закреплённую оценку» [6, с. 38]. Ю. Хабермас замечает, что мотивами признания нормативной значимости могут служить не только различные виды санкций, но и убеждения, так как «позитивистски ввести нормы в действие недостаточно, для того, чтобы надолго обеспечить их социальную значимость» [14, с. 97].

Язык потребительской культуры содержит неявные оценки. К числу «хваляемых» понятий можно отнести «порядок», «рациональность», «труд», «спра-

ведливость» и др. Оценочный характер этих слов обусловлен соотношением их с устойчивыми стандартами. Сама процедура названия находит слову наиболее соответствующую ему смысловую атмосферу, даёт определённую оценку: называет предмет описания плохим или хорошим. А.А. Ивин отмечает, что «назвать привычную вещь другим именем – значит подвести её под другой образец и, возможно, иначе её оценить» [6, с. 39]. Поэтому действующие предписания в потребительской культуре имеют оценочный характер, следование им является результатом всеобщего признания. Так, ещё И. Кант в «Метафизике нравственности» писал, что моральные принципы исключают как недействительные те нормы, которые не выражают всеобщую волю, так как должны годиться для всеобщего закона. Ю. Хабермас уточняет специфику универсализации нормы в современной культуре. Он считает, что форму безусловных предложений долженствования, запрещающих ссылаться на определённые группы и лица, можно придать и явно аморальным суждениям. Отсюда его стремление найти более точную основу универсализации: подвергнуть пробному обобщению реально действующие нормы, «ограничившись кругом тех, кого они касаются». Аналогичную стратегию моральной аргументации предлагают К. Байер, Б. Герт, М. Сингер, Р. Хеар.

Оригинальная попытка монологического разрешения этой проблемы содержится в «теории справедливости» Дж. Ролза. В её основе лежит идея перенесения морального субъекта в «вымышленное прасостояние», обеспечивающее всеобщее равенство и отказ от властных амбиций. Эта метаморфоза позволяет оставить человека в неведении относительно своего места в будущем социальном пространстве и образует особый метод универсализации. Беспристрастность приобретает операциональный характер и позволяет, с точки зрения Дж. Ролза, каждому в одиночку осуществить обоснование норм. Фактически Дж. Ролз отражает прагматическое представление о норме, в котором каждый сам является последней инстанцией в выборе наилучшего действия. Язык потребительской культуры ориентирован не только на отдельные суждения рефлектирующих индивидов. Индивидуальные моральные соображения не находят своего воплощения в нормативных установках и подвергаются критике со стороны других членов общества. Поэтому потребительской культуре присуща дискурсивность, что раскрывается в активных коммуникативных процессах, возникающих на разных уровнях смыслополагания. Ю. Хабермас справедливо замечает, что «пересмотр ценностей, дающих основание для интерпретации потребностей, не может быть делом, которым монологически распоряжались бы отдельные индивиды», так как потребности интерпретируются «в свете культурных ценностей», являются частью «интерсубъективно признанной традиции» [14, с. 107].

Информация становится в этих условиях не просто совокупностью сведений, она приобретает событийный, процессуальный характер, потенциально

наделяется нормативной значимостью. Сосредотачиваясь в единое смысловое пространство, информация в потребительской культуре, образует тезаурус и создаёт основу для возникновения культурных универсалий. Значение информации возрастает в потребительской культуре: информация становится жизненно важным явлением. Она продаётся и покупается, оказывается предметом всеобщего любопытства. Многочисленные средства коммуникации вовлекают человека в процедуру дискурса, имеющую зачастую характер буффонады. Её предметом становится то, что некогда было сакральным, нормативным, личным, то, что способно вызывать общественный интерес. Дискурс в потребительской культуре отказывается от традиционных тематических и этических рамок. Его амплуа — эпатаж, он предназначен удивлять, шокировать. Дискурс уходит от каких бы то ни было потаённых проблем — всё тайное стремится сделать явным: установить всё некогда скрытое, минимизировать в процессе коммуникации существующие социальные барьеры. На уровне видимости господствует мифологическая по своей природе уверенность во всеобщем единстве и тотальном понимании происходящего, но на деле в потребительской культуре знающий всё не знает ничего, что создаёт беспрецедентные условия для манипуляции сознанием. Коммуникация приобретает профанный характер: всеобщее любопытство и коллективный энтузиазм легко сочетаются с равнодушием и лицемерием. Непрестанное уточнение информации приводит к отрыву от реальности, человек погружается в виртуальный мир, где информация находит визуальное отображение, «скользит по поверхности» от картинке к картинке. Цифровые технологии подменяют в потребительской культуре подлинные человеческие ценности «виртуальными универсалиями», создают впечатление временности и непостоянства нормативных предпочтений. Под влиянием этих тенденций в культуре происходит десакрализация бытия и секуляризация общественной жизни. На таком фоне массовое сознание порождает образ «среднего человека», «человека толпы».

Социальным диагнозом потребительской культуры Х. Ортега-и-Гассет называет «приход масс к неограниченной власти в обществе», «восстание масс» [10, с. 40]. Показателен образ «человека-массы», которому присущи следующие характерные особенности жизненного кредо «среднего человека»:

- 1) социальная инертность: стремление во всём полагаться на других и отказываться от управления собственным существованием, «плыть по течению»;
- 2) желание навязывать другим свои «банальные суждения», своё «право на посредственность»;
- 3) стремление к суверенности и равенству;
- 4) ощущение «пустоты своего существования» как следствие удовлетворённости основных желаний;

5) исчезновение интереса к прошлому и духа традиционности, отказ от норм, правил и образцов, сопровождающиеся ощущением одиночества и пониманием, что «мёртвые умерли не в шутку, а по-настоящему, что они уже ничем не могут помочь нам» [10, с. 64];

6) ощущение близости отдалённого: «То, что происходит в одной точке земного шара, происходит везде» [10, с. 65];

7) торжество над временем, возникающее при помощи скорости: способность вместить в меньший отрезок времени больший;

8) уверенность в прогрессивном развитии общества и отношение к будущему как к естественному по своей природе астрономическому явлению, что подавляет всякое «беспокойство по поводу будущего»;

9) стремление жить сегодняшним днём, отказ от выбора;

10) «радикальная неблагодарность», избалованность окружающим миром;

11) утрата способности оценивать собственные силы: «не надо прилагать никаких усилий, всё гарантированно, всё уже сделано» [10, с. 85];

12) забота о своём благосостоянии и выгоде, действия только по необходимости;

13) вседозволенность, отсутствие авторитетов, проявляющиеся как ощущение собственного господства;

14) герметизм, замкнутость в себе: «Средний человек не обращает внимания на то, что его непосредственно не касается» [10, с. 93];

15) неспособность к пониманию принципов, на которых держится цивилизация;

16) безразличие, «непроницаемость души»: «Глупец живуч и толстокож» [10, с. 96];

17) уверенность в своём совершенстве: «Отсюда то завидное спокойствие, с каким дурак торжественно проносит по жизни свою собственную глупость» [10, с. 96];

18) сознательный отказ от использования собственного интеллекта;

19) стремление иметь своё мнение по всем вопросам, судить обо всём: вульгаризация науки, искусства, общественной жизни; вульгарность провозглашается как следствие равноправия: «средний человек» заявляет своё «право на вульгарность»;

20) тяготение к «прямым действиям», являющееся следствием убеждённости в естественной природе своего «права на вульгарность».

Социальный идеал Х. Ортеги-и-Гассета — аристократическая культура, критерием которой становится не профессиональная и классовая принадлежность, а духовные ценности. Она существует в потребительском обществе

как социальное меньшинство. Для аристократа характерно следование долгу, стремление к самосовершенствованию: «Жизнь аристократа — дисциплина духа» [10, с. 88]. Аристократ умозрительно погружается в трансцендентную реальность, занят рефлексивными практиками и интеллектуальными поисками: «Благородный человек стремится преодолеть „я“, выйти за рамки наличного существования» [10, с. 91]. Действия аристократа — проявление воли и разума, его жизнь динамична и противоположна инертности «человека-массы». Таким образом, язык потребительской культуры выстраивается в теории Х. Ортеги-и-Гассета в плоскости социального противоречия «гениальных одиночек» (меньшинства) и «средних людей» (большинства).

Известно, что культура в массовом сознании приобретает вид индустрии, системы адаптации к унифицированным и стандартизированным потребительским образцам. Центральный участник этого «индустриального предприятия» («человек-масса») кажется на первый взгляд главным героем. Но в мифологической перспективе, которую задаёт тезаурус потребительской культуры, его роль незначительна: «массы — это не мера, а идеология индустрии культуры» [4, с. 103]. Мифологическое сознание не готово смириться с обыденностью, оно ожидает от реальности *чуда, откровения*. Объективация этих потребностей создаёт *образы героев*. Воплощением идеалов потребительского общества становятся политики, актёры, представители шоу-бизнеса. Известность, популярность превращаются в неотъемлемый признак общественного доверия. Активность распространения информации обретает функцию нормативной значимости. Концентрация внимания масс и удержание героического образа в зоне повышенного интереса — центральный сюжет мифологической практики. В поле внимания масс попадает не только официальная, формальная информация. Главное место принадлежит инсинуациям, скандалам и разоблачениям.

Зоны повышенной информационной активности, вызванные мифологической героизацией, превращаются потребительской культурой в товар, так как всё, обладающее ценностью, приобретает в ней товарно-денежное измерение, получает прагматическое истолкование. Предметом купли-продажи становится «жизненный мир» героя. Достоверность его виртуальному существованию придаёт дескриптивный характер языка потребительской логики. Благодаря демонстрации конкретных фактов, предметов и событий описание «жизненного мира» героя приобретает визуальный характер. Как точно замечает А.Ф. Лосев, миф есть «личностная история» [8, с. 13]. Поэтому в мифологической практике внимание привлекает «настоящее», непосредственно выраженное в культуре. В действительности же «жизненный мир» героев представляет собой своеобразное постановочное действие: его отношение к непосредственной жизни является призрачным. Мифологический образ героя соткан из пикантных противоречий, в которых колоссальные возможности переплетаются

с лёгким и порой несерьёзным (игровым) восприятием происходящего. Этот мир притягивает взор «человека-массы», манит его «блеском своих огней», заставляет поверить в реальность предлагаемого иллюзорного пространства.

Мифологические герои потребительского общества вызывают социальное доверие, их образ мыслей, стиль жизни и предметы потребления становятся модными и вызывают видимость равенства. Ж. Бодрийяр остроумно замечает, что «мода является одним из институтов, который наилучшим образом восстанавливает и обосновывает культурное неравенство и социальное различие, утверждая, будто бы их он как раз и уничтожает», «мода стремится выйти за пределы социальной логики» [2, с. 41]. Всё, что связано с идеальными образами ассоциируется у «человека-массы» с успехом и процветанием. Поэтому счастье в потребительской культуре тесно связано с ощущением личной причастности к миру мифологических героев: обладанием их предметами, подражанием их образу жизни и мировоззрению. Подражательство образует особую форму «социального реализма»: копирование — кредо «человека-массы». Оно активно используется в целях рекламы и позволяет направить потребительский интерес в нужное русло: сформировать новую потребность и разъяснить полезность очевидно бесполезного для здравого смысла дела или предмета. Человек в массовой культуре осуществляет выбор действия на основе его полезности, но критерии её он не решает назвать, так как не доверяет своему разуму. Их он предпочитает искать в идеационной сфере и сознательно относит к области мифотворчества. Создавая иллюзию приобщения к подлинному миру, реклама акцентирует внимание не на реальных качествах предметов, а на том, что хотел бы видеть потребитель: на их чудесных свойствах и возможностях. Так, например, реклама пластиковых окон обращает внимание покупателя не на реальные свойства предлагаемого товара, а прибегает к мифу о том, что он является источником тепла. Технические средства передачи информации представляются в мифологическом сознании источниками ума, интеллекта, а модные аксессуары и предметы — стиля, успеха и общественного признания. Содержание и фактическое предназначение предметов трансформируются в потребительской мифологии и демонстрируют область социальных ожиданий, позволяющую характеризовать природу тезауруса культуры.

Его специфика не определяется тотальной зависимостью от достижений цивилизации. Потребности «человека-массы» формируются несколько в иной области: они ориентируются на свои идеалы и ценности. Мотивами действий становятся не примитивные желания и побуждения, а магическое восприятие идей и предметов. Им приписываются сверхъестественные способности и придаётся особое значение. Мифотворчество реализует ожидания потребительской культуры, создаёт то, что расширяет её границы, оказывает спланирующее, интегрирующее влияние на её атмосферу. Предметный мир потребительской культуры «оживает» посредством мифологической героизации,

обнаруживает в себе внутреннюю динамику и обретает особый жизненный потенциал. Креативное пространство потребительской культуры образуют не сами предметы потребления — круг их целенаправленно сужается: в их числе остаются только те, экономическая эффективность производства которых оказывается выше. Целостность потребителю мироощущению придают мифологические «эквиваленты» предметов. Так, в киноискусстве мифологическая героизация прибегает к трансформации пространства и времени, объёма и цвета, что не только вызывает у зрителя разрозненные впечатления, но и погружает его в виртуальную реальность, расширяющую традиционные рамки человеческих возможностей. Искусство в потребительской культуре *визуализирует виртуальные образы*, объективирует новые интересы и воплощает латентные желания.

Таким образом, тезаурус языка потребительской культуры проявляет себя в области социального мифотворчества и характеризуется следующими ключевыми идеями:

- 1) «интересующие восприятия» складываются вокруг принципа полезности, эффективности действия и осознаются как воплощение рациональности;
- 2) благополучие оценивается как социальный эквивалент счастья и равенства;
- 3) нравственный релятивизм проявляется в виде отказа от традиционного принципа нормативности;
- 4) дискурсивность находит воплощение в потребительской культуре в форме профанной коммуникации;
- 5) героизация реальной действительности выражается в визуализации виртуальных образов;
- 6) идеационное пространство языка складывается в сфере мифологического ожидания чуда и магического отношения к реальности.

Библиографический список

1. Бентам И. Введение в основы нравственности и законодательства / Пер., предисл., коммент. Б.Г. Капустина М.: РОССПЭН, 1998.
2. Бодрийяр Ж. К критике политической экономии знака. М.: Библион — Русская книга, 2004.
3. Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма // Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс 1990.
4. Воеводина Л.Н. Социальное мифотворчество. М.: Московский государственный университет культуры и искусств, 2002.
5. Галинская И.Л. Критический анализ этики утилитаризма: англо-американские исследования 1970—1980 гг.: Науч.-аналит. обзор. М: ИНИОН АН СССР, 1984.

6. *Ивин А.А.* Моральное рассуждение // Мораль и рациональность / Отв. ред. и авт. предисл. Р.Г. Апресян. М.: ИФ РАН, 1995.
7. *Куликова Н.Н.* Критика утилитаристских концепций морали. М.: Знание, 1981.
8. *Лосев А.Ф.* Философия. Мифология. Культура. М.: Политиздат, 1991.
9. *Льюис К.* Любовь. Страдание. Надежда: Притчи, трактаты. М.: Республика, 1992.
10. *Ортега-и-Гассет Х.* Восстание масс // Ортега-и-Гассет Х. Дегуманизация искусства. М.: Радуга, 1991.
11. *Ортега-и-Гассет Х.* Искусство в настоящем и прошлом // Ортега-и-Гассет Х. Эстетика. Философия культуры. М.: Искусство, 1991.
12. *Поппер К.* Открытое общество и его враги. М.: Культурная инициатива, 1992. Т. 2.
13. *Рассел Б.* История западной философии. Новосибирск: Изд-во Новосибирского ун-та, 1994. Кн. 3.
14. *Хабермас Ю.* Моральное сознание и коммуникативное действие. СПб.: Наука, 2000.

РОССИЯ И ВТО: НА ФИНИШНОЙ ПРЯМОЙ

Ж. Веркёй¹

ВТО — это инструмент. Тот, кто умеет
им пользоваться, становится сильнее.
Владимир Путин

Введение

Россия впервые обратилась с заявкой на вступление в ГАТТ в 1993 г. За прошедшие четырнадцать лет российская экономика претерпела глубокие изменения и теперь значительно отличается от той, какой она была в начале переговоров: господство рыночных процессов, хотя и принявших специфическую форму во многих секторах, стало необратимым. За прошедшее время сам ГАТТ превратился в ВТО, Уругвайский раунд сменился Дохийским, условия вступления усложнились, а количество государств-членов возросло со 113 до 150², что повлияло на природу самих переговоров.

Чего может ожидать от 2007 г. Россия, которая в какой-то момент казалась обречённой вечно гнаться за ВТО, как Ахилл из апории Зенона Элейского за черепахой? Догонит ли она наконец эту организацию? И на каких условиях произойдёт присоединение?

Хотя в позитивном исходе процесса уже давно никто не сомневается, пример Китая вызывает озабоченность: на переговоры между последней коммунистической державой и членами международной организации, символизирующей

¹ Жюльен Веркёй — доктор экономических наук, руководитель Департамента управления Технологического института им. Жана Мулена в Лионе. Электронная почта: jver-cueil@univ-lyon3.fr.

Статья принята к публикации 14.02.2007 г.

Статья перепечатана с разрешения Французского института международных отношений (IFRI) из электронного источника: Russie.Nei.Visions. 2007. № 16 (февраль), www.ifri.org. Russie.Nei.Visions — электронная коллекция статей, посвящённых России и странам СНГ. Каждый номер коллекции выходит на русском, французском и английском языках. Статьи размещаются на сайте: www.ifri.org.

² В январе 2007 г. Вьетнам стал 150-м членом ВТО.

западный капитализм, ушло целых пятнадцать лет. Сегодняшнее состояние переговоров между Россией и странами-членами внушает оптимизм, оставшиеся препятствия кажутся менее сложными, чем те, что уже преодолены. Самые неблагоприятные дискуссии остались позади: двусторонние переговоры с США закончились подписанием соглашения в ноябре 2006 г., а перспектива окончания второго мандата Владимира Путина должна ускорить процесс с российской стороны, поскольку вступление в ВТО было обозначено президентом как приоритетное направление.

Стоит, однако, отметить, что переговоры проходили в контексте сложных политических игр и противоречий, особенно в России. Горький след оставила в памяти политика переходного периода, проводимая в 1990 гг. под эгидой международных финансовых организаций. Одни считают, что вступление в ВТО станет бесполезной дополнительной уступкой приверженцам англосаксонской либеральной экономики³, тем более что основные экономические преимущества России на международной сцене — энергетические и минеральные ресурсы первостепенного значения — не входят в полной мере в компетенцию этой организации. По мнению других, Россия не может позволить себе долго оставаться последней крупной страной, не являющейся членом ВТО, поскольку рискует оказаться за пределами влиятельных международных кругов, принимающих решения инстанций и деловых потоков⁴.

Сложность политико-экономического контекста — одна из глубинных причин аритмичности переговоров, в которых фазы ускорения (1996–1998, 2001–2003 гг.) сменяются фазами взаимного раздражения (1998–2001, 2004–2005 гг.), что обрекает на неудачу все прогнозы относительно даты окончания процесса, на которые осмеливаются аналитики и участники.

В данной статье будет представлено состояние процесса присоединения России к ВТО на начало 2007 г. Напомнив основные структурные параметры включения российской экономики в мировую, мы предложим свою оценку преимуществ и рисков, связанных со вступлением России в ВТО, а затем затронем основные этапы и камни преткновения переговоров. В заключение изложим соображения о финальном этапе, к которому подходят дискуссии.

Место России в мировой экономике и ее влияние на переговоры

С точки зрения формальных критериев экономика России является открытой: в 2005 г. внешняя торговля составила 56% её ВВП. Эта открытость обеспечивает весьма существенный приток внешних доходов. Положительное сальдо торгового баланса в последние годы достигло рекордных значений (120 млрд

³ За этим аргументом скрывается страх некоторых российских промышленников (например, в автомобильной промышленности) того, что полное открытие внутреннего рынка для международной конкуренции поставит под угрозу их собственные позиции.

⁴ Именно эту позицию отстаивают российские исполнительные власти.

дол. в 2005 г., т. е. около 16% ВВП). Но факты упрямы: год за годом, невзирая на повторяющиеся заявления сменяющих друг друга правительств о необходимости диверсификации экономики страны, Россия продолжает демонстрировать как в структуре своей экономики, так и во внешнеторговых отношениях всё тот же профиль специализации на природных ресурсах, с явно выраженным упором на углеводородные энергоносители. Этот сектор можно назвать настоящей «небесной манной» для экономики: он составляет 25% национального ВВП, 40% налоговых поступлений в государственный бюджет, 60% экспорта; именно этот сектор объясняет профицит счёта текущих операций; в большой степени благодаря ему государство смогло уменьшить внешний долг с 88% от ВВП в 1999 г. до 10% в 2006 г., способствовав тем самым значительному повышению места страны в рейтингах международных агентств. Однако показатели внутриотраслевой торговли России⁵, отражающие степень интеграции национальной производственной структуры в международное разделение труда, остаются одними из самых слабых в Европе [9]. Текущие отраслевые данные о внешних прямых инвестициях в России не позволяют предсказать изменение тенденции в среднесрочной перспективе [24].

Способ интеграции российской экономики в мировую не слишком отличается от интеграции «нефтяного государства» (*petrostate*). Рост мировых цен на энергоносители с 1999 г. привёл к неизбежному увеличению веса этого сектора в экономике. За время двух президентских мандатов В. Путина большая часть этого сектора вернулась под государственный контроль после практически полной его потери при Б. Ельцине. То, что сегодня, как и вчера, сравнительные преимущества России лежат в сырьевом секторе, а отрасли с большой добавленной стоимостью по-прежнему отсутствуют в её профиле специализации, объясняется в основном отсутствием серьёзных мер в этом направлении с 1992 г.

С учётом этого контекста представляет ли вступление в ВТО реальный интерес для России? Некоторые российские наблюдатели — и не только представители национальных промышленных кругов — продолжают задавать этот вопрос⁶. Действительно, доступ в ВТО предполагает рост конкуренции для российских промышленников. Заслуживает внимания вопрос о возможных последствиях для сохранения занятости, особенно в традиционных промышленных секторах и связанных с ними регионах России, хотя эти последствия с трудом поддаются точному измерению. В чём же заключается для России преимущества вступления в эту организацию, если учесть отсутствие ответных гарантий привилегированного доступа на рынки основных потребителей энергетических сырьевых ресурсов (что выходит за пределы полномочий ВТО)?

⁵ В частности, индекс Грубела — Ллойда.

⁶ Одна из политических фигур среди противников присоединения к ВТО — бывший депутат Думы Константин Ремчуков.

Преимущества успешной интеграции России в ВТО

Помимо классических экономических работ, разъясняющих выгоду от либерализации торговли, для обоснования преимуществ вступления России в ВТО обычно приводятся следующие аргументы.

Доступ к институтам ВТО. Вступление в ВТО позволило бы России пользоваться принятыми в рамках этой организации многосторонними соглашениями: режим наибольшего благоприятствования, борьба с демпингом, снижение тарифных и снятие нетарифных барьеров. В среднесрочной перспективе, в случае вступления в ВТО, Россия сможет воспользоваться более благоприятными условиями для торговли со стороны своих партнеров.

Право голоса в международных организациях. Доступ на арену влиятельных многосторонних переговоров дает российским властям возможность отстаивать позицию своей страны на будущих раундах и таким образом влиять на их исход.

Обеспечение защиты интересов России на независимой основе. Присоединение к ВТО открыло бы ей доступ к Органу по разрешению споров (ОРС), обеспечивающему независимое рассмотрение спорных вопросов в области торговли. Даже без непосредственного обращения к нему этот орган влияет на поведение стран-участниц, вынуждая их к поиску компромиссных позиций, как это недавно доказали многочисленные споры, в которые были вовлечены США.

Прекращение дискриминационных практик в сфере торговли. Вступив в ВТО, Россия может добиться отмены односторонних антидемпинговых мер, принятых против неё многими торговыми партнёрами (ЕС, США и др.), которые обходятся экономике России в 2–4 млрд дол. в год⁷.

Обеспечение внешней поддержки для проведения внутренних реформ. Структурные реформы, проведение которых требуется от России в рамках переговоров о вступлении в ВТО, призваны улучшить и стабилизировать систему законов, регулирующих экономическую деятельность, и гарантировать их эффективное применение на территории РФ. Прямые и косвенные последствия такой институциональной стабилизации имеют ключевое значение для среднесрочного развития России, особенно в силу их воздействия на инвестиционный климат. В среднем за двадцать последних лет вступление в ВТО вызвало в соответствующих странах ускорение потоков прямых иностранных инвестиций на 4 млрд дол. в год [26].

Развитие международных торговых отношений России. Возросшая открытость иностранных рынков дает дополнительные возможности национальным

⁷ По оценке Министерства торговли и экономического развития России, в наибольшей степени это касается черной металлургии, химической промышленности, промышленных товаров и удобрений, см. [20].

экспортёрам; в то же время усиление конкурентного давления на национальную экономику должно способствовать снижению цен, повышению качества продуктов и услуг, а главное, наилучшему распределению ресурсов. Некоторые обозреватели считают, что только обострение международной конкуренции будет способно вызвать необходимые для российской экономики реструктуризации [10].

Способствование переориентации России на экономику, основанную на знаниях. Соблюдение защиты прав на интеллектуальную собственность, требуемое для участия в ВТО, позволит России создать правовые рамки для развития наукоёмких секторов и удержать квалифицированную рабочую силу и научный потенциал на территории страны [26].

Можно привести множество количественных оценок ожидаемого от вступления в ВТО выигрыша для России. Расчётные модели говорят об улучшении доступа к иностранным рынкам, более эффективном распределении ресурсов экономики, положительном влиянии импорта иностранных капиталов и технологий на производительность промышленности и сферы услуг, повышении отдачи инвестиций. Расчётный эффект варьируется между 0,4 и 4 пунктами годового прироста в среднесрочной перспективе [4; 19]. В долгосрочной перспективе позитивное воздействие на потребление должно достичь 7% в год в результате снижения таможенных тарифов и благодаря облегчению доступа для иностранных инвесторов к сектору услуг [23].

Оценки последствий вступления в ВТО на занятость населения неоднозначны. Теоретически перераспределение ресурсов, связанное с открытостью рынков, должно привести к созданию рабочих мест в наиболее конкурентоспособных секторах и их сокращению в менее конкурентоспособных. Однако малоподвижность межотраслевых потоков рабочей силы выявляет определённую инерцию производственной структуры по отношению к изменениям относительных цен, которые могут возникнуть в случае вступления в ВТО [8]. По мнению этих авторов, для занятости последствия присоединения к ВТО не должны превысить 0,5–1 % от общей занятости в промышленном секторе. Эти расчёты подтверждаются и другими исследованиями [16].

В целом количественные анализы последствий вхождения России в ВТО подчеркивают его позитивные последствия. Если понижение тарифных барьеров не должно вызвать значительных изменений, то влияние снятия нетарифных барьеров и либерализации сектора услуг на эффективность экономики может быть более значительным. Предполагается, что отрасли, связанные с эксплуатацией природных ресурсов, получают наибольшую пользу от либерализации доступа к иностранным рынкам, в то время как трудоёмкие отрасли, такие как лёгкая промышленность или агропищевая, столкнутся с ужесточением конкуренции.

Влияние переговоров на реформы в России

Попытка выделить среди реформ, предпринятых Россией с 1994 г., те, которые непосредственно связаны с переговорами о вступлении в ВТО, заранее обречена на неудачу. Тем не менее некоторые проведенные реформы последних лет можно связать с очередной интенсификацией переговоров, начавшейся в 2001 г.

Внешняя торговля. Период, последовавший за первоначальным открытием российской экономики, привёл к созданию сложной, противоречивой, неэффективной и коррумпированной таможенной системы. Реформа регламентирования внешней торговли заключалась главным образом в его упрощении. С 1 января 2001 г. количество таможенных тарифов сократилось с 7 до 4⁸. Впоследствии средний тариф был понижен с 13% и стал ниже 10%. Вступил в силу новый перечень продукции внешнеторгового обмена, который в большей степени, чем предыдущий, соответствует международным стандартам. Долгожданный Таможенный кодекс был утверждён 1 января 2004 г. [7]. С помощью Мирового банка была осуществлена реструктуризация таможенной администрации. После пятнадцати лет не всегда беспроblemного существования она насчитывает сегодня 60 000 служащих и собирает около 40 % бюджетных ресурсов государства (для сравнения — 10% в 1991 г. [22]). Были также облегчены некоторые другие нормативные положения, касающиеся внешних обменов: создана единая система налогообложения экспорта сырой нефти, отменены некоторые пошлины на экспорт сырья⁹. В 2006 г. был полностью отменён валютный контроль над доходами от экспорта товаров.

Свобода конкуренции и управление предприятием. Российские власти взяли на себя обязательство внести изменения в Закон о банкротстве 1998 г., противоречия в котором препятствовали принятию справедливых судебных решений, и осенью 2002 г. была принята новая версия, в которой были исправлены недочёты первоначального текста; в частности, правовые возможности кредиторов и должников стали более уравновешенными. Недавно внесённые поправки ужесточили наказания, которым подвергаются руководители, виновные в непредоставлении информации или сознательном банкротстве [18]. В сентябре 2002 г. были приняты поправки к закону о защите конкуренции и полномочиях Федеральной антимонопольной службы. Основные проблемы,

⁸ В настоящий момент таможенные тарифы составляют от 0 до 20%. Основные ставки зафиксированы на уровне 5, 10, 15 и 20%. Они касаются 3 500 наименований продукции из 10 000 включённых в таможенную классификацию России. Тарифы на некоторые субкатегории были объединены с целью избежания ложных деклараций. Среди исключений можно назвать автомобили, облагаемые пошлиной в размере 25%, рафинированный сахар, этиловый спирт (при крепости более 80% пошлина составляет 100%) и табачные изделия. Действующую тарифную структуру см.: www.russian-customs-tariff.com.

⁹ Тарифы на экспорт золота, древесины и некоторых категорий целлюлозно-бумажных изделий (с 1 марта 2002 г.).

которые еще предстоит решить в этой сфере, касаются правоприменения и дееспособности российской судебной системы.

В сотрудничестве с Мировым банком, Европейским банком реконструкции и развития (ЕБРР) и Организацией экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) правительство начало в сентябре 2000 г. преобразование правовой системы, регулирующей управление предприятием, приведшее в 2002 г. к созданию «Кодекса корпоративного управления», в который впоследствии были внесены многочисленные поправки. Последние изменения, внесённые в законодательство, направлены на предоставление больших прав миноритарным акционерам¹⁰. Крупные российские компании отныне представляют счета в соответствии с международными нормами.

Банковский сектор и сектор услуг. Реформа Центрального банка России (ЦБР) была начата российскими властями в октябре 2000 г. и сопровождалась другими реформами государственных финансовых институтов (например, Внешэкономбанк и Внешторгбанк). Российский национальный банковский совет, ответственный за контроль деятельности ЦБР, получил более широкие полномочия с целью повысить прозрачность банковских операций.

Несмотря на постоянное давление со стороны международных организаций, реструктуризация банковской системы потребовала длительного времени. Влияние Сбербанка, государственной сберегательной кассы, располагающей беспрецедентной сетью агентств и государственной гарантией вкладов, остаётся главенствующим (в Сбербанке сконцентрировано 55 % частных вкладов россиян) и вызывает недовольство со стороны частных банков-конкурентов. Меры, принятые для реструктуризации сектора, коснулись главным образом государственной гарантии вкладов, минимального капитала, необходимого для выдачи Центральным банком России разрешений коммерческим банкам, и ограничения доступа зарубежных банков на российский рынок. В ноябре 2002 г. было отменено ограничение на максимальное иностранное участие в капитале российских банковских учреждений. К тому же в июле 2001 г. и в сентябре 2002 г. были приняты два закона по борьбе с отмыванием капиталов, что позволило российским властям продемонстрировать своё стремление к соблюдению норм Международной группы финансовых действий (GAFI)¹¹ и добиться исключения России из «чёрного списка» несотрудничающих стран. Недавнее повышение роли банковского сектора в финансировании потребления и инвестиций является признаком его прогрессирующей зрелости. Символической

¹⁰ Одна из поправок, вступившая в силу в июле 2006 г., обязывает того, кто приобретает более 30% голосов в акционерном обществе, сделать предложение о покупке оставшихся частей. Обладатель более 95% голосов акционерного общества может вынудить миноритарных акционеров продать ему оставшиеся доли [18].

¹¹ Международная группа финансовых действий ОЭСР призвана отслеживать международные действия по отмыванию капиталов.

стала продажа в феврале 2006 г. Импексбанка (1,8 млрд дол. активов) зарубежному учреждению¹². Тем не менее реструктуризация сектора ещё не закончена: капитализация частных банков остаётся недостаточной, три крупнейших государственных банка — Сбербанк, Внешторгбанк и Газпромбанк — продолжают контролировать 36% активов сектора, 45% частных кредитов и 33% кредитов для предприятий [11], а зарубежные банки контролируют только 10 % банковских активов страны по сравнению с 70 % в среднем в странах Центральной Европы.

Вопрос о банковском секторе символичен для общего вопроса об открытости сектора услуг, высокий уровень защиты которого, соответствующий слабому развитию национальных предприятий (в частности, в сферах страхования и телекоммуникаций), стремится сохранить Россия. В то же время она позволяет вливание иностранных капиталов, необходимых для консолидации и модернизации этого сектора.

Отношения между государством и предприятиями. В 2000 г. был предложен план реформы отраслей железнодорожного транспорта, телекоммуникаций и газовой отрасли, направленный на подчинение всех этих секторов исключительному контролю федерального центра. Этот план был представлен в феврале 2001 г. рабочей группе ВТО по доступу к участию в капитале предприятий телекоммуникаций для иностранных инвесторов. Приватизация, проведенная в течение 2001–2003 гг., была более транспарентной, чем прежде¹³. Крупнейшие естественные монополии (такие, как производитель электроэнергии РАО ЕЭС) продвинулись в реализации своих программ по реструктуризации, разработанных в соответствии с моделями, предложенными международными организациями.

Однако, начиная с 2004 г., темп реформ в области отношений между государством и предприятиями замедлился, отражая смену официальной линии исполнительной власти в этой области. Фактическая ренационализация «Юкоса» охладила инвестиционный климат в стране. Не состоялась предусмотренная в 2004 г. реструктуризация РАО ЕЭС, был разработан лишь план частичной приватизации. Приватизация продолжилась в 2005 г., но ее темп самым правительством оценивался как слишком медленный. В декабре 2005 г. Государственная Дума проголосовала за поправку, дополнительно открывающую иностранным инвесторам капитал Газпрома, мирового лидера по добыче газа. Но в конце 2006 г. президентским указом Газпрому была официально предоставлена монополия на экспорт газа — жест, который со всей очевидностью преследовал цель напомнить о господстве политической власти в этом секторе. Впоследствии та же привилегия была дана предприятию по экспорту

¹² Австрийскому Райффайзенбанку [12].

¹³ Примером этого улучшения служит приватизация 85% нефтяной компании «Онако», принесшая государству 1,1 млрд дол. Иностранные наблюдатели оценили эту сумму как разумную.

вооружений «Рособоронэкспорт». После несколько лет колебаний приватизация Связинвеста — холдинга, доминирующего в секторе национальных немобильных телефонных систем, — была отложена на период после 2007 г.

Правовая и налоговая системы. Правовая система продолжает трансформироваться в сторону сближения с нормами, обязательными для присоединения к ВТО. Между 2003 и 2005 гг. двенадцать законодательных актов были приняты в прямом соответствии с переговорами о вступлении в ВТО. Однако вопрос об эффективном исполнении принятых законов на всей территории страны остается принципиально открытым. Обладают ли территориальные и местные органы власти способностью и желанием реализовать на практике исходящие из центра законодательные тексты? Меры, принятые в период президентства В. Путина, продемонстрировали стремление новой команды восстановить «вертикаль власти». Чтобы уменьшить риск коррупции, количество видов коммерческой деятельности, подлежащей лицензированию, было сокращено с 450 до 120, административные формальности по регистрации предприятий были упрощены, а права предприятий по отношению к инспекциям расширены. Тем не менее на практике коррупция не перестаёт расти, как это показывают регулярные исследования, проводимые международными и неправительственными организациями (Всемирный банк, Transparency International)¹⁴. Кроме того, отступление от принципа разделения властей, особенно в части независимости судебной системы от исполнительной власти, осложняет борьбу с коррупцией.

Налоговый кодекс и финансирование социального страхования были пересмотрены летом 2000 г. Взимание подоходного налога упрощено принятием единой ставки в 13%, социальные отчисления были объединены в один налог, ставки НДС зафиксированы в пределах от 10 до 20%, база налогообложения предприятий пересмотрена в соответствии с западной практикой. В июле 2001 г. ставка налогов на прибыль предприятий понижена до 24 %, а с 1 января 2003 г. введён облегченный и упрощённый налоговый режим для малых и средних предприятий.

Что касается международного признания, главным результатом проведённых в экономическом законодательстве России реформ стало предоставление российской экономике статуса рыночной сначала Европейским союзом¹⁵, а весной 2002 г. — Соединёнными Штатами Америки. Полноправная интеграция в «большую восьмёрку» произошла в начале лета 2002 г.

¹⁴ Об эволюции показателей коррупции за последнее десятилетие в России см., например, [2].

¹⁵ Об этом решении было объявлено на российско-европейском саммите в мае 2002 г., и оно вступило в силу в ноябре 2002 г. Теперь в антидемпинговых расследованиях принимают за референтную базу стоимость затрат российских предприятий, а не предприятий других стран, которым уже был присвоен статус рыночной экономики [15].

Состояние переговоров

В 1995 г. российская сторона предоставила рабочей группе по присоединению России к ВТО Меморандум о внешнеторговом режиме, в котором описывается её политика в сфере внешней торговли и связанных с ней областях. На основе этого меморандума члены рабочей группы составили письменные вопросы, на которые российские участники переговоров должны были ответить. Таким образом был налажен циклический процесс, который развивается в рамках официальных многосторонних встреч. Параллельно с этим проводятся двусторонние дискуссии с членами группы для определения особых условий присоединения (с начала переговоров было проведено 30 встреч). По результатам дискуссий заключаются многочисленные важные двусторонние соглашения, а рабочая группа составляет отчёт, который представляется на утверждение всем странам-членам с целью подготовки протокола о присоединении России к ВТО.

Основные трудности заключительного этапа, на котором сейчас находится Россия, касаются цен на энергоносители, интеллектуальной собственности, сельского хозяйства, санитарных и фитосанитарных норм и стратегических отраслей промышленности.

Вопрос о ценах на газ. Российская система поставок газа основывается на фактической монополии, предоставленной государственному предприятию Газпром на производство и сбыт. Эта монополия¹⁶, унаследованная от советского периода, позволяет сохранять двойную ценовую политику с различными ценами для внутреннего рынка и для экспорта. Таблица иллюстрирует существующий разрыв между ценами на газ для российских предприятий и мировыми.

Средняя цена природного газа для промышленных потребителей
(дол. на м³) [3, с. 16]

Россия	Украина	Польша	Великобритания	Франция	ЕС	США
40	70	115	125	140	145	205

Партнёры России считают, что применяемые на внутреннем рынке цены являются скрытыми субсидиями для российских производителей. ОЭСР оценила размер этих субсидий в 5 % от ВВП [21]. Последствия низких цен на газ ощутимы во многих секторах, например, в производстве химических удобрений, в ценах на которые стоимость газа составляет 75% [17]. Поэтому многие члены рабочей группы считают, что внутренние цены на энергию (особенно на газ) должны быть значительно приближены к международным. Российская

¹⁶ Принадлежащий на 50,01% государству, которое назначает 6 из 11 членов административного совета, Газпром имеет биржевую стоимость, превышающую на начало 2007 г. 250 млрд дол., что позволяет отнести его к четырём самым крупным предприятиям в мире.

сторона отвечает, что внутренние цены отражают сравнительные преимущества России. Кроме того, они применяются ко всем национальным отраслям промышленности и должны, с точки зрения российских участников переговоров, рассматриваться как неспецифические субсидии, отвечающие правилам ВТО, содержащимся в Соглашении по субсидиям и компенсаторным мерам¹⁷. Другими словами, они не должны быть отнесены к списку запрещённых субсидий или тех, которые могут стать предметом компенсаторных мер со стороны тех потребителей, которые могут посчитать себя ущемлёнными [17]. В то же время правительство обнародовало проект по либерализации цен на уровне 25 % национального потребления газа с 2007 г., который коснётся главным образом предприятий. График либерализации цен на поставки частным лицам, будет растянут на несколько лет [13].

Права на интеллектуальную собственность. Россия создала правовой арсенал, призванный защитить права на интеллектуальную собственность. Она подписала основные конвенции в этой сфере, а также множество двусторонних соглашений. Проблема заключается в применении этих текстов на практике: потери, связанные с нелегальным воспроизводством американской аудиовизуальной продукции, согласно оценкам, превышают 750 млн дол. Подделка американской продукции представляет более половины покупок этого типа продуктов российскими частными лицами. В конце 2005 г. американский парламент приостановил действие режима наибольшего благоприятствования для России до принятия ею мер по повышению эффективности борьбы с нарушениями прав интеллектуальной собственности, от которой страдают американские предприятия. Россия в свою очередь подчёркивает предпринимаемые ею усилия по борьбе с фальсифицированным товаром и напоминает, что и другие члены ВТО (в частности Китай) встречаются с теми же проблемами.

Сельское хозяйство. Вопрос о субсидиях для сельского хозяйства продолжает оставаться камнем преткновения между сторонами. Каждый кандидат на вступление должен сформулировать свои предложения таможенных тарифов на импорт сельскохозяйственной продукции, а также субсидий, предоставляемых этому сектору (животноводство, сельскохозяйственное производство, помощь в инвестициях, предоставление льготных кредитов, помощь в транспортировке сельскохозяйственной продукции и др.). В соответствии с Соглашением по сельскому хозяйству ВТО, Россия должна зафиксировать максимальный предел своей помощи сельскому хозяйству, приняв за расчетный период три года, предшествующие её вступлению, а также взять на себя обязательство сократить оказываемую ею поддержку этой отрасли на 20% в ходе последующих шести лет.

¹⁷ ВТО запрещает специфические субсидии, выделяемые предприятию, группе предприятий или отрасли промышленности страны, предоставляющей эти субсидии, см. [6] (ч. 2 «Запрещенные субсидии»).

Первоначальные предложения России основывались на данных за период 1989–1992 гг., в соответствии с которым была предложена внутренняя поддержка сектора на уровне 84 млрд дол. и субсидии на экспорт в размере 1,6 млрд дол. После отклонения этих предложений рабочей группой российская сторона неоднократно пересматривала свои позиции. Последние предложения заключали в себе снижение внутренней поддержки до максимального уровня 9,5 млрд дол., а уровня субсидий на экспорт на 0,7 млрд дол. Принципиальное возражение российским предложениям высказали страны Кернской группы¹⁸, которые предлагают принять за расчетный период 1997–1999 гг., когда в силу бюджетного кризиса субсидии для сельского хозяйства были значительно сокращены: сумма субсидий в этот период составляла 2–3 млрд дол., т. е. меньше минимального уровня, соответствующего 5% от общей стоимости производства сельскохозяйственных продуктов, допускаемого соглашением по сельскому хозяйству.

Пример сельского хозяйства иллюстрирует асимметричный характер переговоров по присоединению [1]: Россия не в состоянии диктовать свои условия членам рабочей группы. Переговорные отношения складываются по многим параметрам в пользу последних, потому что они могут в значительной мере влиять на определение условий, на которых Россия в конечном счёте вступит в организацию.

Санитарные и фитосанитарные нормы. Россия была обвинена в нарушении правил ВТО в области нетарифных барьеров, в частности, по причине создания неоправданных санитарных и фитосанитарных норм. В этом плане интерпретация нормативных актов зависит от позиции наблюдателя. Так, например, США выразили сомнения в обоснованности принятых Россией мер против импорта американских кур, объясняемых с российской стороны риском передачи вируса птичьего гриппа. Переговоры между двумя сторонами о протоколах ветеринарных проверок лишь недавно привели к договоренности в силу опасений американской стороны, что подобные меры могут быть снова использованы в будущем.

Автомобильная и авиационная промышленность. Оба сектора имеют общие характеристики: символичное значение, унаследованное от бывшего престижа (эти отрасли представляли цвет советской гражданской индустрии), структурная уязвимость, связанная с пережитым кризисом 1990 гг., естественная склонность к лоббизму (их представители приучили политические власти прислушиваться к себе¹⁹) и беспокойство за будущее (конкуренция западной

¹⁸ Созданная в рамках ВТО Кернская группа состоит из 18 членов (ЮАР, Аргентина, Австралия, Боливия, Бразилия, Канада, Чили, Колумбия, Коста-Рика, Гватемала, Индонезия, Малайзия, Новая Зеландия, Парагвай, Перу, Филиппины, Тайланд, Уругвай), выступающих против практики сельскохозяйственных субсидий.

¹⁹ Например, группа БазЭл О. Дерипаски, которая объединяет промышленников автомо-

и азиатской промышленности непосредственно угрожает им на внутреннем рынке).

С начала 2000 г., в рамках переговоров об открытии рынка товаров, российские представители²⁰ выдвинули следующие принципы:

— присоединение России к ВТО не должно вылиться в немедленное и значительное снижение таможенных пошлин; снижения возможны в среднесрочной перспективе и в некоторых чётко обозначенных секторах²¹;

— никакое факультативное отраслевое соглашение не может быть принято как предварительное условие вступления в ВТО.

Несмотря на таможенную пошлину на импорт в 25 %, доля рынка основных отечественных автомобилестроителей, снижающаяся на протяжении последних 15 лет, составляет в настоящий момент менее 50%²². За повышенные пошлины на импортные автомобили и комплектующие к ним Россия предлагает в качестве компенсации близкие к нулю пошлины на комплектующие, предназначенные для сборки на заводах владельцев, расположенных на российской территории, в обмен на принятие последними обязательств постепенного перехода к работе с российскими поставщиками [14].

Похожая ситуация сложилась и в гражданском самолётостроении. Россия аргументирует установление двадцатипроцентных тарифных ставок на импорт самолётов тем, что её промышленность функционирует на 0–15 % своих возможностей и что модернизация этой отрасли требует инвестиций, которые могут быть предоставлены только под прикрытием прочных таможенных барьеров. Европейский союз и США торопят Россию с подписанием многостороннего факультативного соглашения о гражданской авиации, разработанного в рамках ВТО. Россия в определённый момент была готова подписать это соглашение, но впоследствии отказалась от этого обещания [17], преследуя указанные новые правительственные цели. При этом участники переговоров сами не уверены в своей способности эффективно определить границы необходимых уступок: «Двусторонние переговоры, несомненно, приведут Россию к значительному сближению с условиями некоторых факультативных соглашений. Но этот факт нельзя интерпретировать как знак стремления России к участию в этих соглашениях» [25].

бильного сектора.

²⁰ Под руководством М. Медведкова, руководителя российской делегации на переговорах, в сотрудничестве с Г. Грефом, министром экономического развития и торговли.

²¹ Сельскохозяйственная продукция, природные материалы, полуфабрикаты или высокотехнологичное промышленное оборудование, не изготовленное на территории страны.

²² См.: ABARUS Market Research. Российский автомобильный рынок: Обзор итогов 2006 г. // <http://ecraft.ru/analytics/222/>

Условия достижения окончательного соглашения

Для достижения общего соглашения по протоколу присоединения, по-видимому, потребуются ещё многие недели и даже месяцы многосторонних переговоров. Политическая воля, проявленная на самом высоком уровне в России — один из факторов, который позволит ускорить завершение переговоров. Как об этом сказал Владимир Путин в середине своего первого президентского срока, «наша страна всё ещё «выключена» из процесса формирования правил мировой торговли. Мы уже там, в этой мировой торговле, а к формированию правил её не допущены. Это ведет к консервации российской экономики, к снижению конкурентоспособности» [5].

Предстоит ещё проверить, готовы ли российские власти сделать все необходимые выводы из подобного диагноза. Наиболее значительным из них является налаживание механизмов, необходимых для того, чтобы тексты, принятые во время переговорного периода, приобрели реальную значимость на практике.

С начала переговоров время играет против России [1]. Переговорный процесс асимметричен по своей природе: России приходится идти на бóльшие уступки, нежели её партнёрам. Кроме того, последние не выиграют в случае, если позволят России вступить в ВТО на её условиях: их собственные лобби²³ в течение длительного времени выступают в защиту максимально либеральных условий, а политические компенсации, которые отдельное государство может выторговать в обмен на своё согласие, остаются по сути своей неопределёнными в среднесрочной перспективе. К тому же интеграция новых членов ВТО механически приводит к расширению рабочей группы, что может только усложнить задачу российским участникам переговоров: некоторые из новых членов являются бывшими государствами социалистического лагеря, отношения которых с Россией нельзя назвать тёплыми (наиболее ярким примером служит Грузия²⁴).

В ходе последних пяти лет анализы и политические заявления склонялись попеременно то к оптимизму, то к пессимизму, хотя и то, и другое в равной степени преувеличенно. Летом 2006 г. первоначальная перспектива присоединения России в 2006–2007 гг. казалась абсолютно нереальной. Но затем с задержкой всего в несколько недель по сравнению с предварительным графиком было заключено последнее двустороннее соглашение (с США), имеющее

²³ Как, например, UNICE (Союз конфедераций промышленников и предпринимателей Европы), который стремится повлиять на условия двустороннего соглашения ЕС–Россия.

²⁴ Переговоры между Грузией, являющейся членом ВТО, и Россией наталкиваются на политические разногласия, которые касаются, в частности, статуса Абхазии и Южной Осетии, сепаратистских регионов Грузии. Переговоры, прерванные в последнем квартале 2006 г., были возобновлены в январе 2007 г., что открывает возможность заключения окончательного многостороннего соглашения в июле.

принципиальное значение для всего процесса. Тем самым был открыт путь к заключительным многосторонним переговорам.

Президент Путин поставил цель вступления России в ВТО до окончания своего мандата. У него остаётся время до начала лета 2007 г., чтобы реализовать эту цель. Вполне вероятно, что для этого ему придётся пойти на некоторые дополнительные уступки.

Библиографический список

1. *Веркёй Ж.* Вступление России в ВТО: выбор стратегии // Проблемы прогнозирования. 2002. № 5.
2. Всемирный банк. Административная реформа и реформа государственного регулирования в России: Устранение потенциальных источников коррупции: Доклад № 36157-RU. 2006. 1 окт. // http://siteresources.worldbank.org/INTRUSSIANFEDERATION/Resources/anti-corruption_pn_9_26_06_rus.pdf.
3. Всемирный банк. Доклад об экономике России. 2005. № 10 // <http://web.worldbank.org/WBSITE/EXTERNAL/COUNTRIES/ECAEXT/RUSSIANFEDERATIONEXTN/0,,contentMDK:20888538~isCURL:Y~menuPK:2445695~pagePK:1497618~piPK:217854~theSitePK:305600,00.html>.
4. Разработка прогнозов социально-экономических последствий вхождения России в ВТО: Отчёт для Министерства экономического развития и торговли / ГУ–ВШЭ. М.: Вера, 2003.
5. России надо быть сильной и конкурентоспособной: Послание Президента РФ Федеральному Собранию РФ от 18 апреля 2002 года // Российская газета. 2002. 19 апр.
6. Соглашение по субсидиям и компенсационным мерам // <http://www.wto.ru/ru/content/documents/docs/subskomp.doc>.
7. Таможенный кодекс РФ // <http://customs.consultant.ru/doc.asp?ID=50000>.
8. *Akhmedov A. et al.* WTO Accession and the Labor Market: Estimations for Russia // CEFIR Working Paper. 2003. Oct. (<http://www.cefir.ru/index.php?l=rus&id=35&yf=2003>.)
9. *Algieri B.* Trade specialisation patterns: the case of Russia // Bofit discussion papers. 2004. № 19.
10. *Bessonova E., Kozlov K., Yudaeva K.* Trade Liberalization, Foreign Direct Investment, and Productivity of Russian Firms: Working Paper # BSP/2003/036E. М.: New Economic School, 2003 // <http://www.nes.ru/english/research/pdf/2003/Yudaeva.pdf>.
11. Bofit Russia review. 2006. № 3.
12. Bofit Russia review. 2006. № 5.
13. Bofit Russia review. 2006. № 10.
14. Bofit Russia review. 2006. № 11.
15. Bofit Weekly Review. 2002. № 47.
16. *Chowdhury A.* WTO accession: What's in it for Russia? // Bofit Online. 2003. № 10; <http://www.bof.fi>.

17. *Cooper W.* Russia's Accession to the WTO // CRS Report for Congress. 2006. April. № RL31979.
18. EBRD. Commercial Laws of the Russian Federation: An Assessment by the EBRD. 2006. Aug.
19. *Jensen J., Rutherford T., Tarr D.* Economy-Wide and Sector Effects of Russia's Accession to the WTO: Mimeo. 2004 // <http://www.worldbank.org/russia-wto>.
20. *Lissovlik B., Lissovlik Y.* Russia and the WTO: the 'Gravity' of an Outsider's Status // IMF Working Paper 04/159. 2004. Aug.
21. OECD. Economic Surveys 2001–2002: Russian Federation. P.: OECD, 2002.
22. Russian customs is 15 years. 2006. 25 Oct. // <http://www.customs.ru/en/news/index.php?&date695=200610&id695=11912>.
23. *Rutherford T., Tarr D., Shepotylo O.* The Impact on Russia of WTO Accession and the Doha Agenda: the Importance of Liberalization of Barriers Against Foreign Direct Investment in Services for Growth and Poverty Reduction» // Poverty and the WTO: Impacts of the Doha Development Agenda / Ed. by T.W. Hertel, L.A. Winters; The World Bank. N.Y.: Palgrave MacMillan, 2006.
24. *Vercueil J.* L'ouverture aux IDE: cadre institutionnel, politiques et stratégies // Koleva P., Rodet-Kroichvili N., Vercueil J. (dir.). Nouvelles Europes: Trajectoires et enjeux économiques. Belfort-Montbéliard: Presse de l'UTBM, 2007.
25. World Trade Organization. Strategy of Shaping up Tariff Proposals on Market Access for Goods Within the Framework of Russia's Accession to WTO. 2005. Dec. // <http://www.wto.ru/russia.asp?f=tarrneg&t=11>.
26. *Yudaeva K.* Joining the WTO: Is a Political Decision the Only Hope? // Post-Soviet Economies in Transition Briefing Paper. 2003. Vol. 5. № 6 (June).

ДАЛЬНИЙ ВОСТОК И ЗАБАЙКАЛЬЕ В ЭКОНОМИКЕ РОССИИ И АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКОГО РЕГИОНА: ПЕРЕОЦЕНКА ВОЗМОЖНОСТЕЙ

.....

С.Н. Леонов¹

По занимаемой территории российский Дальний Восток и Забайкалье равны всей зарубежной Европе и в 1,5 раза превышают европейскую часть России. Только самые крупные стран мира — Канада (9,97 млн км²), Китай (9,6 млн км²), США (9,36 млн км²), Бразилия (8,55 млн км²), Австралия (7,74 млн км²) — превосходят их по площади. Даже Индия с миллиардным населением занимает вдвое меньшую площадь — 3,24 млн км².

Однако на территории региона проживают всего 8,75 млн чел. (6,1% населения России), которые производят 6% российского ВВП. Для Дальнего Востока и Забайкалья характерны неравномерное хозяйственное освоение территории и высокая дифференциация социально-экономических показателей по административным образованиям региона². Это во многом объясняется неоднородностью природно-климатического окружения и ресурсно-сырьевого обеспечения, которые как стимулируют, так и сдерживают экономическое развитие рассматриваемого региона. Основная часть населения проживает на крайнем юге, вдоль границы с Китаем и Монголией. По показателю плотности проживающего населения Дальний Восток и Забайкалье уступают и остальным российским территориям, и соседям по АТР.

Стратегическое значение Дальнего Востока и Забайкалья для России многократно возрастает в XXI в. в связи с активными экономическими, демографическими, военно-политическими процессами, происходящими в мире, и

¹ Леонов Сергей Николаевич — доктор экономических наук, профессор, заместитель директора по науке Института экономических исследований ДВО РАН (г. Хабаровск).

Статья принята к публикации 31.05.2006 г.

² Так, номинальный ВРП на душу населения в 2004 г. составлял в Чукотском автономном округе 296 тыс. р., в Республике Саха — 172 тыс. р., в Хабаровском крае — 84 тыс. р., в Читинской области 47 тыс. р. [1].

особенно на сопредельных территориях. В основе наблюдаемой в наши дни геополитической динамики в АТР, т.е. изменений политических, военно-политических отношений стран региона, лежит кардинальное изменение соотношений их геополитических «весов».

Соотношение экономической мощи трех основных центров мирового хозяйства — Северной Америки, Западной Европы и АТР довольно быстро меняется в пользу АТР. Удельный вес последнего возрастает в производстве ВВП, в международной торговле (табл. 1), резко усиливаются его позиции и в мировой финансовой системе.

Таблица 1

Доля регионов в мировой торговле, % [3, с. 27]

Регион мира	1986 г.	1996 г.	2010 г.
АТЭС ³	43,4	50,6	53,5
НАФТА ⁴	22,2	19,8	19,2
Восточная Азия	19,1	28,6	32,4
АСЕАН 4 ⁵	2,4	4,6	6,1
ЕС	44,3	39,2	36,8

В этих условиях для Дальнего Востока России, являющегося форпостом страны в АТР, необходим перелом негативных тенденций и усиление внимания государства к геополитическим, стратегическим, экономическим, демографическим проблемам региона, от решения которых в конечном итоге зависят жизненные интересы всей России. Нужен качественный и количественный скачок в развитии этого стратегически важного региона.

При этом геополитические позиции России в АТР остаются значимыми, хотя по экономическому и демографическому потенциалам она сегодня уступает США, Европейскому союзу и Китаю. Основанием для такой оценки является мощная сырьевая база, огромные территории, имеющийся научно-технический и сохранившийся военный потенциалы. В связи с возрастающей ролью АТР в мировой экономике увеличивается и значимость российского Дальнего

³ Азиатско-Тихоокеанское Экономическое Сотрудничество (АТЭС) функционирует на основе межправительственного соглашения, охватывающего 21 национальную экономику, треть населения земного шара (2,6 млрд чел.), почти 60% мирового ВВП (19,25 трлн дол.). В состав АТЭС входят: Канада, США, Мексика, Перу, Чили (Западное Полушарие); Китай, Япония, Корея, Тайвань, Гонконг (Северо-Восточная Азия); Таиланд, Малайзия, Индонезия, Вьетнам, Филиппины, Бруней, Сингапур (Юго-Восточная Азия); Австралия, Новая Зеландия, Папуа Новая Гвинея (Океания); Россия.

⁴ НАФТА (Северо-Американская ассоциация) — США, Канада, Мексика.

⁵ АСЕАН 4 — Индонезия, Малайзия, Филиппины, Таиланд.

Востока и Забайкалья как контактной зоны по обеспечению внешнеэкономического, культурного и других видов сотрудничества.

В силу особенностей своего евразийского геостратегического положения и ресурсообеспеченности данный регион России располагает потенциальными возможностями привлечения капитала и крупнейших товарных потоков не только Запада, но и азиатского Востока. Использование этих возможностей, безусловно, должно находиться как в сфере стратегических экономических интересов России, так и в сфере долгосрочных геостратегических приоритетов страны.

Реализация такой политики требует ускоренного развития экономического и демографического потенциалов дальневосточных территорий России в целом, технической, технологической модернизации производства, увеличения мощностей портово-железнодорожных комплексов, обеспечивающих транзитные международные грузоперевозки и создание на Тихоокеанском побережье России крупных центров внешнеэкономического сотрудничества (сопоставимых с важнейшими в АТР международными центрами).

При рассмотрении проблем подобного масштаба и стратегической важности необходимо не только реально представлять потенциальные угрозы и возможные потери в случае игнорирования уже проявляющихся геоэкономических и геополитических тенденций, но и учитывать особенности географического положения субъектов Федерации Дальнего Востока и Забайкалья в их освоенности и удаленности от относительно развитых приграничных промышленных районов юга Дальнего Востока и Забайкалья, что определяет различия экономического потенциала субъектов Федерации.

Среди 13 субъектов Федерации, формирующих регион, на долю трех (Республика Саха (Якутия), Хабаровский и Приморский края) приходится более 55% совокупного ВРП, свыше 60% всей промышленной продукции региона, почти 75% экспорта региона. Ведущая роль трех указанных субъектов Федерации объясняется наличием на их территории значительных запасов природных ресурсов (лесных, минерально-сырьевых, топливно-энергетических, водных), достаточно диверсифицированной структуры промышленности, а также обеспеченностью транспортной инфраструктурой (в том числе энергетическими и трубопроводными сетями).

В регионе прослеживается тенденция приоритетного вложения капиталов в субъекты Федерации, специализирующиеся на развитии ресурсодобывающих отраслей. Так, на долю инвестиций в Республике Саха (Якутия) и Сахалинской области приходится по 19—20% совокупных инвестиций в экономику региона, соответственно. Сильно отстают по этому показателю три субъекта Дальнего Востока, относящихся к районам Крайнего Севера: Камчатская и Магаданская области, Чукотский автономный округ. На долю последних традиционно приходится лишь 10-я часть всех инвестиций в основные фонды по Дальнему

Востоку и Забайкалью. Тяжелые природно-климатические условия, слабая заселенность, а также недостаточно развитая инфраструктура затрудняют приоритетное освоение этих территорий, несмотря на имеющиеся там богатые запасы природных ресурсов.

Содержание и экономическая эффективность сотрудничества Дальнего Востока и Забайкалья со странами АТР в значительной степени зависят от вовлеченности России в целом в процессы международной интеграции.

К сожалению, реальное участие России в экономике АТР едва ли не минимально из всех стран — участниц АТЭС. Россия не принимает участия в региональных торговых соглашениях, заключенных между участниками АТЭС и предусматривающих реальные выгоды и преференции от экономического сотрудничества.

Это находит отражение в экономических показателях: так, если подавляющая часть торгового оборота Дальнего Востока и Забайкалья приходится на страны АТР, то, например, около 80% общероссийского импорта поступает в страну из других стран и макрорегионов мира [2, с. 11]. Внешнеторговый оборот стран АТР характеризуется стабильной долей экспорта. За период с 1998 по 2003 г. произошло небольшое снижение доли экспорта в странах АТЭС (включая СВА) — с 58 до 55% (рассчитано по [4]). В то же время в структуре внешнеторгового оборота Дальнего Востока и Забайкалья доля экспорта возросла с 61 до 72%. После 2000 г. вследствие реального удорожания рубля и снижения средних импортных цен позиции импорта значительно укрепились: за 2000–2003 гг. доля импорта во внешнеторговом обороте Дальнего Востока и Забайкалья возросла с 16,5 до 28,5% [2, с. 11].

Таким образом, важнейшим источником экономического развития Дальнего Востока и Забайкалья на перспективу остается внешний спрос на продукцию первичного сектора региона со стороны стран АТР, прежде всего СВА. Использование эффекта внешнего спроса основывается на реализации потенциала экономической кооперации стран этого региона.

* * *

Генеральная цель развития программного региона «Дальний Восток и Забайкалье» заключается в создании условий для реализации существующих долговременных позитивных факторов в целях обеспечения достойной и безопасной жизни людей в этом регионе. Необходимо добиться обеспечения в конечном счете хотя бы среднероссийских показателей уровня и качества жизни населения, проживающего на данной территории. И это принципиально важно не только потому, что любой гражданин России вне зависимости от места его проживания должен иметь право на удовлетворение своих основных потребностей и реализацию своих базовых прав на определенном уровне, но

и потому, что на Дальнем Востоке и в Забайкалье реализуются цели России, создается ее геополитическое будущее.

Стратегической целью России является превращение ее в динамично развивающуюся экономическую державу, обеспечивающую на основе интенсивного труда и деловой инициативы, разумной и последовательной экономической политики среднеевропейские стандарты уровня жизни в российских природно-климатических и географических условиях. То есть действительная цель страны — достижение роста и процветания экономики ради обеспечения благосостояния и свободы граждан. Это естественная цель любого демократического общества. Она более чем актуальна и для отдельных регионов, в каждом из которых она конкретизируется определенным образом.

Для Дальнего Востока и Забайкалья данная цель трансформирования в создание условий для эффективного развития секторов регионального хозяйства, имеющих сравнительные преимущества в рыночных условиях, и обеспечение на этой основе стабильного развития экономической системы региона в рамках международного и внутрироссийского разделения труда, формирования комфортных стандартов жизни населения.

Достижение декларируемой цели предопределяется сочетанием конкретных условий. Их сочетание зависит от экономической политики в самом регионе, экзогенных для региона параметров региональной экономической политики государства, поведения отдельных контрагентов региона в межрегиональной и международной системах разделения труда. В зависимости от сочетания этих обстоятельств и факторов можно предположить следующие вероятные сценарии развития в перспективе.

Сценарий 1. Инерционное развитие без существенной государственной поддержки в какой-либо форме (сохранение тенденций развития, сложившихся в 1990-е гг.). В этом случае развитие региона по-прежнему будет опираться на внутрирегиональные резервы, экономические и социальные процессы будут происходить инерционно.

В этом случае восстановление экономического потенциала региона на уровне 1991 г. возможно не ранее 2020 г. То есть отставание региона от континентальной России станет столь огромным, что ни о каком интеграционном процессе в АТР не будет и речи. Геостратегические задачи России на Тихом океане можно будет окончательно предать забвению. Это приведет к невосполнимым социальным потерям на Дальнем Востоке и в Забайкалье, огромному экономическому ущербу для России, подрыву ее национальной безопасности.

Необходимо поэтому рассматривать альтернативные сценарии, обеспечивающие различные формы и степени государственного регулирования и поддержки развития региона. Таковы сценарии 2–5, которые рассматриваются далее.

Сценарий 2. Осуществление значительной государственной поддержки региона на начальном этапе и создание предпосылок за счет структурной перестройки экономики региона, которая сформирует условия развития на принципах самофинансирования в более дальней перспективе.

Этот сценарий предусматривает создание на Дальнем Востоке и в Забайкалье высокоэффективного диверсифицированного хозяйственного комплекса, который может обеспечить в дальнейшем расширение влияния России в бассейне Тихого океана. Это означает развитие в регионе современных динамичных отраслей, обеспечивающих высокие темпы роста. В первую очередь для этого необходима диверсификация машиностроительного комплекса (приборостроения, производства принципиально новых технологических систем, техники и оборудования для освоения ресурсов океана). Большое значение будет иметь развитие комплекса океанических отраслей, в первую очередь морской нефтегазодобычи, марикультуры, получения физиологически активных веществ из морских организмов, добыча твердых минеральных ресурсов шельфа.

Традиционная специализация по снабжению страны ценными минерально-сырьевыми ресурсами будет сохранена, но развитие добывающих отраслей будет нацелено на комплексное использование сырья на базе его максимальной переработки. При этом модернизация энергетической, транспортной инфраструктуры и системы жизнеобеспечения потребуют огромных бюджетных инвестиций.

Сценарий 3. Традиционная (экспортная) ресурсная специализация региона. Создание региональной экономической системы, которая могла бы функционировать на эффективной основе в рамках данного сценария развития базируется на принципе ее взаимодействия с другими субъектами рыночного хозяйства внутри страны и за ее пределами на основе имеющихся сравнительных преимуществ. Данный сценарий исходит из предпосылки, что Дальний Восток обладает потенциальным сравнительным преимуществом лишь в области разработки и эксплуатации природных ресурсов, но данные преимущества можно использовать сравнительно долго и эффективно.

Сценарий предполагает, что экономическая система региона и внешняя среда будут такими, что в соответствии с генеральной тенденцией, заключающейся в устойчивом повышении ценности природных ресурсов Дальнего Востока и Забайкалья для АТР, будут созданы условия конкурентоспособности в международном вертикальном разделении труда и его ниша (эксплуатация природных ресурсов) обеспечит устойчивое развитие.

Сценарий 4. Интеграция в АТР посредством тесной кооперации с Китаем. Вариант кооперации Дальнего Востока и Забайкалья со странами АТР представляется достаточно привлекательным по разным причинам.

Китайская экономика является наиболее динамично развивающейся экономикой мира, и даже в перспективе, после вероятного снижения среднегодовых темпов роста до 5–6% в год, сохранит это преимущество перед другими странами региона. Потенциально китайский рынок практически неисчерпаем.

Наличие значительной сухопутной границы между Россией и КНР, в том числе на территории Дальнего Востока и Забайкалья, известная степень взаимодополняемости экономических потенциалов и сопоставимость уровней развития.

Более активное использование китайской рабочей силы на российском Дальнем Востоке и в Забайкалье, освобожденное от административных ограничений, способствовало бы подъему сельскохозяйственного производства и легкой промышленности в регионе, а также решению ряда острых социальных проблем (строительство жилья, объектов соцкультбыта и т.п.) и созданию более благоприятных условий для закрепления населения в регионе и привлечения населения из других районов Российской Федерации и СНГ.

Естественно, что реализация данного сценарного варианта базируется на равной открытости российского Дальнего Востока и Забайкалья для экономического взаимодействия со всеми экономиками АТР при отсутствии какой-либо дискриминации по отношению к той или иной стране. Конечная цель — формирование единого экономического (но не политического) пространства российского Дальнего Востока и Забайкалья и Китая (прежде всего северо-восточных провинций КНР).

В качестве конкретных шагов по реализации данного долговременного сценария следует предусматривать формирование льготного (упрощенного) пограничного и таможенного режима в ряде зон (городов) вдоль российско-китайской границы, создание здесь в конечном счете зоны свободной торговли. В дальнейшем подобный режим может быть распространен на всю либо на значительную часть территории региона. Помимо всего прочего, формирование льготного таможенного и инвестиционного режима позволит привлечь сюда также российские капиталы и свободные средства населения.

В итоге в течение нескольких десятилетий в регионе может сформироваться экономическая система, органически включенная в международное разделение труда и базирующаяся на относительно свободном распределении экономических ресурсов между Дальним Востоком и Забайкальем, с одной стороны, и КНР — с другой. Поскольку Китай уже сейчас в значительной степени интегрирован в экономику АТР, это приведет к возможности двусторонней фильтрации через китайскую экономику ресурсов, технологий, продукции, капиталов, информации.

Сценарий 5. Формирование открытой модели развития региона. Данный сценарий предполагает, что ориентация на экономическое сотрудничество со

странами АТР и СВА является преимущественной стратегией, однако включение в международное сотрудничество осуществляется без привязки к какой-либо конкретной стране. Социально-экономическое развитие региона опирается на сырьевой сектор, а основой роста служит третичный сектор экономики (туризм, услуги и пр.). Преимущественным типом рынка является международный, взаимосвязи с внутренним рынком сохраняются и развиваются как стабилизационный механизм.

Создание открытой смешанной экономики включает в себя:

- 1) введение на территории Дальнего Востока и Забайкалья правил регулирования и гарантий, общепринятых в АТР;
- 2) интернационализацию собственности как основу интеграции на рынке капиталов и технологий;
- 3) либерализацию режима передвижения людей, организацию контроля и поддержание безопасности;
- 4) введение эффективного и гибкого экспортно-импортного регулирования;
- 5) создание реально функционирующих особых экономических зон при наличии возможностей эффективного развития локальных территориальных узлов на этой основе.

Этот сценарий направлен теоретически на создание в регионе саморегулирующейся системы, которая будет настраиваться на эффективные способы решения проблем развития региона. Наличие мощного государственного воздействия через фонды регионального развития и законодательную деятельность должно обеспечить регулирование и настройку региональной системы в желательном направлении.

В действительности, конечно, ни один из сценариев 2–5 в чистом виде не может быть реализован. Наиболее разумна некоторая комбинация основных элементов описанных сценариев, представляющая совокупность стратегических приоритетов развития региона и механизмов их реализации.

Библиографический список

1. Валовой региональный продукт на душу населения // Основные показатели системы национальных счетов / Федеральная служба государственной статистики (http://www.gks.ru/bgd/free/b01_19/IssWWW.exe/Stg/d000/vrn02.htm).
2. Дальний Восток и Забайкалье в России и АТР. Хабаровск: ИЭИ ДВО РАН, 2005.
3. Золотая книга российского предпринимательства. М.: АСМ, 1998. Ч. 2.
4. UNCTAD. Handbook of Statistics. Geneva: UNCTAD, 2004.

К ВОПРОСУ О МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ ОСНОВАХ ИССЛЕДОВАНИЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

.....

Е. В. Волосенкова, М. С. Рыбянцева, И. В. Юрченко¹

Проблемное поле социально-экономической безопасности уходит корнями в многозначность и противоречивость сферы безопасности, многообразие подходов к этому понятию порождает различные точки зрения на видение социально-экономической безопасности. Противоречия отчетливо проявляются в различии определений безопасности в экономической сфере. Большинство из существующих определений имеют излишне узкий характер и не раскрывают в полной мере ее сути. Однако, учитывая то, что для современного мира вопрос о характере и содержании социально-экономической безопасности еще далеко не решен, а сама она находится в стадии формирования, следует обратить внимание на весь спектр предлагаемых трактовок, подходов к пониманию, предложений по содержанию, направленности и методам реализации социально-экономической безопасности.

¹ Волосенкова Елена Владимировна — кандидат политических наук, доцент кафедры политологии и политического управления Кубанского государственного университета. Электронная почта: helenvo2001@mail.ru.

Рыбянцева Мария Сергеевна — кандидат экономических наук, старший преподаватель кафедры теории бухгалтерского учета Кубанского государственного аграрного университета. Электронная почта: riban1@rambler.ru.

Юрченко Инна Вадимовна — кандидат исторических наук, доцент, заведующая лабораторией политической социологии Южного научного центра РАН. Электронная почта: polit-sociology@mail.ru.

Статья подготовлена в рамках проектов «Социально-экономическая безопасность региона как основа обеспечения региональной безопасности на Юге России» (проект № 06-03-38303а/Ю) и «Безопасность Краснодарского края в контексте современных политических процессов в Черноморском регионе».

Статья принята к публикации 14.02.2007 г.

В условиях усложнения структуры экономических систем рассмотрение безопасности в узко специализированных разрезах представляется недостаточным для эффективной нейтрализации возникающих угроз. В связи с этим в настоящий момент наметился новый подход к исследованию безопасности, состоящий в вычленении ее видов, отражающих комплексное воздействие ряда факторов. В частности, можно выделить такой вид, как социально-экономическая региональная безопасность.

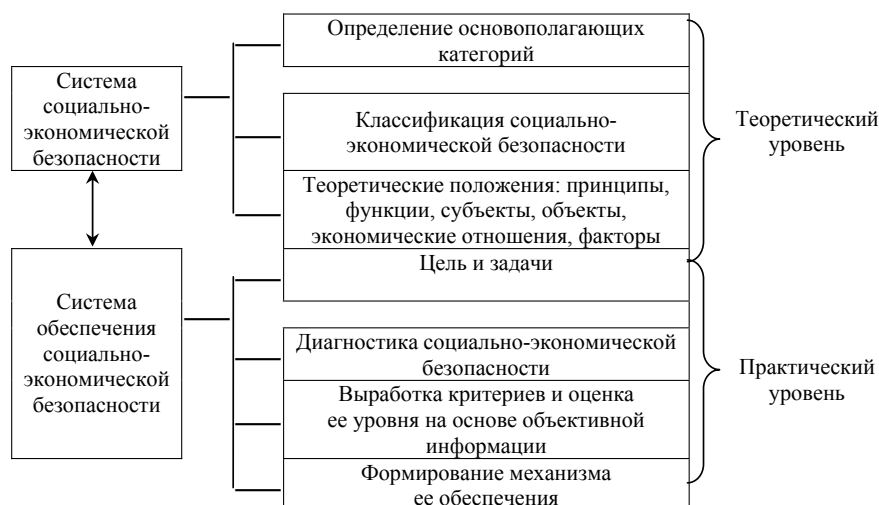
Данный подход следует признать обоснованным, поскольку сложно выделить только экономическую систему без учета влияния социальной составляющей. Экономические явления зависят от процессов, происходящих в социальной сфере, они отражают взаимное влияние выбранных экономической и политической стратегий развития региона.

Например, при изучении безработицы определенных категорий граждан, можно говорить о влиянии этого социального показателя на уровень расходов различных бюджетов, на состояние рынка труда и экономическое положение региона в целом. В частности, уровень дохода на человека и степень расслоения по доходам также выражают социальные последствия реализации экономических стратегий.

Качественные и количественные параметры социальной системы значительно влияют на экономику региона. В связи с этим в рамках данной статьи социально-экономическая безопасность будет рассматриваться как единая система, в рамках которой учитывается влияние социальной и экономической составляющих.

В современной экономической литературе широко обсуждаются теоретические подходы и практические методики обеспечения безопасности социально-экономических систем различного уровня. В то же время, как отмечают многие исследователи, отсутствует системный подход к данному вопросу. В настоящей статье предпринята попытка систематизации существующих трактовок в свете рассмотрения систем социально-экономической безопасности в двух аспектах: теоретическом и практическом.

При исследовании проблем социально-экономической безопасности следует разделять понятия «система социально-экономической безопасности» (теоретический уровень) и «система обеспечения социально-экономической безопасности» (практический уровень). Обеспечение социально-экономической безопасности — это комплекс мер и средств по поддержанию хозяйствующего субъекта в таком состоянии, в котором он способен устойчиво функционировать, развиваясь в расширенном масштабе, удовлетворять реальные экономические потребности на уровне не ниже критического предела, обеспечивать экономическую независимость, противостоять существующим и внезапно возникающим опасностям и угрозам в социальной и экономической сферах (см. рисунок).

Аспекты рассмотрения социально-экономической безопасности

Как видно из представленной модели, теоретический уровень рассмотрения социально-экономической безопасности предполагает определение основных категорий, используемых в системе (экономическая безопасность, социально-экономическая безопасность, риски, опасности, угрозы и др.); выделение основных классификаций социально-экономической безопасности; описание принципов, обеспечивающих ее соблюдение; выделение субъектов, объектов и возникающих экономических отношений, а также выяснение основных факторов, влияющих на уровень социально-экономической безопасности.

Основное наполнение категории «социально-экономическая безопасность» обусловлено смысловым наполнением экономической безопасности.

При рассмотрении сущности экономической безопасности следует отметить, что в настоящее время не существует единого подхода к ее определению. Можно выделить два основных подхода к изучению данной категории:

- 1) с точки зрения конкретного субъекта (личности, организации, региона, национального хозяйства, государства, мировой экономики);
- 2) с позиции экономической системы.

В частности, В.А. Тамбовцев трактует экономическую безопасность как совокупность свойств состояния ее производственной подсистемы, обеспечивающую возможность достижения целей системы [3, с. 4].

К этой же группе можно отнести определение экономической безопасности как способности экономической системы функционировать в условиях действия угроз, преодолевая неблагоприятные внешние воздействия [1, с. 15].

При рассмотрении системы социально-экономической безопасности необходимо остановиться на такой категории, как «угроза». В экономической литературе можно отметить два основных подхода.

Согласно первому подходу, риск, опасность и угроза рассматриваются как синонимические понятия. Эта позиция отражена в российских нормативных документах. В соответствии с Законом РФ «О безопасности» угроза — это «совокупность условий и факторов, создающих опасность жизненно важным интересам личности, общества, государства» [2]. В концентрированном виде официально сформулированная доктрина об угрозах экономической безопасности изложена в Концепции национальной безопасности и Государственной стратегии экономической безопасности Российской Федерации.

Кроме того, понятия «риск», «опасность» и «угроза» в толковых и энциклопедических словарях трактуются как тождественные категории.

Сторонники второго подхода выделяют различия между этими категориями через вероятность наступления отрицательного события: вначале возникает риск, т. е. возможность возникновения негативных последствий. Затем появляется опасность, которая свидетельствует о возможности негативного воздействия. При дальнейшей отрицательной динамике создается угроза, которая ведет к конкретной реализации действий, несущих негативные последствия. Иными словами, угроза — это состояние социально-экономической безопасности, которое уже прошло стадии риска и опасности.

Согласно второму подходу разработка и создание системы обеспечения социально-экономической безопасности предполагает выявление, учет, определение способов предотвращения или ослабления влияния негативных последствий рисков, основных опасностей, ими вызванных, и непосредственных угроз социально-экономической безопасности хозяйствующего субъекта. Исходя из этого, проблему угрозы необходимо рассматривать по всем направлениям, подразумевая, что понятие «угроза» включает все деструктивные факторы.

Следующим элементом системы социально-экономической безопасности является формирование классификаций по различным основаниям. При анализе существующих подходов следует отметить множественность точек зрения.

Наиболее распространенными подходами к видовой классификации социально-экономической безопасности являются уровневый и функциональный.

Уровневый подход сводится к выделению социально-экономической безопасности личности, предприятия, региона, национального хозяйства и социально-экономической безопасности мировой системы.

При рассмотрении функционального подхода следует отметить, что критерием выделения отдельных видов безопасности является сфера действия.

Согласно этому подходу выделяют: продовольственную безопасность, безопасность банковской сферы, финансовой сферы и др.

Данные подходы расширяют информацию о безопасности. В то же время изолированное рассмотрение отдельных видов не позволяет получить комплексное представление об изучаемом явлении, препятствует изучению конкретного вида безопасности в системе связей и взаимозависимостей. Данное соображение обусловило подход к трактовке социально-экономической безопасности, изложенный в данной статье.

С научной точки зрения в качестве более объективного первичного критерия дифференциации социально-экономической безопасности следует использовать тот или иной тип отношений, лежащий в основании социально-экономической системы.

Современный уровень разработки теории социально-экономической безопасности показывает необходимость ее исследования в следующих аспектах:

- общеэкономическая и социально-экономическая безопасность;
- социально-экономическая безопасность различных типов экономических систем;
- социально-экономическая безопасность производства и воспроизводства;
- социально-экономическая безопасность на различных уровнях народного хозяйства (макро-, мезо- и микроэкономическом);
- социально-экономическая безопасность статическая и динамическая;
- социально-экономическая безопасность достигнутая, приемлемая и желательная;
- социально-экономическая безопасность истинная и ложная.

Все аспекты социально-экономической безопасности хотя и пересекаются, но их смешение недопустимо, поскольку в рамках каждого типа вычлняются свои проблемы, каждый вид отражает особую логическую плоскость рассмотрения данного явления.

Следующим элементом системы социально-экономической безопасности являются принципы, т.е. основные, исходные положения теории.

В частности, в экономической литературе выделяются следующие принципы: историзма; антропоцентризма; преемственности развития; пространственной структуры; единства; целенаправленности; вертикальной подчиненности; взаимодействия субъектов экономической безопасности; информационной обеспеченности; научного обоснования обеспечения экономической безопасности; непрерывности действия; законности; обратной связи; природно-хозяйственной сбалансированности; вариантности.

Данные принципы универсальны для объектов различного уровня. В то же время в зависимости от масштаба рассмотрения они могут быть детализированы с учетом особенностей конкретного объекта.

В частности, на региональном уровне можно дополнительно выделить следующие положения: принцип согласованности интересов местных органов управления и направления обеспечения социально-экономической безопасности региона, принцип комплексности развития территории (отражает объективные процессы разделения труда и региональной интеграции производства), принцип ориентации на соблюдение социальной направленности в использовании ресурсов, принцип расширения финансово-экономической самостоятельности территориальных единиц нижнего уровня.

Сущность социально-экономической безопасности проявляется через функции: защитную, регулятивную, превентивную (предупредительную), информационную, инновационную, социальную. Рассмотрим их подробнее.

1. Защитная функция заключается в необходимости отражения внутренних и внешних угроз. Реализация данной функции напрямую связана с формированием и использованием ресурсного потенциала объектов социально-экономической безопасности.

2. Регулятивная функция означает, что нейтрализация рисков и обеспечение социально-экономической безопасности происходят с помощью механизмов, представленных различными подсистемами экономических отношений: а) внутрихозяйственным; б) механизмом рынка; в) механизмом государственного регулирования экономики. Каждый из названных регулирующих механизмов имеет свои функции, объекты и субъекты, методы и инструменты.

На макроуровне регулятивная функция проявляется не только в нейтрализации или снижении рисков, но и в получении дополнительных выгод.

3. Превентивная функция социально-экономической безопасности направлена на предупреждение возникновения критических ситуаций в экономических процессах. Это предполагает разработку мероприятий социально-экономического и организационно-технического характера, направленных на купирование возникающих угроз и повышение защитных функций системы.

4. Информационная функция напрямую связана с превентивной. Для разработки и осуществления мероприятий, предупреждающих отрицательное воздействие негативных факторов необходимо обладать полной, достоверной и своевременной информацией о надвигающихся опасностях, угрозах и рисках.

Основу информационных средств и ресурсов, обеспечивающих реализацию превентивной функции социально-экономической безопасности, составляет комплекс критериев и показателей-индикаторов. Данная информация играет ключевую роль в диагностике состояния социально-экономической системы

и открывает возможности коррекции этого состояния на основе разработки программ.

5. Инновационная функция определяется способностью экономической системы к поиску нетрадиционных решений для предотвращения возможных негативных последствий.

6. Социальная функция заключается в способности экономики обеспечивать интересы хозяйствующих субъектов и социальных групп. Реализация данной функции способствует формированию высокого качества жизни населения и гарантирует соблюдение социально-экономических прав и свобод граждан.

Важное место в системе социально-экономической безопасности занимают субъекты безопасности, которые определяют цели и задачи своей деятельности по обеспечению социально-экономической безопасности объектов, руководствуясь соответствующими принципами. Субъектами социально-экономической безопасности являются участники отношений, выполняющие функции по обеспечению социально-экономической безопасности путем реализации определенных мероприятий, в том числе органы исполнительной власти на федеральном, региональном и муниципальном уровнях, специальные службы на предприятиях или их руководство, а также отдельные граждане. Наряду с ними значительное влияние на обеспечение социально-экономической безопасности хозяйствующих субъектов различных уровней оказывают общественные организации и средства массовой информации, которые в связи с формированием гражданского общества в России оказывают значительное влияние на процесс обеспечения социально-экономической безопасности.

В качестве объектов социально-экономической безопасности рассматриваются экономики основополагающих для жизнедеятельности человека уровней хозяйствования: государства, региона и предприятия, т.е. в рамках исследования социально-экономической безопасности изучаются: мировая экономика, национальное хозяйство, экономика отдельных регионов, экономика хозяйствующих субъектов и личных домохозяйств. Кроме того, объектами следует также считать различные социальные процессы.

Социально-экономические отношения по поводу обеспечения безопасности хозяйствующих субъектов предстают как отношения, напрямую связанные с производством общественных, смешанных или частных благ, обеспечивающих экономическую безопасность на различных уровнях хозяйственной деятельности, а также их воздействие на социальную сферу. Социально-экономическая безопасность отражает отношения, определяющие экономическую и социальную независимость или зависимость, стабильность или уязвимость, экономическое принуждение или экономический суверенитет и тому подобные явления, так или иначе связанные с социально-экономической безопасностью.

Реализация возможностей по обеспечению социально-экономической безопасности находится под влиянием множества факторов: экономических, политических, психологических, научно-технических, социальных и многих других, под которыми понимают причинно-следственные связи, существующие в системе обеспечения безопасности и выступающие движущими силами, побудительными мотивами превращения возможности в действительность и максимизации усилий в использовании внутренних резервов.

Изучение основных категорий, используемых в системе социально-экономической безопасности, создает теоретическую основу для разработки конкретных методик ее обеспечения.

В рамках рассмотрения практического уровня исследования социально-экономической безопасности выделяются следующие этапы формирования механизма ее обеспечения: выделение цели и задач; диагностика социально-экономической безопасности; выработка критериев и оценка ее уровня на основе объективной информации; формирование механизма ее обеспечения (принятие нормативных документов, разработка конкретной социально-экономической политики и т.д.). Механизм обеспечения социально-экономической безопасности, будучи подчиненным соответствующим целям, задачам и основным принципам социально-экономической безопасности, служит инструментом реализации практических действий.

Целью обеспечения социально-экономической безопасности с позиции любого хозяйственного уровня является достижение и сохранение субъектами безопасности такого состояния объекта, при котором он может устойчиво функционировать и прогрессивно развиваться, противодействуя внутренним и внешним угрозам.

Для достижения поставленной цели должны последовательно решаться следующие задачи:

- диагностика и анализ существующего уровня социально-экономической безопасности, в том числе выявление, прогнозирование и систематизация угроз социально-экономической безопасности объекта;
- разработка мероприятий и рекомендаций по достижению и повышению уровня социально-экономической безопасности и оценка их эффективности;
- реализация комплекса мер, признанных наиболее действенными;
- непрерывный мониторинг уровня социально-экономической безопасности и корректировка принятой социально-экономической политики.

Рассмотрим механизм обеспечения социально-экономической безопасности на региональном уровне. Работа механизма осуществляется через практические действия по обеспечению социально-экономической безопасности, которые состоят из нескольких этапов.

1. Определение совокупности региональных интересов (обеспечение и поддержание достойного уровня жизни (благополучия) населения региона, рациональное использование имеющегося социально-экономического потенциала, реализация независимой региональной социально-экономической политики региона, сбалансированность и интегрированность в финансовую систему страны, а также необходимость защиты интересов от различного рода внутренних и внешних угроз при соблюдении баланса с общенациональными интересами).

2. Выявление угроз социально-экономической безопасности региона. В настоящее время в российских регионах в качестве наиболее серьезных можно выделить следующие угрозы: спад производства и уступка внутреннего рынка; значительное разрушение научно-технического потенциала; сырьевая направленность экспортной политики; опасность утраты продовольственной независимости; рост безработицы и ослабление трудовой мотивации; значительная величина внешнего и внутреннего долга; криминализация экономики; увеличение имущественной дифференциации населения и повышение уровня бедности.

Источник возникновения данных угроз — система социально-экономических отношений между субъектами рынка. Регион в структуре рыночных отношений является самостоятельным хозяйствующим субъектом и вынужден сам обеспечивать социально-экономическую безопасность, а значит, предвидеть и предотвращать воздействие деструктивных факторов.

3. Оценка социально-экономической безопасности региона через систему индикаторов, позволяющих дать характеристику сложившейся ситуации.

Оценка состояния экономики выполняется с позиции динамики развития процессов на территории в рамках ее социально-экономической безопасности и включает набор индикаторов социально-экономической безопасности региона, которые количественно определяют ситуацию, сигнализируют о грозящей опасности и способствуют разработке комплекса программно-целевых мероприятий по повышению уровня социально-экономической безопасности.

Данная система должна обеспечивать полную характеристику состояния экономики и социума на определенный момент относительно уровня, опасного для социально-экономической безопасности региона. В этой системе, как правило, используют частные показатели (индикаторы), характеризующие ту сферу социально-экономической деятельности, в среде которой выявляется конкретная угроза социально-экономической безопасности.

В экономической литературе выделено достаточное количество систем индикаторов социально-экономической безопасности. В то же время большинству из них присущ ряд недостатков. В частности, при их формировании используется эмпирический подход, делается упор на статистические взаимо-

связи в ущерб причинно-следственным зависимостям в экономике; выбранные показатели акцентируются на отдельных сторонах изучаемого явления, что нарушает целостность картины; не проводится интерпретация экономических явлений в динамике (основной акцент делается на статической составляющей). Основным недостатком существующих методик оценки социально-экономической безопасности следует считать отсутствие предложений по оценке убытка, наносимого экономической системе при нарушении пороговых значений наиболее важных индикаторов.

Система индикаторов социально-экономической безопасности может иметь качественные и количественные параметры, характеризующие: экономический рост; уровень и качество жизни; поддержание научного потенциала региона; определение и обеспечение необходимого государственного регулирования экономических процессов, происходящих в регионе, способных гарантировать нормальное функционирование экономики как в обычных, так и в экстремальных условиях.

Количественные и качественные параметры социально-экономической безопасности должны разрабатываться индивидуально для каждого отдельного региона с учетом постоянно изменяющейся социально-экономической ситуации и корреспондировать с соответствующим составом критериев и параметров в части, касающейся экономики России в целом и ее национальных интересов.

После выявления фактического состояния социально-экономической безопасности необходимо определить пороговые, т. е. предельные значения безопасности, несоблюдение (превышение или недостижение) которых приводит к началу разрушительных, нерегламентированных процессов в регионе. Они необходимы для сопоставления с фактическими данными и анализа полученных результатов. Важно при этом проследить изменение фактических показателей в динамике, что способствует определению вектора развития экономики региона.

4. Разработка системы мероприятий, устраняющих или смягчающих воздействие факторов, негативно влияющих на устойчивость экономики региона. Выбор оптимального управленческого решения по обеспечению социально-экономической безопасности региона при соблюдении баланса с общенациональными интересами и его реализация.

Развитие экономики и социума региона определяется, с одной стороны, его собственным социально-экономическим потенциалом, а с другой — способностью региональных институтов власти создать эффективные механизмы управления этим потенциалом и его приумножением при соблюдении баланса региональных и федеральных интересов. Чем менее развит собственный региональный экономический потенциал для обеспечения социально-эконо-

мической безопасности, тем более зависим регион от политики государства и процесса социально-экономического взаимодействия с другими регионами.

Высокий уровень социально-экономической безопасности проявляется через:

- осуществление крупных экономических проектов по самостоятельному нивелированию кризисных ситуаций, требующих немедленного решения;
- обеспечение достаточно высокого уровня жизни населения территории;
- оказание помощи сопредельным территориям, в том числе на договорной основе, во избежание переноса экономических катаклизмов на собственное региональное хозяйство;
- проведение собственной экономической политики в рамках системы экономического федерализма.

Экономика региона представляет собой систему взаимосвязанных и находящихся между собой в определенной пропорциональной зависимости компонентов. Чем более надежны эти связи внутри региональной социально-экономической системы, тем выше ее способность противостоять воздействиям угроз внутреннего и внешнего характера. Очевидно, что любое нарушение сложившейся пропорциональной зависимости компонентов в нормально функционирующей экономической системе может привести к ее дестабилизации.

Таким образом, в рамках исследований проблем социально-экономической безопасности следует выделять теоретический и практический уровни ее рассмотрения. При этом в рамках изучения системы социально-экономической безопасности необходимо уделить внимание выяснению сущности основных категорий, формирующих систему, базовых принципов и функций, а также возникающим социально-экономическим отношениям. В рамках системы обеспечения социально-экономической безопасности исследуется действие механизма, позволяющего диагностировать ее уровень, вырабатывать критерии на основе объективной и своевременной информации, а также применять конкретные методики для нивелирования отрицательных воздействий внутренних и внешних факторов на социально-экономические системы различного уровня.

Библиографический список

1. О безопасности: Закон РФ № 2446-1 от 05.03.1992 г. // Российская газета. 1992. 6 мая.
2. Михайлов Н. Логика безопасности // Стратегия России. 2006. № 5.
3. Тамбовцев В.А. Экономическая безопасность хозяйственных систем: структура, проблемы // Вестник МГУ. Сер. 6. Экономика. 1995. № 3.

ПРАГМАТИКА ТЕОРИЙ МЕЖДУНАРОДНОЙ ТРУДОВОЙ МИГРАЦИИ

.....

Р.С. Плюшкин¹

Проблемные точки

Всеобщая декларация прав человека, принятая Генеральной Ассамблеей ООН в 1948 г., закрепляет за каждым человеком право «свободно передвигаться и выбирать себе место жительства в пределах любого государства, а также покидать любую страну, включая свою собственную, и возвращаться в нее» [3, ст. 13]. В контексте декларации международная трудовая миграция рассматривается как один из видов территориального перемещения населения, свойственного развитию человеческого общества на протяжении всей его истории. В качестве долгосрочных позитивных эффектов принято называть взаимно обогащающий экономический, политический и культурный обмен между народами, способствующий прогрессу и процветанию всего человечества [6, с. 13].

В то же время в краткосрочной перспективе внешняя трудовая миграция не всегда оценивается позитивно. Некоторые отечественные эксперты полагают, что самый мощный в сегодняшней России поток трудовых мигрантов неоднозначно влияет на конъюнктуру на российском и региональном рынке труда, в частности, «порождает социальную напряженность, недовольство коренного населения прибывающими для занятия трудовой деятельностью лицами». Отсюда логично вытекает потребность в срочном формировании охранительной государственной политики в сфере внешней миграции [16, с. 56–58].

Существует и противоположная точка зрения, сторонники которой высказываются за срочное внедрение активной иммиграционной стратегии для предотвращения депопуляции российской территории. По долгосрочным про-

¹ Плюшкин Роман Сергеевич — специалист Управления Федеральной миграционной службы по Краснодарскому краю.

Статья принята к публикации 20.09.2006 г.

гнозам, основанным на трендах демографического поведения, она *неизбежна*. По расчетам автора, в ближайшие десятилетия России необходимо принять не менее 20 млн иммигрантов для восполнения убыли трудоспособного населения и сохранения перспектив экономического роста, а надеяться изменить ситуацию «своими силами», путем воспроизводства — утопия. Предсказывается неуклонное изменение этнического состава: согласно наиболее благоприятному варианту к концу XXI в. русских в России будет не более трети. Сходная перспектива ожидает и страны Европы. Этот тренд характерен для всех стран «северного пояса», за исключением США, чье население уменьшаться не будет *только* благодаря интенсивной иммиграции. В связи с неизбежностью демографических процессов автор предлагает сосредоточить внимание не на изменении этнических пропорций, а на предотвращении возможных социокультурных потрясений за счет организации процесса приема и аккультурации иммигрантов и их потомков [2]. Эта точка зрения соответствует выводам специального доклада Отдела народонаселения ООН, в котором иммиграция названа единственной реальной альтернативой депопуляции в странах «северного кольца» [7].

В контексте неоднозначных оценок последствий международной трудовой миграции для Краснодарского края мы рассмотрим имеющиеся теоретические подходы. Цель статьи — дать социологическую интерпретацию прагматики некоторых экономических и экономико-социологических теорий международной трудовой миграции.

Международная трудовая миграция: определение

Словом «миграция» (от латинского *migrare* — переходить, переселяться) принято обозначать массовое пространственное перемещение людей. В социологии цели исследований миграции состоит не столько в установлении количественных и качественных характеристик миграционных потоков, сколько в изучении неоднозначных по своему характеру социальных последствий миграции для обществ, расположенных на территориях исхода, транзита и приема, а также в выявлении разного рода факторов, обуславливающих движение населения.

Трудовая миграция — один из видов миграции. О трудовой миграции говорят в тех случаях, когда факторы и последствия движения населения удобно сводить к экономическим мотивам, а само население целесообразно рассматривать как рабочую силу, перемещающуюся прежде всего в поисках заработка [8].

Соответственно, международной трудовой миграцией называют перемещение трудоспособного населения между государствами под влиянием сугубо экономических причин, т. е. в поисках оплачиваемого труда. В отличие от переселенческой миграции, международная трудовая миграция предполагает

сохранение постоянной связи мигранта со своей родиной, страной исхода [1, с. 43–54].

На практике выделить в чистом виде потоки международной трудовой миграции довольно сложно. Во-первых, не всегда легко отличить трудовую миграцию от миграции переселенческой, а также от колонизации (освоения²). Переселение и колонизация имеют принципиальные отличия от трудовой миграции (принципиально они различаются и между собой), как по факторам (в том числе мотивам) исхода, так и по последствиям для принимающей территории (принимающего общества).

Во-вторых, сконструированные нациями-государствами модерна межгосударственные границы в эпоху глобализации становятся гораздо более прозрачными, чем их оценивали раньше власти всех уровней и простые граждане, представляющие автохтонное население. Почти на всех континентах создаются макрорегиональные режимы, благоприятствующие движению не только капитала, но и труда. В результате граница одного и того же государства для ищущих работу мигрантов с паспортами разных государств оказывается то более, то менее проницаемой.

Согласно конвенциям Международной организации труда [12; 15], трудящимся-мигрантом считается лицо, которое мигрирует (уже мигрировало) из одной страны в другую с целью получить работу, или законно въехавшее в страну в качестве трудящегося-мигранта. Аналогичным образом в российском законодательстве иностранный работник определяется как иностранный гражданин, временно пребывающий в Российской Федерации и осуществляющий в установленном порядке трудовую деятельность [13, ст. 3032].

При этом, однако, и в международном, и в российском законодательстве мигрантами не признаются пограничные и сезонные рабочие, лица свободных профессий, учащиеся и некоторые другие категории (см. [5, с. 625–634; 14, ст. 4934] и последующие нормативные акты РФ).

В силу такой противоречивости статистические показатели миграции рабочей силы не дают полного представления о масштабах этого явления в мировом хозяйстве. Но имеющаяся статистика [18, с. 5–6] свидетельствует о том, что мигранты играют чрезвычайно важную роль как в экономике стран, куда они приезжают (страны-реципиенты), так и в экономике стран, которые они временно покидают (страны-доноры) [1, с. 43–54].

² Имеется в виду, что осваиваться (колонизироваться) могут не только территории, пустующие или обитаемые народами, которые традиционно исследуются этнографами.

**Теории международной трудовой миграции:
прагматический аспект**

Экономические теории. Принято считать, что систематическое теоретическое осмысление миграционных процессов начал британский географ Эрнст Равенштайн, который в конце XIX в. на основе анализа эмпирических данных вывел ряд «законов миграции». В полном согласии с современной ему позитивистской традицией Э. Равенштайн сформулировал высказывания о регулярной (неслучайной) связи между такими переменными, как интенсивность миграционного потока, удаленность и удобство сообщения между пунктами исхода и прибытия, уровень развития в них торговли и промышленности и др.

Поскольку на миграцию, как указывал Э. Равенштайн, влияние оказывают прежде всего экономические факторы [31], неудивительно, что ее стали интенсивно изучать сначала экономисты, а потом социологи.

Труды Э. Равенштайна послужили толчком для построения объяснительных моделей и теоретических обобщений. В целом для теоретического осмысления миграционных процессов характерен постепенный переход от прямого и механического заимствования разрабатываемых в экономической науке все более сложных (учитывающих все большее число факторов и специфику взаимоотношений между ними) моделей функционирования (идеального) рынка к признанию необходимости учитывать институциональные, социальные, политические, культурные и прочие контексты, внутри которых функционируют институты и механизмы самого рынка.

Модель равновесия макроуровня. Довольно долгое время (в рамках классической и неоклассической экономической теории) разрабатывались *равновесные модели миграции*, в которых направление и объемы миграционных потоков рассматривались как *следствие неравенства* условий в странах выхода (донорах) и принимающих странах (реципиентах).

В разных вариантах этой макроэкономической модели решающими факторами трудовой эмиграции называлась простая перенаселенность, избыточность трудовых ресурсов, недостаток капиталов, консервирующая невысокие жизненные стандарты низкая производительность труда, аграрная отсталость и др. Из территорий и стран с перечисленными характеристиками миграционные потоки устремляются, соответственно, в страны (территории) с относительно более высоким спросом на рабочую силу, концентрацией капиталов, обеспечивающей сравнительно высокие жизненные стандарты высокой производительностью труда, урбанизированностью, промышленной развитостью.

С макроэкономической точки зрения трудовая миграция рассматривается как объективный процесс, присущий рыночной экономике, механизм перераспределения рабочей силы между национальными рынками труда. «Невидимая рука» рынка перераспределяет рабочую силу точно так же, как она в поисках

наиболее выгодного применения ресурсам, в стремлении максимизировать эффективность перераспределяет и направляет потоки капиталов между странами, способствует развитию внешнеторговых связей, международной экономической интеграции. Трудовые ресурсы объективно, в соответствии с рыночными законами ищут себе выгодного применения, стремятся к максимизации эффективности [26; 30; 38].

Равновесные модели в экономике предполагают установление в какой-то момент некоторого баланса между взаимодействующими факторами за счет выравнивания условий — «ухудшения» в некогда привлекательном секторе, «улучшения» в непривлекательном секторе. Применительно к миграции буквальное прочтение *равновесных моделей* едва ли возможно, поскольку позитивные и негативные последствия для стран-доноров и стран-реципиентов редко бывают симметричными. Ни сама механическая убыль избыточных трудовых ресурсов, ни возвратные потоки мигрантов (на которые указывал еще Э. Равенстайн) с приобретенным культурным и социальным капиталом, потоки денежных ресурсов даже в виде капиталов сами по себе не приводят к полному выравниванию условий жизни [18, с. 137]. Здесь понятие равновесия может выступать как частичная метафора, имеющая ограниченную объяснительную силу. С нашей точки зрения, более адекватно понятие «равновесие» трактовать как политкорректный эвфемизм, за которым скрывается консервация неравенства.

Дж. Саймон на материале США сопоставлял объемы налоговых поступлений, образующихся от экономической деятельности с участием иммигрантов, с объемом выплаченных в связи с прибытием иммигрантов социальных пособий, и пришел к выводу о позитивных последствиях международной трудовой миграции для принимающей страны, заключающихся в более эффективном использовании факторов производства [35].

В выигрыше остается страна-реципиент, вернее, социальные группы, которые оказываются получателями экономических дивидендов, прежде всего слои, контролирующие присвоение результатов труда мигрантов и извлекающие дополнительную прибыль из растущей конкуренции на рынке труда. Непосредственные экономические выгоды особенно ощутимы для тех, кто в состоянии оградить себя как от последствий увеличения предложения дешевого труда, так и от негативных культурных последствий иммиграции. Остальное население может рассчитывать на экономическую выгоду лишь опосредованно.

Модель максимизации выгоды акторами микроуровня. Недостаток макроэкономической логики заключается в том, что она неявно предполагает полное соответствие мотивов индивидуальных акторов (трудовых мигрантов) выравнивающему действию рыночных механизмов. Этот недостаток преодо-

левается теориями микроуровня, а также объяснительными моделями, направленными на учет факторов, действующих на макро- и микроуровнях.

Подобные модели позволяют, например, объяснить, почему (точнее, *как*) миграционные потоки в урбанизированные районы не прекращаются даже тогда, когда в этих районах возникает высокий уровень безработицы. Объяснение состоит в том, что трудовые мигранты при принятии решений руководствуются не фактическими макроэкономическими показателями, о которых они могут не знать, а индивидуальными, во многом *субъективными* представлениями о шансах получить выгоду от миграции [25; 39].

В теориях микроуровня, где учитывается поведение индивида (или домохозяйства), миграция рассматривается как средство либо повысить уровень жизни, либо удовлетворить неотложные потребности. Соответственно, решение о миграции индивида (работника) для поиска работы принимается в том случае, если соотношение прихода и расхода от миграции имеет положительную величину [11, с. 22]. В логике подобных рассуждений трудовая миграция продолжается до тех пор, пока ожидаемая выгода будет превышать издержки от миграции. В модели, учитывающей исключительно экономические параметры, эмигранты будут стремиться прежде всего в ту страну, где ожидается максимальная выгода.

Синтезирующие модели. В концепции новой экономики миграции синтезируются микро- и макроподходы. На микроуровне учитывается, что решение о миграции принимается не индивидуально, а коллективно — членами семьи [10, с. 545]. Этот подход учитывает, что членов семьи объединяют так называемые неявные, или негласные, контрактные обязательства, под которыми понимаются взаимные обязательства сторон, не оформленные юридически, но выполнение которых стороны считают обязательным условием своих взаимоотношений.

При принятии решения в расчет прежде всего берется экономическая безопасность семьи (или домохозяйства) в целом: величина ожидаемого дохода от денежных трансфертов сопоставляется с миграционными рисками, а также с (перспективными) возможностями, предоставляемыми местным рынком труда и институтами социального страхования [36]. Допущение подобного соглашения лучше объясняет огромные мигрантские трансферты, чем абстрактные альтруистические мотивы [37].

Отсюда практическое соображение для регулирования трудовой миграции: страна с относительно невысоким уровнем оплаты труда может выигрывать конкурентную борьбу за привлечение трудовой миграции за счет снижения издержек.

Теория *сегментированного (двойного) рынка труда* рассматривает структурные последствия, которые трудовая иммиграция оказывает на рынок труда

принимающей страны (региона). В результате иммиграции формирующийся рынок труда расслаивается на два сектора. Рабочие места в закрытом для иммигрантов *первичном сегменте* обеспечивают местным жителям стабильную работу, высокую оплату труда, пакет социального страхования, перспективы профессионального и карьерного роста. *Вторичный сегмент* предлагает низкую оплату труда, нестабильные рабочие места, ограниченные возможности для профессионального и тем более карьерного роста и разнообразные риски [21; 23]. Таким образом, мигранты оказываются обреченными на работу «второго сорта», содержательно не привлекательную для местного населения, не требующую высокой квалификации, с тяжелыми и вредными условиями труда (как правило, в сфере материального производства и неквалифицированных услуг с большой долей живого труда), низким уровнем оплаты и ограниченными возможностями для социальной мобильности, приобретения личного и социального капиталов.

В краткосрочной перспективе это может восприниматься придерживающимся консервативно-охранительных взглядов местным населением позитивно в контексте забот о социальной и социокультурной безопасности «своего» общества. Однако в долгосрочной перспективе ситуация не столь однозначна.

Во-первых, сегментация рынка труда, основанная на формальной разнице в гражданском статусе работников, ведет к увеличению внутренней социальной (и социокультурной) дифференциации и напряжению, которые легко находят деструктивный выход не только при абсолютном замедлении экономического роста, но и при его отставании от растущих притязаний в одном или обоих сегментах (об этом см., например: [4; 32]). Во-вторых, такая квазисословная дифференциация противоречит идейным основам рыночного общества и теоретически должна привести к стагнации, снижению экономической эффективности обоих секторов. В-третьих, иммигранты вытеснят с рынка труда местную неквалифицированную рабочую силу, которая не обязательно получит шанс найти себе применение в первичном сегменте.

В данном случае краткосрочные экономические и охранительные выгоды в долгосрочной перспективе чреваты ухудшением качества принимающего общества. В целом надо признать, что чистые экономические модели малопригодны для социального проектирования.

Социологические (экономсоциологические) теории. С экономическими теориями социологические концепции не могут сравниться в прозрачности и четкости взаимосвязей между учитываемыми переменными. Эту «нематематичность» социологи компенсируют охватом большего количества показателей, что позволяет их нестрогим моделям претендовать на внешнюю валидность.

Мир-системная теория И. Валлерстайна и его последователей относится к таким моделям. Согласно этой теории глобальный (мировой) рынок труда неминуемо проникает сквозь государственные границы и налаживает интенсивное перераспределение рабочей силы. Более значимыми в мировом хозяйстве стали невидимые, но действенные границы между зонами развития — центром, полупериферией и периферией. Эти границы, подобно мембране, обеспечивают несимметричность обмена между странами (рынками), относящимися к разным зонам (в зависимости от уровня развития). Соответственно статусу (суб) региональные экономики востребуют различные по своим качественным характеристикам человеческие ресурсы. В этой теории учитывается, что потоки международной трудовой миграции определяются не только спросом и предложением рабочей силы в регионах или странах, различиями в уровне заработной платы и иными экономическими факторами, но и характером протекания внешних (по отношению к хозяйству) социальных, политических, культурных и других процессов. Иными словами, теория позволяет объяснить такие характеристики миграционных потоков, которые не получают своего объяснения исключительно экономическими факторами. В частности, тот факт, что миграция чаще возникает между бывшими колониальными державами и их колониями, объясняется сохранившимися от «темного колониального прошлого» культурными, языковыми, административными, транспортными и прочими связями [28; 29; 33].

В фокусе внимания *теории социального капитала* оказывается процесс формирования и функционирования *миграционных сетей*, которые снижают транзакционные издержки и другие риски перемещения. Эти сети, построенные по земляческому или аналогичному принципу, формируются (стихийно или целенаправленно) ранее приехавшими мигрантами, которые «уже создали определенные схемы внедрения в общество принимающих стран, в местный рынок труда» [27, р. 188]. При этом социальный капитал включает не только возможности, предоставляемые самой диаспорой. В социальный капитал входят наработанные связи с государственными, коммерческими и общественными институтами — установлениями всех трех секторов. Тем самым складывается социальное агентство, которое способно поддерживать приток даже при резких изменениях в иммиграционной политике и существенно облегчает принятие решения о выборе пункта трудовой миграции и подготовку к переезду [19; 24]. Контакт с подобными сетями открывает принципиально новые возможности для привлечения трудовых ресурсов с заданными характеристиками.

Наконец, теория *человеческого капитала* (Г. Беккер, Т. Шульц) рассматривает миграцию как способ не прямых инвестиций в собственную компетентность, расширить которую индивиду не позволяют условия на местном рынке труда. Эта теория, фокусируясь на индивидуальном акторе, помимо экономических

(денежных) выгод и издержек миграции, учитывает также психологические измерения выгоды и издержек, а также влияние нематериальных факторов — доступ к культуре, образованию (в том числе без отрыва от работы), получению профессиональной подготовки, общественным благам более высокого уровня, которые выпадают из поля зрения экономических теорий миграции. В рамках этой теории были сделаны попытки косвенным методом определить величину психологических издержек. Так, А. Шварц, выделяя фактор расстояния в миграционном движении, предлагает измерять чувство отчуждения от семьи [34]. Другие исследователи (Р. Эренберг, Р. Смит) считают возраст основным ограничивающим фактором перемещения иностранной рабочей силы [20].

Эта теория позволяет находить в миграционном потоке такие «ручейки», для которых чисто благоприятное соотношение чисто материальных выгод и издержек не является решающим. Эта категория трудовых мигрантов принципиально отличается от тех, кто занят поиском любой работы, чтобы только «не умереть с голода». Мотив выживания наиболее характерен для миграции малоквалифицированной рабочей силы из стран с низким уровнем экономического развития и высоким уровнем безработицы. В качестве примера отечественного исследования, в ходе которого в качестве основного мотива миграции выявлен мотив выживания, можно провести проект И.М. Козиной с коллегами. Почти все респонденты — иммигранты из Таджикистана — главной побудительной причиной называли необходимость обеспечить выживание семьи, оплачивать самое необходимое: питание, одежду и пр. Принято считать, что условия труда и быта этой категории работников наихудшие и наиболее унижительные, чему в немалой степени способствует низкий уровень формализации отношений занятости [9].

Таким образом, теория человеческого капитала позволяет сфокусировать внимание на *мотивах* миграции и объяснять поведение мигрантов, ищущих *более высокую*, чем у себя на родине, заработную плату, более комфортные условия труда и жизни. Этот вид миграции свойствен прежде всего образованным, высококвалифицированным специалистам, имеющим высокий уровень притязаний.

Резюме

Таким образом, в рассмотренных теориях по-разному учитываются экономические и неэкономические причины международной трудовой миграции.

К *экономическим причинам* трудовой миграции между странами относятся различия в уровне экономического развития, которые обуславливают другие показатели: уровня жизни, заработной платы, социального обеспечения и т.п.; к *неэкономическим причинам* — социальные, политические, культурные, религиозные, расовые и прочие условия.

В регулировании миграционными процессами важно различать и учитывать эти факторы при проектировании и реализации миграционной политики в интересах региона. Одна из задач настоящей статьи — показать, что чисто экономический подход (с опорой на экономические теории, которые учитывают преимущественно материальные факторы) к регулированию трудовой иммиграции недостаточен. Если перед регионом (страной) стоит задача по привлечению трудовых ресурсов, то узко экономический подход в силу своей специфики ориентирует лишь на снижение трансакционных издержек и рисков, устранение препятствий, административных и прочих барьеров, стоящих на пути иммиграции. Но этот подход абсолютно не предполагает стимулирование свободного притока человеческих ресурсов высокого качества — трудовых мигрантов с высокой квалификацией и притязаниями, для которых размер трансакционных издержек является далеко не принципиальным.

Библиографический список

1. Борисов Е.Ф., Петров А.А., Стерликов Ф.Ф. Экономика: Справочник. М.: Финансы и статистика, 1998.
2. Вишневский А.Г. Альтернативы миграционной стратегии России и политика идентичности // Гражданские, этнические и религиозные идентичности в современной России / Отв. ред. В.С. Магун. М.: Ин-т социологии РАН, 2006.
3. Всеобщая декларация прав человека (принята на третьей сессии Генеральной Ассамблеи ООН от 10 декабря 1948 г. // Российская газета. 1998. 10 дек.
4. Гарт Т.Р. Почему люди бунтуют / Пер. с англ. В. Анурина. СПб.: Питер, 2005.
5. Европейская Конвенция о правовом статусе трудящихся-мигрантов от 24 ноября 1977 г. // Международные акты о правах человека: Сборник документов / Сост. В.А. Карташкин, Е.А. Лукашева. М.: Норма. 1997.
6. Жеребцов А.Н., Куц А.Н. Правовое регулирование статуса трудящихся-мигрантов в РФ. Краснодар: КГАУ, 2004.
7. Замещающая миграция: является ли она решением проблемы сокращения численности и старения населения / Отдел народонаселения ООН. Нью-Йорк, 2000.
8. Ионцев В.А. Международная миграция населения: теория и история изучения. М.: Диалог-МГУ, 1999.
9. Козина И.М., Карелина М.В., Металина Т.А. Трудовые практики иностранных рабочих в России // Социологические исследования. 2005. № 2.
10. Колесницына М.Г., Суворова И.К. Международная трудовая миграция: теоретические основы и политика регулирования // Экономический журнал ВШЭ. 2005. № 4 (http://library.hse.ru/e-resources/HSE_economic_journal/articles/09_04_05.pdf).
11. Моисеенко В., Переведенцев В., Воронина Н. Московский регион: миграция и миграционная политика / Под ред. Г. Витковской. М.: Московский Центр Карнеги, 1999. Вып. 3.
12. О злоупотреблениях в области миграции и об обеспечении трудящимся-мигрантам равенства возможностей и обращения: Конвенция МОТ № 143 (4 июня 1975 г.)

- // Конвенции и рекомендации, принятые Международной Конференцией труда. 1957–1990. Женева: Международное бюро труда, 1991. Т. 2.
13. О правовом положении иностранных граждан в РФ: ФЗ от 25.07.2002 // Собрание законодательства РФ. 2002. №30.
 14. О привлечении и использовании в РФ иностранной рабочей силы: Указ Президента РФ от 16.12.1993 // САПП РФ. 1993. № 51. Ст. 4934.
 15. О трудящихся-мигрантах: Конвенция МОТ № 97 (8 июня 1949 г.) // Конвенции и рекомендации, принятые Международной Конференцией труда. 1919–1956 гг. Женева: Международное бюро труда, 1991. Т. 1.
 16. Черевичко Т.В. Миграция трудоспособного населения в современной России: проблемы управления // Миграция в России: Проблемы правового обеспечения: Сб. науч. ст. / Под ред. М.В. Немытиной. Саратов: Саратов. юр. ин-т МВД, 2001.
 17. Юдина Т.Н. О социологическом анализе миграционных процессов // Социологические исследования. 2002. № 10.
 18. Юдина Т.Н. Социология миграции. М.: Академический проект, 2006.
 19. Boyd M. Family and Personal Networks in International Migration: Recent Developments and New Agenda // International Migration Review. 1989. Vol. 23. № 3. P. 238–270.
 20. Ehrenberg R.G., Smith R.S. Modern Labor Economics: Theory and Public Policy. N.Y.: Harper Collins Publishers, 1994.
 21. Gilder G. Wealth and Poverty. N.Y.: Basic Book, 1981.
 22. Godzimirski J.M. The Evaluation of the Results of the Introduction of the New Regime for Migration of Skilled Labour to Norway (Spesialistordningen): The Case of Ukraine. Oslo: Norwegian Institute of International Affaires, 2004.
 23. Gordon D. Edwards R., Reich M. Segmented Work, Divided Workers: The Historical Transformation of Labor in the United States. N.Y.: Cambridge University Press, 1982.
 24. Goss J., Lindquist B. Conceptualizing International Labor Migration: A Structuration Perspective // International Migration Review. 1995. Vol. 29. № 2.
 25. Harris J.R., Todaro M.P. Migration, Employment and Development: A Two Sector Model // American Economic Rev. 1970. Vol. 60. № 1.
 26. Lewis W.A. Economic Development With Unlimited Supplies of Labour // The Manchester School of Economic and Social Studies. 1976. Vol. 22. May.
 27. Morawska E. The sociology and historiography of immigration // Immigration Reconsidered: History, Sociology, and Politics / Ed. by V. Yans-McLaughlin. N.Y.: New York University Press, 1990.
 28. Petras E.M. The Global Labor Market in the Global World Economy // Global Trends in Migration: Theory and Research on International Population Movement / Ed. by M. Kritz et al. N.Y: Center for Migration Studies, 1981.
 29. Portes A. Economic Sociology and the Sociology of Immigration: A Conceptual Overview // The Economic Sociology of Immigration: Essays on Networks, Ethnicity, and Entrepreneurship / Ed. by A. Portes. N.Y.: Russell Sage Foundation, 1995.
 30. Ranis G., Frei J.C.H. A Theory of Economic Development // American Economic Review. 1961. Vol. 51. № 3.
 31. Ravenstein E.G. The Laws of Migration // J. of the Royal Statistical Society. 1885. Vol. 48. № 2.

32. *Runciman W.G.* Relative Deprivation and Social Justice: A Study of Attitudes to Social Inequality in Twentieth-Century England. Berkeley; Los Angeles: Univ. of California Press, 1966.
33. *Sassen S.* The Mobility of Labor and Capital: A study in international investment and labor flow. Cambridge: Cambridge University Press, 1988.
34. *Schwartz A.* Interpreting the Effect of Distance on Migration // *Journal of Political Economy*. 1973. Vol. 81. № 5.
35. *Simon J.* The Economic Consequences of Immigration. Cambridge: Basil Blackwell, 1989.
36. *Stark O.* The Migration of Labor. Cambridge: Blackwell, 1991.
37. *Stark O., Bloom D.E.* The New Economics of Labor Migration // *The American Economic Review*. 1985. Vol. 75. № 2.
38. *Todaro M.P.* A Model of Labor Migration and Urban Employment in Less-Developed Country // *American Economic Review*. 1969. Vol. 59. № 1.
39. *Todaro M.P.* Internal Migration in Developing Countries. Geneva: ILO, 1976.

ЦИВИЛИЗАЦИОННАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ РОССИИ В ГЛОБАЛИЗИРУЮЩЕМСЯ МИРЕ

.....

З. А. Жаде¹

Современная глобализация, будучи многогранным цивилизационным процессом, порождает множество последствий, одним из которых является актуализация различных идентичностей (государственных, национально-территориальных, этнических, личностных и т.д.), что характеризуется всплеском традиционных и появлением новых форм. Страны и народы представляют собой точки пересечения многих идентичностей, они одновременно включены в десятки групп идентичностей, претендующих на самостоятельность и публичность. Очень важно во всей этой совокупности распознать цивилизационный уровень измерения идентичности.

Крушение социалистической системы открыло путь для унификационных процессов в экономике и политике, которые превращают мир в глобальную цивилизационную целостность. Но этот процесс сопровождается столкновением цивилизаций, которое происходит на уровне не только военного противостояния или экономической экспансии, но и противостояния духовных составляющих и доминант локальных цивилизаций. В подобных обстоятельствах особую значимость приобретает идентичность как инструмент цивилизационного измерения мира.

В числе причин, актуализировавших проблематику идентичности России, следует назвать следующее противоречие: с одной стороны, стремление мира к унификации и универсализации, обусловленное объективными современными реалиями, с другой — обусловленное современными цивилизационными процессами стремление народов сохранить свою социокультурную самобытность. Применительно к современной России это выражается прежде всего в

¹ Жаде Зуриет Анзауровна — кандидат политических наук, доцент, зав. кафедрой теории государства и права и политологии Адыгейского государственного университета, докторант РГУ. Электронная почта: suga@radnet.ru.

Статья принята к публикации 20.09.2006.

необходимости определения ее цивилизационной идентичности, для которой нахождение адекватных ответов глобальным вызовам новой эпохи связано с сохранением страны как самостоятельной геополитической, социокультурной и цивилизационной единицы.

Характеризуя идентичность, мы придерживаемся точки зрения Ю.Г. Волкова, согласно которой российская идентичность должна исходить из константы «приоритета духовности» как «символического кода» российского общества, ибо общее смысловое пространство создает иерархию идентичностей, определяя коллективные (социальные) идентичности [2, с. 16].

Вопрос о цивилизационной принадлежности России — является ли она периферией Европы и одновременно форпостом европейской культуры на Востоке, или частью Азии, порой стремящейся к европеизации, но за европейским фасадом скрывающей свою некую восточную сущность, или самостоятельной цивилизационной общностью, уникальной, или же синтезирующей черты Востока и Запада, — уже более двух веков волнует умы российских интеллектуалов [4, с. 15]. Длительность этой дискуссии свидетельствует о том, что цивилизационная проблема России не имеет окончательного определения, поскольку каждое поколение будет рассматривать ее в новом аспекте, каждый исторический этап будет добавлять новые черты.

Последнее десятилетие в очередной раз актуализировало проблему цивилизационной принадлежности нашего общества. Что представляет собой в этом аспекте современная Россия, какова ее роль и положение в мире, какова идентичность современной России — вот вопросы, которые интересуют российское общество. Существует мнение, что в данный исторический момент Россия оказалась в положении, когда ни на один из этих вопросов нет определенного ответа. В отечественной науке нет единства мнений по этим проблемам: сторонники западной модели развития считают, что обновление российского общества должно осуществляться по европейским стандартам, ее противники активно выступают против вестернизации и отказа от традиционных ценностей.

В мировой науке имеется множество взаимоисключающих концепций осуществления цивилизационного развития: сценарий Ф. Фукуямы, предрекшего «конец истории»; концепция «столкновения цивилизаций» С. Хантингтона; теория «макдональдизации» Дж. Ритцера; концепция «третьего пути» Э. Гидденса и др. Рассуждая об этом, В.С. Степин отмечает, что из набора сценариев возможного будущего, среди которых большинство катастрофических, человечеству предстоит отыскать наиболее благоприятные, обеспечивающие не только его выживание, но и устойчивое развитие [12, с. 28]. Нам представляется неприемлемым ни один из этих сценариев, поскольку очевидна односторонность каждого из них.

Анализируемая проблема касается не только России. Вопросом о цивилизационной идентификации задались не только страны третьего мира: ЮАР, Сирия, Тунис, Алжир, но и такие развитые государства, как США, Канада, Великобритания, Германия и др. «Почти везде, куда ни посмотри, люди спрашивали себя: „Кто мы такие?“, „Откуда мы?“ и „Кто не с нами?“. Эти вопросы были центральными не только для народов, пытающихся построить новые национальные государства... но и для многих других» [18, с. 186].

В современном мире цивилизационная идентичность приобретает все большее значение в сравнении с другими уровнями ее анализа. Этот вопрос возникает тогда, когда появляется необходимость осмысления места своего общества и страны в цивилизационном многообразии мира, т. е. в глобальном позиционировании. Так, анализируя вопрос о цивилизационной и социокультурной идентичности России, К.Х. Делокаров выделяет факторы, усложняющие понимание их сути (систематическая война со своим прошлым, своей историей; привычка искать источники проблем не внутри, а во вне; неопределенность стратегических целей российского общества), и делает вывод о размытости критериев цивилизационной идентичности России [3, с. 332–333].

Современные реалии глобализирующегося мира порождают потребность в рефлексии сути процессов, происходящих в российском обществе, потребность осмыслить место и роль России в мировом процессе.

Сложившиеся на сегодняшний день представления показывают, что анализ цивилизационной идентичности следует начинать с многозначного и вариативного понятия «цивилизация», имеющего свою историю и обоснование. Не останавливаясь на дискуссиях по этому поводу, отметим, что в мировой науке цивилизациями принято характеризовать устойчивые социально-культурные общности, существующие в определенное время и в определенной части ойкумены. Эти образования, говоря словами А. Тойнби, более широкие, чем отдельная нация, но менее широкие, чем все человечество [14, с. 29]. И хотя имеются сотни определений цивилизации (как и культуры), но все они в конечном счете отталкиваются от того объективного факта, что эти общности обладают устойчивыми социальными, материальными и духовными ценностями. Становление, формирование конкретной формы цивилизации, на наш взгляд, достигается на этапе, когда она в состоянии создавать ценности, отличные от ценностей, произведенных другими социально-культурными общностями, и поэтому представляющие ее вклад в развитие всего человечества, оставляющие след в истории.

Цивилизацию можно рассматривать в широком значении как особый этап или стадию в истории человечества, когда на смену варварству пришла цивилизация, которая будет продолжаться до тех пор, пока существует человечество. Другое значение фиксирует периодическую смену мировых цивилизаций как исторических циклов в динамике человеческого развития.

В узком значении под цивилизацией понимается некая устойчивая социокультурная общность людей или стран, сохраняющих присущие им своеобразие и целостность на больших промежутках исторического времени.

В научной литературе термин «цивилизация» также широко используется для обозначения многообразия локальных и региональных «миров», населяющих нашу планету и составляющих противоречивое единство мирового социума. Такое понимание позволяет охватить и представить все разнообразие и динамику развития локальных цивилизаций — совокупностей наций, этносов, объединяемых общностью духовных ценностей и интересов, исторических судеб, но прежде всего территориальной близостью и уровнем социально-экономического развития.

Н.Я. Данилевский, О. Шпенглер, А. Тойнби, С. Хантингтон в своих цивилизационных концепциях рассматривают особенности развития культуры и цивилизации, исходя из духовных основ того или иного народа. Практически во всех концепциях цивилизации специфика описываемой реальности определяется либо через культуру, либо через ее отдельные черты.

Исследователем, придавшим небывалое звучание цивилизационным идеям и поднявшим вопрос о цивилизационной идентичности, является С. Хантингтон, по мнению которого цивилизация — это «культурная общность наивысшего ранга, самый широкий уровень культурной идентичности людей», определяемой наличием таких общих черт объективного порядка, как язык, история, религия, обычаи, институты, а также субъективной самоидентификацией людей [18, с. 34].

К сегодняшнему дню уже сложилась определенная традиция в исследовании цивилизационной идентичности. Так, вслед за В.Г. Федотовой выделим основные точки зрения на российскую цивилизационную идентичность, рассматриваемую по отношению к координатам Восток — Запад: Россия находится между Востоком и Западом и не имеет цивилизационной определенности; Россия осуществляет синтез между Востоком и Западом; Россия — евразийская страна; Россия — часть восточноевропейской цивилизации; Россия обладает собственной цивилизационной особенностью [16, с. 384–385].

Для определения цивилизационной идентичности необходимо изучить цивилизационные параметры современной России. В мировой социально-философской мысли представлены концепции принадлежности России к русской, евразийской, православной, российской цивилизации, каждая из которых в отдельности, на наш взгляд, отражает одну из сторон социокультурного развития нашего общества и основаны на различных критериях определения цивилизационной принадлежности.

Цивилизационный подход к анализу роли и места России в мире стал активно разрабатываться в отечественной науке в 1990-х гг. По мере реформи-

рования общества в центр внимания отечественных социально-политических исследований выдвигаются проблемы цивилизационной специфики российского общества. Обсуждению зависимости содержания реформ российского общества от его цивилизационных характеристик, присущей ему системы ценностей как ядра культуры посвящено значительное количество исследовательской и общественно-политической литературы.

В контексте анализируемой темы интерес представляет энциклопедический словарь «Российская цивилизация», авторы которого понимают под цивилизацией предельно широкую, устойчивую социокультурную общность, существующую в определенных пространственно-временных координатах [7, с. 486], а общероссийскую идентичность интерпретируют как категорию, «фиксирующую социокультурную самобытность российской цивилизации, предельно широкий уровень культурного самоотождествления индивидов» [7, с. 69].

Представляется, что в основу исследования цивилизационной идентичности, как бы тавтологично это ни звучало, должна быть положена цивилизационная парадигма как инструмент анализа особенностей российского общества в целом. При этом под цивилизацией следует понимать межэтнические мегаобщества, более протяженные в пространстве и во времени, чем национальные государства; они не являются статичными образованиями, а представляют собой динамические общности, эволюционирующие на основе межкультурного взаимодействия и обмена народов.

Исходя из сложившегося к настоящему времени понимания цивилизации, аналитически цивилизационную идентичность можно концептуально определить как категорию социально-политической теории, обозначающую отождествление индивида, группы индивидов, народа и т.д. их местом, ролью, системой связей и отношений в определенной цивилизации. Можно сказать, что это предельный уровень идентификации, выше которой может быть идентификация только общепланетарного масштаба. В ее основании лежит сформировавшаяся крупная межэтническая мегаобщность людей, длительно проживающих в одном регионе, основанная на единстве исторической коллективной судьбы разных народов, взаимосвязанных близкими культурными ценностями, нормами и идеалами. Это чувство общности формируется на базе различия и даже противопоставления своего и чужого.

Важно подчеркнуть, что идентификация — процесс одновременно и объективный (обусловленный объективными факторами), и субъективный (обусловленный осознанием субъектом своей идентичности). Субъективная сторона идентификации заключается главным образом в том, как люди отождествляют себя (идентифицируют) и как это самоотождествление воспринимают и признают Другие.

Исследование проблем российской идентичности дает основания выделять ее цивилизационную составляющую как форму особого понятийного единс-

тва, актуального в исследованиях современного российского массового сознания, поскольку в нем присутствуют представления об особой российской цивилизационной мегаобщности. Это обстоятельство связано как с историей формирования этой мегаобщности, так и с современным характером модернизации российского общества, с неоформленностью в советский период нации-государства, а также с разнонаправленными векторами трансформации социокультурной идентичности российского общества в условиях современного мира.

По мнению Э. Паина, постсоветская Россия переживает затяжной кризис идентичности, проявляющийся в болезненном привыкании россиян к своему новому месту в геополитическом пространстве на территории бывшего СССР и к новым формам консолидации внутри Российской Федерации [9, с. 5].

В контексте кризиса идентичности целесообразно выделить группы формообразующих факторов цивилизационной идентичности.

Прежде всего, целесообразно противопоставить социокультурные факторы природно-климатическим и геополитическим факторам как внутренние внешним. Если внешние (природно-климатические и геополитические) факторы являются условиями, к которым цивилизация как бы приспосабливается, то внутренние (социокультурные) факторы цивилизация сама формирует в процессе своей эволюции, что и придает ей социокультурное своеобразие.

Особое место в ряду факторов, формирующих цивилизационную идентичность, занимают экономические и политические факторы. Главная их особенность заключается в неоднозначности их воздействия на характер цивилизационной идентичности. С одной стороны, цивилизация характеризуется своеобразным экономическим и политическим строем. С другой стороны, экономические и политические системы обществ за время существования цивилизации могут изменяться. Тем не менее в условиях разных цивилизаций вырабатываются специфические стереотипы поведения и установки в экономической и политической сферах, которые постепенно принимают форму обычаев и традиций, приобретая определенную устойчивость.

Таким образом, цивилизационная идентичность может быть определена как самоотождествление индивидов, групп, этносов, конфессий на основе определенной социокультурной общности. Эта проблема преемственности формообразующих факторов, определяющих цивилизационные особенности общества, имеет особую значимость, поскольку касается определения цивилизационной идентичности не только российского общества, но и других обществ.

Одной из основных проблем цивилизационной идентичности является соотношение «ядра — периферии» цивилизации, исследование которого позволяет раскрыть цивилизационное пространство, структуры и механизмы

взаимодействия крупных территориальных ареалов, этнодемографические характеристики распространения культуры, т. е. понять суть цивилизационной идентичности.

Россия в силу своей территориальной масштабности граничит с тремя цивилизациями (западной, исламской и конфуцианско-буддийской), испытывает их влияние, что в свою очередь оказывает воздействие на идентичность населения, находящегося в зоне их соприкосновения. Разнообразие микроидентичностей российского общества порождает проблему взаимодействия «ядра — периферии» цивилизации, основанного на различии региональных особенностей российской ментальности. Главная особенность России заключается в разнообразии и множественности ее культур, что в значительной степени является причиной постоянного и интенсивного культурного взаимодействия. Значительную роль в этом играет культурно-политическое взаимодействие ядра и периферии.

В рассматриваемом аспекте небезынтересно мнение А.А. Кара-Мурзы об органически присущей российской цивилизации «дуальной идентичности»: «европейская цивилизационная и евроазиатская геополитическая идентификации России являются не просто разными, а именно двумя неразрывно связанными сторонами ее общего самоопределения в мире, требующими органичного согласования. Россия — это и “Европа в Азии”, и “Азия в Европе” одновременно; весь вопрос в том, как она распоряжается этой особенностью своей “дуальной идентификации”» [5, с. 127]. Далее, анализируя кризис идентичности современной России, он делает вывод о том, что ее цивилизационная идентичность обусловлена принадлежностью этнокультурного ядра к восточной ветви европейской христианской цивилизации.

Аналогичной точки зрения придерживается С.Г. Киселев, утверждающий, что россияне имеют двойную идентичность, т. е. ощущают себя одновременно и как граждане многонационального государства, и как представители определенного народа и религии. По его мнению, двойная самоидентификация — непременное условие устойчивого существования любого многонационального государства [6, с. 123].

Важным ориентиром в анализе данного феномена представляется определение цивилизационной идентичности как принадлежности индивида, этноса или государства к определенной цивилизации, предложенное В.А. Цымбурским [19, с. 80]. В данном контексте необходимо разграничить идентичность цивилизационную и геополитическую. Первая указывает на принадлежность индивида, этноса или государства к определенной цивилизации, вторая — атрибут государства, его географических признаков, определяющих основные особенности его внутренних и внешних связей. Эти идентичности переплетаются друг с другом. Проблема осложняется наличием цивилизационно-периферийных и межкультурных народов.

Не вступая в полемику с авторами, заметим, что, на наш взгляд, цивилизационная идентичность России обусловлена тем, что она расположена в Европе и в Азии, полиэтнична и поликонфессиональна. Специфика цивилизационной идентичности состоит в том, что она представляет собой высший уровень социальной идентичности, так как в ее основе лежит осознание культурно-исторической общности целого народа или группы близких народов. Понятие «цивилизационная идентичность» описывает совокупность стержневых, системообразующих элементов, структурирующих целое и задающих самостоимость цивилизации.

Признаки цивилизационного кризиса, в значительной степени спровоцированные практикой глобализации, усиливаются тем, что культурные аспекты жизни человечества оказываются целиком подчинены экономическим и политическим целям. Тем не менее «обретение цивилизацией своего единства может рассматриваться как конец истории разобщенности и разрозненности народов, стихийно-сложившейся дезинтеграции и раздробленности фрагментов будущего мирового социума — мегаобщества, которое сможет более эффективно взаимодействовать с природой» [15, с. 25].

Представляется очевидным, что стремление к глобализации, к созданию некой универсальной общемировой культуры, в основе которой лежит не конструктивный диалог между различными культурными формами, а их унификация, сведение к единому стандарту, приводит в конечном итоге к кризису национальных культур.

По мнению некоторых исследователей и политиков, стратегия реформ в России с самого начала игнорировала специфику российской культуры и ментальности. Результаты этой стратегии свидетельствуют о том, что инициаторы перемен не связывали свои замыслы с закономерностями глобальных процессов и особенностями цивилизационного развития России.

Рассуждая об этом, В.С. Степин замечает, что «проблема цивилизационного выбора, которая стоит перед Россией, соединяется с более широким и более сложным полем проблем, которые связаны с возможными путями развития человеческой цивилизации. Вопрос „куда идет Россия?“ становится особой частью вопроса „куда идет человечество?“» [13, с. 5].

С кризисом идентичности и процессами трансформации цивилизационной идентичности в российском обществе связано широкое распространение представлений об «особом пути» развития России, на формирование которых непосредственное влияние оказывают такие общие геополитические и геокультурные факторы, как особое «промежуточное» положение России между Западом и Востоком, а также важные особенности культуры России (в частности, православие, сосуществующее длительное время с исламом).

В.И. Пантин указывает следующие конкретно-исторические причины кризиса идентичности. Во-первых, в отличие от стран Восточной Европы, ориентировавшихся на вхождение в Европейский союз, для России подобная перспектива в ближайшие десятилетия нереальна, что серьезно ограничивает возможности чисто европейского, западного пути развития. Во-вторых, неудовлетворенность социальными последствиями и результатами реформ при нежелании возвращаться к прежней советской системе усиливается отсутствием ясных перспектив для будущего развития. В-третьих, неприязненное отношение большинства российского общества к международной политической и военной экспансии США и их союзников обостряется ощущением того, что Россия перестала играть былую роль в международных делах. В-четвертых, россияне ощущают угрозу собственной культуре со стороны массовой западной культуры, которая благодаря процессам информационной глобализации все больше воздействует на культурное развитие российского общества [10, с. 126].

Мы разделяем вывод И.С. Семененко, который, в частности, пишет: «Процессы формирования новой, современной идентичности (современных идентичностей) сопровождаются поисками путей и методов органичного совмещения императивов модернизации с императивами сохранения основы культурной идентичности, определённой преемственности в культуре. В противном случае, при наличии значительных разрывов в культуре и формировании слабо связанных между собой идентичностей „из разных эпох“, разрушается культурная ткань модернизирующегося общества и все кажущиеся успехи модернизации рано или поздно оборачиваются её поражениями. Так произошло, например, в результате гигантского культурного слома в советский период» [11, с. 112].

Наблюдая сегодня процесс трансформации цивилизационной идентичности в России, важно осознавать, что во многом будущее демократии и перспективы российской государственности зависят от результата выбора правильной цивилизационной идентичности. Потребности адаптации к реалиям постсоветского существования и к новому геополитическому статусу способствовали стремительному размыванию прежней и появлению новой идентичности.

Сложившийся кризис общероссийской идентичности — это прежде всего конфликт с новыми реалиями, повлекший за собой процесс отказа от прежних социальных ролей, национальных самоопределений, идеологических образов. Все это актуализирует проблему воссоздания целостности общероссийского «мы» с учетом его цивилизационных особенностей. Представления о цивилизационной принадлежности и соответствующие образы идентичности влияют на формирование ориентации, связанной с восприятием места и роли России в современном мире. Без осознания своей цивилизационной идентичности российское общество не будет достаточно интегрированным и устойчивым,

способным отвечать на вызовы современного мира, не сможет осуществлять полноценную модернизацию.

Нам близка позиция, согласно которой «российская цивилизация состоялась как самостоятельная, но не изолированная и не претендующая на лидерство среди других цивилизационных систем. На ее формирование оказывала влияние конфигурация обстоятельств: исторических, культурных, конфессиональных, геополитических, но основным звеном является идентичность, принадлежность к российской духовно-культурной общности» [1, с. 90–91].

О том, что в условиях глобализации безопасность цивилизационного развития России постоянно подвергается угрожающим дестабилизациям, постоянно говорят ученые [17, с. 29]. Думается, что развивающиеся в мире процессы глобализации, затрагивающие идентификационные архетипы всех государств, развернувшийся переход к постиндустриальному обществу с характерной для него решающей ролью знаний и информатизации по-новому ставят проблему определения цивилизационной идентичности не только для России, но и для всего мира.

Библиографический список

1. Волков Ю.Г. Гуманистическая идеология и формирование российской идентичности. М.: Социально-гуманитарные знания, 2006.
2. Волков Ю.Г. Идентичность и гуманистическая идеология: взгляд в будущее. М.: Социально-гуманитарные знания, 2006.
3. Делокаров К.Х. Цивилизационная идентичность России как социально-философская проблема // Конкурентоспособность России в условиях глобализации / Под общ. ред. В.К. Егорова, С.В. Степашина. М.: РАГС, 2006.
4. Загладин Н.В. Национально-цивилизационная идентичность России: история и современность // Поиск национально-цивилизационной идентичности и концепт «особого пути» в российском массовом сознании в контексте модернизации / Отв. ред. В.В. Лапкин, В.И. Пантин. М.: ИМЭМО РАН, 2004.
5. Кара-Мурза А.А. Кризис идентичности в современной России: возможности преодоления // Реформаторские идеи в социальном развитии России. М.: ИФ РАН, 1998.
6. Киселев С.Г. Межцивилизационное взаимодействие в условиях глобализации // Глобализация: многостороннее измерение / Под общ. ред. В.А. Михайлова, В.С. Буянова. М.: Книга и бизнес, 2004.
7. Мчедлова М.М. Цивилизация // Российская цивилизация. Этнокультурные и духовные аспекты: Энциклопедический словарь. М.: Республика, 2001.
8. Мчедлова М.М. Идентичность общероссийская // Российская цивилизация. Этнокультурные и духовные аспекты: Энциклопедический словарь. М.: Республика, 2001.
9. Паин Э. Проблемы самоидентификации россиян со страной, с регионом, с этнической общностью // Проблемы идентичности: человек и общество на пороге

- третьего тысячелетия. М.: РОО «Содействие сотрудничеству Института им. Дж. Кеннана с учеными в области социальных и гуманитарных наук», 2003.
10. *Пантин В.И.* Представления об «особом пути» России: содержание и социально-политическая значимость // Поиск национально-цивилизационной идентичности и концепт «особого пути» в российском массовом сознании в контексте модернизации / Отв. ред. В.В. Лапкин, В.И. Пантин. М.: ИМЭМО РАН, 2004.
 11. *Семенов И.С.* Культурные факторы и механизмы формирования российской национально-цивилизационной идентичности на рубеже XXI в. // Полис. 2004. № 1.
 12. *Степин В.С.* Проблема будущего цивилизации // Будущее России в зеркале синергетики / Под ред. Г.Г. Малинецкого. М.: КомКнига, 2006.
 13. *Степин В.С.* Типы цивилизационного развития // Диалог культур в глобализирующемся мире: мировоззренческие аспекты / Отв. ред. В.С. Степин, А.А. Гусейнов. М.: Наука, 2005.
 14. *Тойнби А.* Постигание истории. М.: Прогресс, 1990.
 15. *Урсул А.Д., Урсул Т.А.* Глобализация в новой цивилизационной стратегии // Глобализация и перспективы современной цивилизации. М.: КМК, 2005.
 16. *Федотова В.Г.* Хорошее общество. М.: Прогресс-Традиция, 2005.
 17. *Феофанов К.А.* Влияние глобализации на цивилизационное развитие России // Социально-гуманитарные знания. 2006. № 2.
 18. *Хантингтон С.* Столкновение цивилизаций. М.: АСТ, 2003.
 19. *Цымбурский В.А.* Идентичность цивилизационная // Новая философская энциклопедия: В 4 т. М.: Мысль, 2001. Т. 1.

ПРОИЗВОДСТВО ЗАБЛУЖДЕНИЙ: ЖЕНСКИЕ И МУЖСКИЕ ОБРАЗЫ НА СТРАНИЦАХ ПОПУЛЯРНОЙ ПСИХОЛОГИИ

.....

Л. Э. Семёнова¹

Известный немецкий психолог Герман Эббингауз говорил, что психология имеет длинное прошлое и короткую историю. Это утверждение справедливо и для гендерной психологии: пол / гендер всегда вызывал интерес, но предметом научного исследования стал сравнительно недавно. В настоящее время этот интерес находит себе пищу практически в любом популярном журнале, и на витринах и раскладках книжных магазинов особое место занимают массовые издания так называемой популярной психологии. Под маской научных и учебных изданий можно сразу же обнаружить огромное количество книг, которые обещают раскрыть тайны женщин, мужчин и их межличностных отношений. Эти издания, несмотря на некоторые академические или дидактические атрибуты, адресованы не специалистам, а, как гласят аннотации, широкому кругу читателей, далеких от научных психологических знаний, но желающих разобраться в особенностях мужской и женской психологии.

О чем же пишут в этих книгах? Насколько излагаемые в них факты соответствуют научно установленным данным? И относится ли эта литература к числу читаемой нашими современниками?

Посетив книжные лавки и магазины Нижнего Новгорода (всего 15) и побеседовав с их продавцами (27 чел.), мы узнали, что популярную литературу о психологических проблемах мужчин и женщин активно раскупают люди самых разных возрастов (подростки, молодежь, люди, достигшие зрелого возраста, пожилые), как женщины, так и мужчины. Поэтому магазины стремятся снова

¹ Семёнова Лидия Эдуардовна — кандидат психологических наук, доцент кафедры возрастной и педагогической психологии Нижегородского государственного педагогического университета. Электронная почта: psychology@nfmgei.ru.

Статья принята к публикации 27.09.2006 г.

и снова заказывать подобные издания, зная, что они обязательно будут реализованы. При этом некоторые из продавцов признаются в том, что покупают эти книги себе и своим знакомым, называя их полезными и занимательными. К сожалению, иногда аналогичное мнение приходится слышать даже преподавателям факультетов психологии от студентов первых курсов, которые читают такую литературу, полагая, что приобретают в ней полезную информацию.

Так что же все-таки, кроме доступной цены и крикливых заголовков («Как стать идеальным парнем», «Мужчиноведение», «Женская логика», «Настольная книга стервы» и т.п.), может привлекать читателей в такой литературе? Чтобы ответить на интересующие нас вопросы, из всего многообразия продающихся в магазинах книг мы отобрали ряд изданий, принадлежащих перу отечественных авторов и относящихся к числу наиболее покупаемых, тираж которых был не менее 5 000 экземпляров, либо более 3000 в случае повторного издания. Использовались также статьи из популярных журналов, содержащих рубрики «Психология», «Он и она» — «Крестьянка», MINI, GLAMOUR. Полный список источников приведен в конце статьи.

Уже первое знакомство с источниками показало, что эти публикации своими очень конкретными советами и рекомендациями создают у неискушенного в теоретической и практической психологии читателя иллюзию решения многих жизненных проблем. Написанная простым, доступным для большинства людей языком (в ряде случаев ироничным, а иногда и пошлым), такая литература отлично «заточена» под читательский спрос. Отсюда становится понятным, почему с каждым годом количество подобных изданий увеличивается. И чем нагляднее противопоставляются в этих публикациях мужчины и женщины, тем сильнее в сознании читателей закрепляется установка на мнимые гендерные различия и тем выше их потребность находить тому подтверждение, в том числе и через потребление аналогичной литературы. В итоге предложение начинает управлять спросом, а значит, возникает опасность перенесения в реальную жизнь таких же карикатурных, утрированных, нередко доведенных до абсурда образов мужчин и женщин, какие рисуются авторами популярных изданий. Большинство людей обычно видят то, что хотят видеть, либо то, на что специально направляют их внимание.

Вероятно, мало кто из читателей задумывается над тем, что чаще всего современная популярная литература (в том числе и психологическая) является прежде всего способом заработать деньги и не служит благородной цели оказания психологической помощи, на что направлена профессиональная деятельность настоящих психологов. Как иначе можно объяснить, что на страницах данных изданий можно встретить абсолютно противоположные советы, иногда в пределах той же самой книги, иногда в последующих «творениях» тех же авторов. К примеру, вначале читательниц учат быть напористой независимой стервой, а

после призывают превратиться в нежную женственную леди и дают конкретные рецепты для подобных трансформаций. Вот один из этих примеров:

«Ты много поработала для того, чтобы сейчас с гордостью носить звание стервы. Стервозная школа выживания научила тебя умению владеть собой, распределять свои силы и с умом пользоваться имеющимися ресурсами. Но дело в том, что даже самая продвинутая стерва однажды понимает, что сделала все, что могла, и добилась всего. А что же дальше?..

Теперь наша задача — превратиться из гадкого утенка именно в прекрасного лебедя, а не в хищного стервятника. Потому что крючковатый нос и загнутый заостренный маникюр сегодня уже не в моде. К тому же злая стервозность портит цвет лица, нервную систему и здорово отучает быть той, которую хочется боготворить и возносить на пьедестал. И то, что ты однажды с этим самым маникюром вырвала у жизни достаточно жирный кусок, не гарантирует тебе полного счастья.

А ведь именно ради этого женщина живет на Земле. Она достойна восхищения по праву рождения женщиной...

Терпение, отзывчивость, мягкость, гибкость... Вот о том, как нам развить свои лучшие, дарованные нам при рождении природой качества и избавиться от вредных издержек стервозной личины, мы сейчас и поговорим» [3, с. 7–8]².

Любителям такого «волшебного чтения» полезно будет помнить и о том, что подавляющее большинство пишущих его авторов отнюдь не является специалистами в тех вопросах, которые они обсуждают на страницах своих опусов. Как правило, все их заключения и советы основаны не на строго установленных и подтвержденных научных данных, а на личном мнении, собственных впечатлениях и житейском опыте, которые ни в коем случае нельзя считать абсолютно универсальными, подходящими для всех ситуаций и каждого человека. Скорее, напротив, советы могут оказаться ошибочными, даже несмотря на искреннюю веру авторов в их правильность. Вспомним, что даже такой искренний и профессиональный персонаж, как Шерлок Холмс, легко впадал в заблуждение, когда выходил за пределы области профессиональных интересов; например, он был убежден, что Солнце вращается вокруг Земли, поскольку, как он утверждал, сам видел это собственными глазами. Поэтому такая информация способна ввести в заблуждение и дать читателям ложную картину, а следование предложенным, но не проверенным на эффективность советам — привести к нежелательным последствиям.

Важно помнить, что любые утверждения, претендующие на руководство к действию, но не опирающиеся на строго установленные факты и их систематическое осмысление, есть не что иное, как личные взгляды авторов, часто

² Здесь и далее ссылки на анализируемые популярные издания даются курсивом.

искажающие реальность. Механизм их возникновения описан в «небылице» С.В. Михалкова [9, с. 99]:

Провалиться мне на месте —
Не совру! Скажу по чести
От начала до конца
Все, что слышал от отца,
Что отец слышал от деда,
Дед прослышал от соседа,
Ну, а тот затейник был,
Сказку он и сочинил...

Какую же информацию о мужчинах и женщинах предлагают своим читателям популярные психологические издания? Перечислим типичный круг проблем, обсуждаемых на страницах данной литературы.

1. Цели и ценности женщин и мужчин, которые обычно представлены крайне узко и не вариативно. Так, чаще всего звучат упоминания о желании современных женщин и мужчин «получать от жизни максимум удовольствия», их стремлении привлечь внимание противоположного пола со всеми вытекающими отсюда последствиями: от простого «соблазнить и затащить в постель», что чаще приписывается мужчинам, до брака, что в большей степени приписывается женщине. Даже информация о профессиональной карьере преподносится в этом же ракурсе, т.е., по мнению авторов, карьера может и должна служить средством поиска и привлечения «своей половины». Правда, за мужчиной все-таки признается наличие и чисто профессиональных интересов, хотя сообщается об этом вскользь, как бы между делом, как само собой разумеющееся. Что же касается женщины, то ее главной ценностью объявляются не профессиональный рост, не деньги, не благополучие, а «большая, настоящая любовь», поиск того единственного, «который смог бы оценить ее действительно тонкий вкус, умение быть всегда обворожительной». При этом активно проводится мысль: чем больше мужчин окружает женщину, тем больше у нее шансов *«встретить достойного и суметь окружить его своей любовью и заботой»* [3, с. 14]. Следовательно, задача женщины — быть среди мужчин, для чего вполне может подойти и офис фирмы. И еще: поскольку *«главное для женщины – любовь; без нее она, как без воздуха»* [11, с. 61], вся ответственность за наличие / отсутствие любви ложится именно на женщину.

Читая популярные издания, замечаешь, что во многих из них описание цели — привлечения внимания и покорения противоположного пола — делается в воинственных терминах охоты. Охотник и охотница, добыча, дичь, капкан... Как пишет одна из авторов, *«удивляться не приходится. Какие времена*

на дворе, такие и нравы» [1, с. 5]. Эти нравы преподносятся как достойные образцы для подражания, как руководство к действию в решении любой задачи.

Подобный подход к решению проблем озвучивается в заглавиях (например, «Мужские особи: виды и подвиды. Особенности национальной охоты»), в аннотациях, введениях и предисловиях. Вот что, к примеру, можно найти в книге, адресованной женщинам:

«Мужчины, вне зависимости от того, бабники они или донжуаны, толстяки или маменькины сыночки, — охотники по определению. Точнее, охотники до женского пола. Их сверхзадача — „загнать“ и соблазнить как можно больше женщин. ... Повторяю и уточняю: их цель — соблазнить, овладеть, но не жениться. Но женщины играют в жизни не только роли жертвы или дичи. Женщины сами во все времена были великими охотницами. Вот только задачи и цели у охотников женского и мужского пола разные. И главная цель женщины — обольстить, влюбить, захомутать, женить на себе жертву». И далее: «Отправляясь „на охоту“, надо разобраться и в себе, в своем характере. Тогда вам будет понятно, стоит ли вообще брать в руки охотничье ружье и ставить манок. Может, этот мужчина вам совсем не подходит. Так сказать, герой не вашего романа. Так что рассматривайте эту книжку как памятку воина или справочник охотника» [1, с. 5–6].

Аналогичное содержание находим в предисловии другого пособия, адресованного юношам и мужчинам:

«Природой так в человеке заложено, что каждый мужчина — охотник в душе. Среди женщин, правда, тоже встречаются охотницы... Но даже эти азартные создания не понимают простой вещи. Раз охотницы — женщины — значит, мы на них тоже можем поохотиться! Все они — дичь, короче говоря. Ценная и не особо... Да, бывают они, бывают — такие виды, роды и подвиды, чуть ли не целые отряды женщин, на которых охотиться особенно увлекательно, а удачный итог процесса вообще порождает эйфорию от осознания собственных охотничьих способностей...» [6, с. 3].

По всей видимости, именно таким вот довольно оригинальным способом авторы хотят привлечь внимание к своим «шедеврам» и убедить читателей в наличии «особых» отношений между мужчинами и женщинами. И как здесь удержаться от навязчивой мысли о том, что если относиться к людям как к животным, воспринимать их в качестве зверей, то стоит ли ожидать в дальнейшем их волшебного преображения в облик человеческий и не возникнет ли при этом необходимость самим становиться укротителями-дрессировщиками.

2. Проблемы секса, сексуальности и сексуального мастерства красной нитью проходят практически через все издания. Умение принимать нужные позы, владение соответствующими техниками, наличие оргазма описываются

как важные и нередко единственные условия длительных отношений с противоположным полом, в связи с чем они должны стать основной заботой современных женщин и мужчин. Кроме того, некоторые авторы упорно пытаются внушить читательницам мысль, что именно секс является прекрасным средством удержания мужчины, а потому звучат подобные советы:

«Тонко чувствующая женщина согласится порой не на романтическую любовь, включающую все фазы, а на „быстрый“ секс прямо там, где желание овладело ее любимым. В кухне — на кухонном столе, в лифте, в море... Это тоже, если хотите, романтика! Мужчины бывают особенно благодарны за такое понимание. А еще — за оральный секс! И не только потому, что это очень приятно, но и потому, что они чувствуют себя в эти мгновения особенно любимыми и желанными. Ведь пенис — воплощение его мужского начала, его чувства власти, его „Я“» [11, с. 71].

И уж тем более не следует женщине забывать о том, что только та, кто «*может полностью отдаться сексу, в котором способна достигать многократного и длительного оргазма... является предметом мужского вожделения. Именно о такой женщине мечтает каждый мужчина, и он готов положить к ее ногам весь мир без дополнительных усилий с ее стороны*» [2, с. 78].

В отдельных книгах мы даже встречаем описания ситуаций изнасилования женщин, которые представляются не как преступления, а как своего рода издержки женского существования, т.е. само собой разумеющиеся обыденные факты, с которыми нужно мириться и благодаря сексуальной технике пытаться находить какое-то удовольствие [13, с. 160]. Остается непонятным, сколько именно раз нужно пережить женщине такую ситуацию, чтобы в конце концов научиться получать от нее удовольствие. При этом не обсуждается, что во всем цивилизованном мире за подобные действия, будь то в семье или на работе, как минимум статья полагается.

В ряде изданий авторы активно обсуждают различия мужчин и женщин в сфере сексуальности, рассматривая в этом ракурсе проблемы верности / измены. Выступая, как правило, с позиций патриархатных отношений, они излагают читателям версию так называемого двойного стандарта, при котором любая измена мужчины трактуется как вполне естественное следствие его природной полигамности, тогда как на женщину в силу ее биологически обусловленной моногамности возлагается вина не только за свою измену, но и за измену своего партнера: не удержала, не сумела угодить, дала повод и т.п. Иными словами, то, что позволено в сексуальном плане мужчине, не позволено женщине и служит предметом ее осуждения, пополняя тем самым список ее аморальных поступков, нанося удар по ее репутации.

В этих книгах в соответствии с двойным стандартом каждый нормальный мужчина, если с ним действительно все в порядке, объявляется в принципе склонным к сексуальной неверности. «*Половая распушенность мужчин за-*

программирована и является наследием его эволюции» [8, с. 169]. А издержки моногамного брака считаются возможными для него лишь при условии дополнительной полигамной стимуляции, к числу которой относят порнографию, эротические видеофильмы, проституцию, специальные файлы Интернета, показы мод и конкурсы красоты. В соответствии с принципом двойного стандарта все это возводится практически в норму, оправдывая и закрепляя неравные права и обязанности женщин и мужчин в сфере сексуальных отношений.

Однако это неравенство имеет негативные последствия не только для женщин, но и для самих мужчин. Распространенность мнения о сексуальной мощи и активности «нормального мужчины», его постоянной внутренней готовности к соответствующим подвигам закономерно приводит к появлению социальных ожиданий от представителей мужского пола повышенного сексуального интереса, в связи с чем практически каждый мужчина, сохраняющий верность своей подруге, либо не проявляющий подобного интереса, попадает чуть ли не в разряд патологии. Поэтому вполне понятным становится, к примеру, тот ажиотаж, который развернулся в средствах массовой информации вокруг долгожданного сообщения о том, что Дэвид Бэкхэм наконец-то, кажется, тоже изменил своей супруге Виктории, успокоив тем самым обывателей, уже начавших было сомневаться в его мужской нормальности.

3. В качестве отдельной и очень популярной темы можно выделить проблему завоевания (приручения) мужчины — главной фигуры в жизни женщины — для дальнейшего умелого его использования. Как рекомендуют авторы, такое приручение возможно осуществить посредством внешней привлекательности, заботы о мужчине, его умелого сексуального обслуживания. Поэтому во многих книгах мы находим бесконечные советы по правильному уходу за своим телом, выбору подходящей одежды и нужного запаха, искусству макияжа, манере разговаривать и держаться рядом с мужчиной и другим способам соответствия товарному виду — тому «оружию», с помощью которого можно удачно реализовать намеченные цели. Некоторые авторы, чтобы действительно нравиться мужчинам, даже рекомендует женщинам смотреть порнофильмы [13]. При этом читательниц стараются убедить в том, что в плане результативности использования своей привлекательной внешности по сравнению с мужчинами женщины обладают большим преимуществом. *«Если мужчина не отличается ни развитым интеллектом, ни быстротой ума и вообще лишен какой бы то ни было природной сообразительности, он не может обернуть все это в свою пользу, просто надев обтягивающую майку»* [8, с. 208]. Иными словами, отказывая женщине в уме, и не исключено, что вместе с ним и в ряде других добродетелей, ей приписывают возможность извлекать выгоду из своей внешности.

В соответствии с этим закрепленным в культуре стереотипом, именно внешность провозглашается основным пространством усилий женщины в борь-

бе за свой успех. *«Быть в хорошей форме – удел женщины, если она хочет быть любимой»* [8, с. 252]. И для большей убедительности, чтобы полностью развеять возможные сомнения, в качестве аргументов приводят наблюдения из жизни (правда, научно никем не подтвержденные): *«Женщина больше страдает тогда, когда осуждают не ее промахи и ошибки, а внешний вид. Такова уж женская природа, что быть деловой, но не привлекательной для женщины в сто крат хуже, чем быть привлекательной, но не деловой»* [8, с. 253]. Вот и выходит, что *«участие в конкурсе нарядов — это участие в конкурсе жизни»* [8, с. 253].

Конечно, если речь идет о Клаудии Шифер или Синди Кроуфорд, то, возможно, внешняя привлекательность действительно имеет для них первостепенную значимость, поскольку, собственно говоря, она их и кормит. А вот если взять, к примеру, Мари Склодовскую-Кюри (дважды нобелевского лауреата в области физики и химии), Мать Терезу (также лауреата нобелевской премии), губернатора Санкт-Петербурга Валентину Матвиенко или экс-председателя Центрального банка России Татьяну Парамонову, то просто не верится, что для таких и подобных им женщин внешность важнее дела. Интересно, как бы отреагировал на это замечание процитированный нами господин Курбатов? Эти «исключения» уже давно не редкость, хотя, разумеется, вовсе не для них пишутся те книги, в которых женщине в качестве центральной задачи навязывают стремление нравиться и тем самым закрепляют ее зависимость от мужского внимания.

Только в очень редких случаях в массовой литературе можно встретить утверждения, что красота — тяжелый крест, «это целая дорога, череда проблем и нагрузок», осилить которые не так-то просто. Однако подобные высказывания рано или поздно все равно сменяются рассуждениями о том, как все-таки лучше выглядеть и быть более привлекательной, чтобы произвести впечатление.

В качестве еще одного действенного средства удержания мужчины читательницам предлагается тактика сокрытия своего ума, т.е. «искусство» казаться глупее и инфантильнее своего партнера (делового или сексуального), что в условиях современного общества, где в особом почете ум и компетентность, по сути, является стратегией обесценивания женщины:

«В США, например, уже много лет успешно действуют курсы для женщин по обучению умения скрывать от мужчин свои интеллектуальные способности. У женщин, которые успешно закончили такие курсы, вероятность удачного выхода замуж резко повышается» [8, с. 381].

Автор, правда, не поясняет, какое замужество он считает удачным. Однако вывод однозначен: нормальные отношения между мужчиной и женщиной возможны только при условии их интеллектуального неравенства и самопринижения женщиной своих умственных способностей — приема, который предла-

гается именовать мудрым решением, а на самом деле оказывающегося не чем иным, как скрытой техникой поддержания социальной несправедливости.

Среди различных частных аспектов обозначенной проблемы можно также выделить вопрос приспособления и выживания женщин посредством манипуляции мужчинами, умелого использования «рычагов женской власти», к числу которых авторы относят обольщение, притворство, эмоциональное давление и игру на слабостях партнера. При этом, с одной стороны, читателей явно вводят в заблуждение, приписывая женщинам природную склонность к интригам и используя ложные аргументы относительно различий в логике людей разного пола, согласно которым *«мужская логика настроена на то, чтобы адекватно оценивать окружающий мир, а женская... чтобы управлять мужчиной»* [8, с. 251–252], а с другой — ориентируют женщин на приспособление и, следовательно, сохранение существующих порядков, пытаются внушить им мнимые преимущества и выгоды их второстепенного положения, призывая к искусной и эффективной манипуляции — единственному средству их «тайного могущества»:

«...стоит только начать потакать мужским капризам, сделать вид, что во всем согласна и поражаешься его мудрости и дальновидности, как мужчина все готов сложить к твоим ногам. <...> Крутить мужиком нужно незаметно, так чтобы он сам думал, что он хозяин и повелитель» [13, с. 117].

И чтобы женщина действительно сумела воспользоваться своим «тайным могуществом», во многих книгах дается перечень мужских слабостей и проблем, не для оказания необходимой помощи, а для манипуляции:

«Убеди милого в том, что он самый лучший во всем... Ври, если нужно, притворяйся, когда он этого хочет, смейся, когда хочется плакать, и поплачь, когда душа поет от счастья. Ты, настоящая, со всеми своими проблемами, болезнями и комплексами никому не нужна. Поэтому соберись и забудь про то, что хочется, делая то, что нужно. И не нужно лишней эмансипированности и бабского гонора. Наберись терпения» [13, с. 49].

При таком подходе из отношений исчезает искренность, а ее место занимает притворство. Сами манипуляторы в итоге невольно оказываются марионетками, ведь они становятся зависимыми от своей манипуляции и тех правил, по которым она идет. Такая жизнь под маской загоняет в ловушку непонимания себя и партнера, рождает призрачные иллюзии своего могущества, хотя на самом деле отчуждает от самих себя, приводит к потере контроля за своими потребностями, желаниями, интересами и способствует утрате доверия. Не случайно психологи считают манипуляцию аналогом психологического насилия, при котором личность превращается в объект использования, лишенный самости. А потому и вывод напрашивается сам собой: ничего общего с научной и практической психологией подобные советы не имеют.

4. Еще одна проблема, нередко обсуждаемая в популярной литературе, касается профессиональной карьеры современной женщины, но, как и многие другие, она рассматривается крайне узко, если не сказать легкомысленно и примитивно. Так, авторами совершенно игнорируются факты дискриминации женщины в профессиональной сфере, и в большинстве случаев ими создается образ недалекой, некомпетентной работницы, карьерный рост которой ставится в зависимость опять-таки от внешних данных, кокетливого принижения в глазах мужчин своих способностей и даже сексуальной доступности (в частности, нередко встречается утверждение, что многие успешные женщины мирились с сексуальными домогательствами и ради карьеры прошли через многие постели). Как правило, женщин ориентируют не на отстаивание своих профессиональных прав, не на повышение своей профессиональной компетентности, а на умение с достоинством выходить из щекотливых ситуаций взаимоотношений (отнюдь не делового характера) и правильно реагировать на слухи, сплетни и интриги, которые чаще всего они сами же и затевают. При этом отдельные советы кажутся совсем странными и нелепыми. Например: *«Не стоит спорить с боссом о зарплате; как женщина, ты сразу теряешь цену, если не соглашаешься с предлагаемой тебе зарплатой»* [7, с. 145]. Или: *«Научись улыбаться, особенно начальству, и многие твои проблемы сойдут на нет»* [4, с. 76]. Забавно, но получается, что на работе нас ценят не за нашу компетентность, а всего-навсего лишь за половую принадлежность и, если не за красивые глаза, то как минимум за красивую улыбку.

Даже в специально посвященных этой теме изданиях [5] отсутствует информация о реальных барьерах, стоящих на пути женской карьеры. Кроме того, некоторые авторы невольно вводят читательниц в заблуждение, делая слишком радужные и категоричные заявления, подобные следующим: *«Сегодняшний день предоставляет женщине неограниченные возможности реализовать себя – она вольна делать все, что ее душе угодно. <...> Времена, когда женщина была обязана полностью подчиняться мужчине и зависеть от него, остались в прошлом, сегодня она может свободно делать карьеру и полностью обеспечивать себя (и не только)»* [3, с. 81]. Может. Но как? Вот об этом-то (бесспорно, самом важном), за исключением все тех же манипулятивных техник, и не говорится ни слова. К тому же автору, по-видимому, совершенно неизвестно, что во всем мире, включая и Россию, у бедности и нищеты именно женское лицо. А примеры того, что современная женщина «уверенно и успешно завоевывает свои позиции и в мире бизнеса, и в сфере управления, и вообще потихоньку вытесняет мужчину», включая «даже святая святых мужчин — политическую власть», остаются большей частью исключением, за которое ей приходится расплачиваться многими социальными и психологическими проблемами, действуя не столько благодаря, сколько вопреки. И уж тем более не просто легкомысленно, но и поистине кощунственно звучит заключение о том, что современные женщины даже имеют преимущество зарабатывать больше мужчин

«в самых легких и приятных сферах экономики, например, в индустрии моды или порнобизнесе» [8, с. 208].

5. Практически в каждом издании, хотя бы вскользь (словно дань моде), рисуется негативный образ феминизма, который рассматривается как зло и беда современных женщин. Надеясь эпитетами «оголтелый», «воинственный», «бесшабашный», феминизм ставят в один ряд с экстремизмом и радикализмом, а по словам некоторых авторов, и «стервизмом» [3], и объявляется проявлением неуверенности женщин в своих силах, их страха перед жизнью, своеобразной формой защиты, компенсацией за беспомощность, отсутствие ума (вернее, «мудрого» желания / умения его скрывать) и красоты, т.е. способности нравиться мужчинам. А отсюда, как следствие ложного понимания, стремление во что бы то ни стало отмежеваться от феминизма и соответствующие призывы:

«Так давайте же не будем распинаться о том, как притесняют и унижают нас эти грязные животные, о том, что им только одного от нас и надо, о том, что им везде дорога, а нас считают глупыми гусынями. Как правило, такие разговоры ведут женщины, которые не блещут ни красотой, ни умом. Так зачем нам равняться на не лучшие образчики? Если уж объявлять войну, сделаем это тайно, обезоружим мужчину нежностью и послушанием, покорим страстью и кулинарными шедеврами, сразим наповал шармом и женственностью. Ну и зачем нам эта эмансипация?» [13, с. 118].

Конечно, если полагать, что уверенность женщине может дать только владение манипулятивными техниками управления мужчинами, то феминизм, действительно, не имеет с этим ничего общего, как, впрочем, и с тем, что ошибочно приписывает феминисткам даже профессиональный психотерапевт Н.Н. Нарлицын — демонстративный отказ от общения с представителями мужского пола [9]. В массовых изданиях само слово «феминизм» нередко используется как оскорбление. Как говорит британская писательница и журналистка Ребекка Уэст: «Люди называют меня феминисткой всякий раз, когда я выражаю мнение, которое отличает меня от половика для вытирания ног или проститутки».

6. Лейтмотивом «ценных» советов являются абсолютные и неоспариваемые различия между мужчинами и женщинами, которые затрагивают сферу интересов, потребностей, личностных качеств, способностей, поведения и т.п. Авторы прибегают к резкому противопоставлению женщин и мужчин и к объяснению их психологических особенностей и моделей поведения биологически обусловленным эволюционным предназначением каждого пола. Вот как, к примеру, звучит один из типичных таких аргументов:

«Уже давно установлено (кем? когда? — Л.С.), что к моменту рождения базовые программы уже загружены в мозг: мужчины — охотники, женщины — воспитатели. Поэтому наше различие, прежде всего, в том, что мы — не

жертвы надуманных социальных стереотипов, а биологически запрограммированные особи.... шкала ценностей мужчин и женщин отражает структуру их мозга» [8, с. 172, 177];

«...терпение, отзывчивость, мягкость, гибкость... таковы дарованные женщине при рождении природой качества» [3, с. 24]; «...именно мужчина в эволюционном плане является лидером, первопроходцем» [11, с. 47].

Как видно, ни история, ни культура, ни специфика воспитания в расчет не принимаются, тогда как современная наука располагает достаточно убедительными данными, доказывающими факт их влияния на психику людей разного пола.

Правда, иногда наряду с биолого-эволюционной трактовкой кое-где встречаются и упоминания о различных требованиях общества к мужчинам и женщинам, о навязанных стереотипах и социальных нормах, закрепляющих неравное положение женщин и мужчин. Но их происхождение либо не обсуждается, либо считается естественным следствием все той же биологически целесообразной природы полов.

И еще одна не менее любопытная деталь: в ряде изданий можно встретить и мысль о том, что при всей биологической предопределенности женщин и мужчин в женщине природного гораздо больше, чем в мужчине, и никакими обстоятельствами этого не изменить (здесь имеются в виду и черты характера, и мотивы действий, и манеры поведения, и ценностные ориентации, и функции матери и жены). А значит, и развивать можно только то, что заложено природой. На первый взгляд такое заключение выглядит довольно странным. Однако, как показывают научные исследования, подобное восприятие женщины как носительницы природного (но не культурного) начала имеет давнюю традицию (см., например, [5]), в силу которой до сих пор время от времени обсуждаются вопросы сходства и отличий женщины от человека, где под последним понимается исключительно мужчина.

Только в редких случаях авторы популярных изданий пытаются отходить от биологической трактовки психологических особенностей людей разного пола, предпочитая не затрагивать проблему их первопричин и делая акцент на самих рекомендациях по изменению поведения и развитию определенных личностных качеств [5]. Что же касается большинства такой литературы, то любой внимательный читатель может заметить в ней не только путаницу в аргументах, где основательно перемешано биологическое и социальное, но и некоторое противоречие, когда, с одной стороны, характеристики мужчин и женщин объявляются врожденными, а с другой — предлагаются различные советы и рецепты по их модификации.

Вот и получается, что популярные издания рассчитаны исключительно на некритически настроенную аудиторию непосвященных. К сожалению, психо-

логи-профессионалы редко замечают поп-литературу и вступают с ней в дискуссию. Это, увы, и создает благоприятную среду для распространения под вывеской «психологических рекомендаций» всяческих мифов и предрассудков. Обратимся к наиболее распространенным мифам.

Миф 1. Мир женщины и мир мужчины — совершенно различны, но внутри каждого из них люди наделены схожими характеристиками, т.е. все женщины и все мужчины обладают универсальными психологическими особенностями.

На самом деле, как показывают исследования психологов, антропологов, социологов и других специалистов, у мужчин и женщин, имеющих одну культуру, живущих в схожих социальных условиях, очень много общего: их отличия составляют не более 10%, тогда как сходство наблюдается примерно в 90 % случаев. А вот внутри гендерных групп, напротив, преобладает социокультурное и индивидуальное разнообразие [2, с. 85; 10, с. 67].

Иными словами, научные данные позволили установить, что наряду с различиями, на которые обычно принято обращать внимание, существует и немало сходств между людьми разного пола, как правило, игнорируемых в процессе их восприятия. При этом особенно ярко межполовое сходство проявляется при сравнении мужчин и женщин, имеющих одну культуру (например, живущих в Германии), с мужчинами и женщинами, имеющими другую культуру (например, живущими в Пакистане), а также в схожих жизненных ситуациях (например, женщины и мужчины, являющиеся единственными родителями своих детей или выполняющие одни и те же профессиональные обязанности, скажем, охранника или фитодизайнера). Поэтому вполне закономерно был сделан вывод об отсутствии универсальных «женских» и «мужских» социальных или психологических характеристик.

Так почему же тогда в современном обществе принято акцентировать внимание именно на различиях, а не на сходстве мужчин и женщин? Можно предположить несколько причин.

Во все времена и во всех культурах одним из самых распространенных способов классификации людей является их деление на мужчин и женщин. Следствием такого деления стала установка: если пол разный, значит, есть различия, а всякое сходство в лучшем случае отходит на второй план. Поэтому поиск различий, по сути, служит средством объяснения существующего деления людей по признаку пола, а также подтверждением той самой установки, в которую склонны верить.

Как доказали исследования психологов, найти различия гораздо проще, чем обнаружить сходство [13, с. 209]. Таковы особенности внимания и мышления человека. Именно отличия привлекают непроизвольное внимание, позволяя выделить интересующий нас объект. Кроме того, в основе поиска различий

лежат более простые мыслительные процессы, чем при нахождении общего (сходства) [7].

Акцент на различиях между полами может быть связан и с тем, что в реальной жизни многие мужчины и женщины не только внешне выглядят по-разному, но и выполняют разные социальные роли. При таком положении дел выделение различий просто необходимо, поскольку они служат своеобразным объяснением и, как следствие, оправданием существующего общественного порядка, оправданием деления прав и обязанностей женщин и мужчин, их неравных социальных возможностей. При этом акцент на ситуативных различиях может приводить к появлению у людей ошибочного убеждения о действительном наличии различий, которое в свою очередь вызывает соответствующее поведение, подтверждающее данное убеждение. Этот известный в науке эффект социальные психологи называли самоисполняющимся пророчеством, суть которого заключается в том, что, приписывая людям определенные качества и интересы, общество тем самым вынуждает их вести себя таким образом, что эти качества и интересы начинают подтверждаться [2, с. 157, 216–219].

Миф 2. В основе всех различий женщин и мужчин лежат природные биологические факторы, определяющие их эволюционное предназначение. Эти различия являются данностью, изменить которые не представляется ни возможным, ни желательным.

Как показали современные исследования, большинство характеристик людей разного пола на самом деле оказываются приобретенными, т.е. развитыми в процессе жизни в обществе [2, с. 117; 6, с. 14]. Различный подход к воспитанию мальчиков и девочек, разная система требований и разного рода занятия, которым они посвящают свое время и силы, приводят к появлению у них разных и порой даже противоположных качеств, навыков и способностей. Так, девочек с детства обучают вести домашнее хозяйство, а мальчиков обращаться с техникой; им предлагают разные игрушки: одним — кукол, посуду и тряпочки, другим — конструктор и машинки. Предполагается, что таким образом детей готовят к выполнению дальнейших социальных обязанностей. Интерес ребенка к тому, что связывается с другим полом, как правило, не приветствуется.

Отсюда возникает ситуация порочного круга: человек занимается, как считается в обществе, не своим делом, поэтому его успехи не находят поддержки, тогда как неудачи и малейшие промахи вызывают бурную критику. Именно эти промахи и служат подтверждением изначальной (природной) непригодности человека к делам не своего пола. Достаточно вспомнить хотя бы расхожее ироничное мнение о женщине за рулем, отказывающее ей в способности разбираться в автомобилях и быть хорошим водителем. Вот и приходится читать не только в юмористических, но и в специализированных журналах публикации с саркастическими советами, адресованными женщинам за рулем:

«Зеркало заднего вида предназначено для того, чтобы поправлять макияж во время поездки. Садясь в машину, не забудь его направить так, чтобы отражалось твое обворожительное личико, а не какие-нибудь немые отвратительные „Жигули“... Во время поездки по оживленной дороге никогда не крути головой по сторонам: прическа растреплется... Знаки на дороге — загадочные штуки, их не запомнить, сколько ни пытайся. Поэтому гораздо проще ориентироваться по магазинам: вывески видны издали, и они понятны: около магазина духов — налево, около универсама — направо... Осторожно двигайся, внимательно осматривая придорожные здания: в них иногда бывают совершенно неожиданные распродажи массы нужных вещей» [10, с. 7].

Можно найти множество примеров того, что, когда подходы к воспитанию и образованию детей разного пола сводятся к минимуму, различия между ними резко сокращаются. Так, практика совместного обучения девочек и мальчиков / женщин и мужчин в математических школах, технических лицеях и колледжах, на гуманитарных факультетах вузов привела к значительному уменьшению различий между ними в соответствующих навыках и способностях.

В последние годы ученые все чаще стали обращать внимание на то, как в процессе деятельности и общения создаются гендерные различия, ставящие людей разного пола в разные и совершенно неравные позиции. Все, что предписывается женщинам (роли, функции, виды деятельности, психологические качества, интересы и т.п.) ценится в обществе намного меньше, чем то, что предписывается мужчинам. Например, домашний труд, на который ориентируют женщин, в современном обществе менее значим, чем профессиональный, на который ориентируют мужчин (об этом, в частности, красноречиво свидетельствует отсутствие заработной платы за ведение домашнего хозяйства). Да и сами профессии, где заняты преимущественно женщины (секретари, медсестры, воспитатели), воспринимаются как менее серьезные по сравнению с теми, где преобладают мужчины (политики, ученые, военные). Точно так же качества, считающиеся характеристиками «настоящих» мужчин (активность, независимость, рациональность и др.), имеют большую ценность, чем качества, считающиеся характеристиками «настоящих» женщин (пассивность, зависимость, эмоциональность и др.). Вопреки когда-то очень популярному мнению, что кухарка может управлять страной, воспитывая женщину как кухарку, общество отнюдь не намерено предоставлять ей возможность определять внешнюю и внутреннюю политику государства. И точно так же общество упорно игнорирует тот факт, что все черты, называемые «мужскими» и «женскими», на самом деле являются просто человеческими, т. е. могут быть присущи в той или иной пропорции каждому из нас.

Именно к этому заключению в последнее время приходят многие современные специалисты, исследования которых позволяют также говорить о последствиях неравных статусных позиций женщин и мужчин. К числу послед-

них, в частности, ученые относят отдельные психологические качества и поведенческие характеристики, до этого по ошибке принимаемые за дар природы (среди них, к примеру, низкая самооценка, неуверенность, конформность, высокая тревожность, эмоциональность, как правило, традиционно приписываемые женщинам, а по сути — всего-навсего закономерное следствие их принадлежности к низкому социальному статусу) [2, с. 104–105, 114, 123–162; 11, с. 243–258.].

Таким образом, гендерные различия — продукт разных социокультурных норм, статусных позиций и ролей, предписываемых обществом людям разного пола. Иными словами, все психологические особенности женщин и мужчин определяются не столько биологическими факторами, сколько социальными, что, соответственно, делает их вполне доступными изменению. Об этом свидетельствуют зафиксированные американскими учеными факты реального сокращения ряда гендерных различий на протяжении последних десятилетий (см., например [2, с. 116; 4].

Миф 3. В отличие от мужчин женщины обладают более низкими интеллектуальными способностями, ограниченным умом и нерациональным, нелогичным мышлением, а также более низкой по сравнению с мужчинами профессиональной компетентностью.

Трудно найти другой столь же живучий миф. Парадоксально, но даже в эпоху активной и успешной работы женщин на поприще политики, науки, промышленного производства и т.п. в обществе по-прежнему бытуют мнения о невысоком качестве выполняемой женщиной работы, ее умственной и профессиональной «незрелости», абсурдности принимаемых ею решений, полном отсутствии у нее способностей к анализу. И как следствие, сохраняется недоверие к ней как к человеку, на которого можно положиться в серьезных делах. Версии подобных заблуждений в изобилии встречаются и в популярной литературе:

«Так как мозг женщины достигает полного развития к 18 годам, это мозг-скороспелка, который рождает скороспелые выводы» [6, с. 87].

«Женская логика — явление, которое трудно понять, объяснить или с чем-то сравнить. Женская логика непредсказуема, противоречива, парадоксальна, как и сама женщина» [8, с. 3].

«Только мужской пол обладает способностью к рациональному мышлению. Поэтому все самые важные и ответственные решения приходится принимать именно ему» [8, с. 208].

Возможно, что кому-то это покажется довольно странным, но тщательно проведенные научные исследования сумели опровергнуть справедливость глубоко укоренившейся точки зрения относительно ущербности интеллекта и низкой компетентности женщины. В частности, было установлено, что диапазон умственных способностей у мужчин гораздо шире, чем у женщин, а это

значит, что среди мужчин больше не только высокоодаренных, но и умственно отсталых людей. Однако в целом гендерные различия оказались незначительными. Напротив, многочисленные экспериментальные данные позволили признать принципиальное равенство полов в отношении общего интеллекта и различных видов одаренности, включая музыкальные, артистические, математические и даже технические способности. Причем первые подобные выводы были сделаны еще в 1936 г. американским психологом Льюисом Терманом [1, с. 150].

Кроме того, вопреки расхожему мнению, исследователями также были выявлены факты высокой эффективности труда женщин на оплачиваемой работе, их большего усердия, умения грамотно планировать свою деятельность и успешно справляться с заданиями, требующими тщательного анализа, а также убедительно доказана возможность женщин быть компетентными руководителями [2, с. 141–157].

Миф 4. В отличие от женщин мужчины менее эмоциональны и не способны к сопереживанию.

Иными словами, бесполезно пытаться «достучаться» до мужчины, обращаться к его чувствам, стараясь найти у него эмоциональный отклик и поддержку. Это грубое животное, бездушный чурбан, которому совершенно недоступен язык чувств.

Однако результаты специально проведенных исследований свидетельствуют о том, что мужчины и женщины обладают в целом равной эмоциональностью, но вот проявляют они свои чувства с разной степенью интенсивности, что, по заключению Ш. Берн, обусловлено различиями в социальных нормах и ожиданиях, адресованных людям разного пола [2, с. 106]. Так, в соответствии с широко распространенной нормой эмоциональной твердости мужчин их уже с детских лет общество вынуждает скрывать и не выражать внешне свои чувства и эмпатию, хотя в реальности, как убеждают научные данные, многие мужчины совсем не хуже женщин способны определять эмоциональные состояния других и сопереживать им. А та бесчувственность мужчин, с которой приходится сталкиваться, всего лишь маскировка, и отказ от нее возможен только при условии отсутствия страха прослыть немужественным, «ненастоящим». Как справедливо заметил в своей книге «Опасность быть мужчиной: исследование мифа о привилегиях мужчин» Герберт Голденберг, «мужчины, как и женщины, тоже плачут, только у женщин слезы каплют из глаз, а у мужчин прямо из сердца» [8, с. 18–19].

Миф 5. Женщины испытывают потребность в браке и семье гораздо больше, чем мужчины, которые в них абсолютно не нуждаются.

Принято считать, что только брак и семья позволяют женщине реализовать свою истинную сущность, делают ее успешной и к тому же резко сокращают

количество проблем. А вот для мужчины — это тяжелый крест, крест на его свободе, который он не хочет, а потому и не спешит ставить. Ведь мужчина-одиночка — всегда орел и лакомый кусочек для дам, желающих его заарканить.

С раннего детства девочкам настойчиво внушается мысль, что каждой «нормальной женщине» нужно замужество. Без него она как рыба без воды. А потому она непременно должна выйти замуж, родить детей. Причем такое внушение нередко сопровождается запугиванием: будешь неряхой и лентяйкой — никто замуж не возьмет, не будешь хорошо выглядеть и вкусно готовить — муж уйдет к другой... Аналогичные советы мы находим и в массовой литературе, адресованной женщинам. Только к перечисленному списку всех необходимых качеств прибавляется еще сексуальное мастерство, умение «взбодрить» и «разрядить» мужчину хорошим сексом. Что же касается мужчин, то практикуемое воспитание совсем мало ориентирует их на семью и не ставит перед ними как программу минимум задачу во что бы то ни стало жениться. У мужчин иные жизненные приоритеты, а потому и брак, как гласит общественное мнение, для них чуть ли не аналог подвига.

Понятно, что при таком подходе вся ответственность за создание брачного союза и качество отношений в семейной паре ложится исключительно на женщин. Ведь, как стараются убедить многие популярные издания, это именно они, а не мужчины, заинтересованы в браке.

На первый взгляд у представителей мужского пола другие идеалы — карьера, деньги, власть, высокий социальный статус. Однако, чтобы достичь всего этого, нужен «надежный тыл». Поэтому на самом деле, и это подтверждается исследованиями, брак более выгоден мужчине. Женившись, он обеспечивает себе в лице жены уход и заботу, снимает с себя часть проблем по самообслуживанию. Не случайно практика кадрового менеджмента сегодня такова, что одно из требований к претенденту при устройстве на престижную и высокооплачиваемую должность — наличие у него жены. Одинокий мужчина считается ненадежным сотрудником. Невольно приходится согласиться, что супружеская жизнь обеспечивает мужчине возможность успешно покорять общественные вершины и творить большую историю, оставляя в ней заметный след. И именно она же часто лишает такой возможности женщину.

Таким образом, современным женщинам и мужчинам брак дает далеко не равные социальные преимущества. Как отмечает Линда Ли-Поттер, *«мужчины нередко достигают высокого положения благодаря своим женам. Женщины достигают высокого положения только вопреки своим мужьям»* [10, с. 279].

Но дело не только в этом. В результате последних исследований, стали очевидны и некоторые психологические преимущества семейной жизни, причем снова не в пользу женщин. В частности, вопреки расхожему мнению, было обнаружено, что показатели психологического благополучия и общего самочувс-

твия оказываются гораздо выше у женатых мужчин, чем у холостяков, тогда как у женщин — все наоборот [10, с. 144; 3]. Исследования показывают, что семейная жизнь способствует продлению жизни мужчин и вместе с тем укорачивает жизнь женщин [12, с. 146–147].

Возможно, именно поэтому, в отличие от того, о чем пишут массовые издания, все чаще и чаще, беря интервью, исследователи встречаются совсем другую точку зрения современных женщин, подобную следующей:

«Не хочу быть жертвой брака. Хочу состояться не „как принято“, а по-своему, в том числе и в своей профессии. Не хочу вступать в кабалу, жертвовать всем, отказываться от своего Я ради роли хранительницы домашнего очага и потом еще все время быть обязанной за то, что меня „взяли в жены“»³.

Было бы неверно, однако, воспринимать все сказанное как призыв к отказу от брачных уз. Вопрос в другом: как можно изменить это неравное положение женщин и мужчин в семье и за ее пределами? Ответа на этот вопрос массовые популярные издания не содержат. Более того, популярная психологическая литература — это своего рода кривое зеркало, отражающее реальный мир и реальных людей в искаженном и очень примитивном виде. Перед нами авторы, усвоившие культурные стереотипы и предрассудки в отношении лиц разного пола и переносящие все это на бумагу. А для пикантности и остроты — добавка в виде популярного в наше время соуса сексуальности. Вот и выходит, что большинство таких изданий закрепляют в обществе и без того распространенные заблуждения, участвуя тем самым в их социальном воспроизводстве. А нужно совсем иное: непредвзятая оценка происходящего, грамотные рекомендации по организации действительно продуктивных и не дискриминационных отношений женщин и мужчин, обсуждение распределения семейных обязанностей, налаживания конструктивного делового взаимодействия в профессиональной сфере — те реальные пути, которые давали бы возможность женщинам и мужчинам в равной степени развивать свой человеческий потенциал без ущемления прав и достоинства друг друга.

Но пока в отечественной массовой литературе упорно преобладает стереотипный взгляд на людей разного пола, ориентация на оправдание и сохранение существующих несправедливых порядков, поиск их мнимых выгод, слышится навязчивый призыв к женщинам оставаться на вторых невидимых ролях и в качестве компенсации их положения предлагаются рецепты по использованию манипулятивных технологий управления мужчинами с целью перераспределения средств. Как использовать партнеров? *Как их приручить и заставить быть покорными? Как выжить в условиях межполовой «борьбы противоположностей»?* Вот о чем повествуют эти книги.

³ Из высказываний одной из респонденток студенческого исследования, проведенного в Нижнем Новгороде в 2003 г.

В то же время в них совершенно не освещены многие значимые психологические проблемы межличностных отношений в паре, в частности, проблема самораскрытия мужчин и женщин, без решения которой просто невозможно взаимное понимание и выстраивание доверительных взаимоотношений. Соответственно отсутствуют и подобные психологические рекомендации. Вместо этого поддерживаются те социальные нормы, которые накладывают вето на самораскрытие мужчин, расценивающееся как проявление их слабости и чреватое опасениями того, что открытие интимной информации приведет к отвержению, использованию, высмеиванию и т.п., к чему собственно и призывают своих читателей авторы так называемой популярной психологии. Оно и понятно, поскольку откуда же им знать, что профессиональные психологи исходят совсем из другого убеждения, согласно которому, если один из партнеров не хочет или не может открыться, для другого тоже пропадает в этом смысл и, следовательно, их отношения заходят в тупик и в дальнейшем уже не развиваются.

Поэтому не приходится удивляться, что в целом, судя по большинству популярных изданий, в переводе на интернет-язык, проблема межполовых отношений, как правило, сводится к следующему:

«Я инсталлировался в тебя по уши. Ты переформатировала все мои мозги. В моей оперативной памяти еще не было ничего подобного. Моя винда глючит. Когда я вижу тебя, у меня повышается тактовая частота и винт увеличивается в объеме. Давай создадим с тобой директорию. Но сначала – романтический ужин при зажженных экранах. Можешь сама вызвать меню. Лично я предпочитаю CD-ROM, но обещаю не перезагружаться. А потом мы отправимся на твой сайт. Или на мой. Мы откроем друг другу свои файлы. Я войду и выйду, войду и выйду. Без всяких зависаний. Вот увидишь, тебе понравится мой драйвер. И не беспокойся за свою материнскую плату, у меня есть антивирусы. Главное — не забывай вовремя сохраняться... Тогда у нас с тобой будет полный и взаимный апгрейд» [6, с. 57].

Однако справедливости ради необходимо отметить, что в некоторых книгах и статьях время от времени все-таки попадаются отдельные «рациональные зерна», которые, правда, как оазис в пустыне, теряются за грудой шелухи и бесконечного песка. Так, в книге Е. Кабановой и И. Ципоркиной «Стерва делает карьеру. 10 заповедей успеха» [5] мы встречаемся с попыткой авторов отойти от традиционного подхода трактовки женщины как биологического существа, изначально запрограммированного на выполнение своей эволюционной задачи, потенциал которого узко ограничен поиском и укрощением мужчины. И в результате мы находим действительно полезную информацию о трудоустройстве, тех ловушках, которые подстерегают женщину (как, впрочем, и мужчину) при заключении договоров с различными организациями, о приемах защиты

от морального прессинга и используемой руководством манипуляции с должностными обязанностями и предоставляемыми сотрудникам сведениями.

Также в ряде изданий звучат предостережения о возможных негативных последствиях для женщин жизни с богатыми мужчинами, раскрываются причины некоторых мужских проблем и изредка даются убедительные ответы на вопрос «Легко ли быть мужчиной?». Например, в уже неоднократно цитируемой книге В.И. Курбатова можно найти обоснованное и подтвержденное научной психологией объяснение зависимости мужской самооценки от реальных достижений, а у М. Рипинской узнать о трудностях самоутверждения мужчин и о наличии связи их низкой продолжительности жизни с ориентацией на олимпийскую формулу «Быстрее, выше, сильнее!».

Правда, это лишь отдельные кусочки, из которых нелегко собрать единую картину. На этом фоне приятным исключением, поистине ценной находкой среди калейдоскопа массовых изданий можно считать статью психолога Н. Семенович и книгу психотерапевта Н.Н. Нарицына, где нет «фантазии на тему гендера», а есть корректное и непредвзятое изложение вопросов сходства и различий женщин и мужчин, их жизненных проблем, разоблачающее предрассудки и укоренившиеся заблуждения [12; 9].

И хочется надеяться, что уже в ближайшем будущем такие публикации из отдельных капель превратятся в море и наконец-то вытеснят с прилавков магазинов пособия по укрощению и выживанию в условиях «межполовой борьбы». И изменить сложившуюся ситуацию, на наш взгляд, может только появление думающих читателей, отказывающихся потреблять литературную продукцию, созданную по закону всеобщего тяготения к стереотипам.

В основу анализа положены следующие источники популярной литературы:

1) *Баратова Н.* Мужские особи: виды и подвиды. Особенности национальной охоты. СПб.: Питер, 2004. 192 с. Тираж 8 000 экз.

2) *Ветлицкая А.* Стерва как она есть, или Стервой может стать каждая. СПб.: ИК «Невский проспект», 2004. 136 с. (Сер. «Будет по-моему!»). Тираж 7 000 экз.

3) *Ветлицкая А.* Стерва смотрит в будущее. От стервы – к Настоящей Женщине. СПб.: ИК «Невский проспект», 2004. 128 с. (Сер. «Будет по-моему!»). Тираж 7 000 экз.

4) *Виноградова И.* Неприятность эту мы переживем // MINI. 2005. Ноябрь.

5) *Кабанова Е., Ципоркина И.* Стерва делает карьеру. Десять заповедей успеха. СПб.: Питер, 2004. 128 с. (Сер. «Стерва»). Тираж 10 000 экз.

6) Как стать идеальным парнем: 25 стереотипных представлений девушек о настоящих мужчинах и что делать, чтобы казаться таким мужчиной / Авт.-сост. Л. Смирнова. М.: АСТ; Минск: Харвест, 2005. 96 с. Тираж 5 100 экз.

- 7) *Кронна С.* Настольная книга стервы. Ростов н/Д: Феникс, 2004. 320 с. (Сер. «Только для женщин»). Тираж 10 000 экз.
- 8) *Курбатов В.И.* Женская логика. Чего хочет женщина, того хочет бог. Ростов н/Д: Феникс, 2004. 608 с. (Сер. «Книга-сенсация»). Тираж 5 000 экз.
- 9) *Нарицын Н.Н.* Доверительный разговор. Психология счастья. М.: АСТ-ПРЕСС. 1998. 448 с. (Сер. «Практическая психология»). Тираж 25 000 экз.
- 10) Для истинных леди // ПроАвто: Автомобильный дайджест. Нижний Новгород, 2005. Февраль – март.
- 11) *Рипинская М.И.* Голая правда о мужчинах. СПб.: Питер. 2002. 192 с. (Сер. «Женский клуб»). Тираж 15 000 экз.
- 12) *Семенова Н.* Рожденная свободной // Крестьянка. 2004. № 9.
- 13) *Шацкая Е.* Мужчиноведение: курс начинающей стервы. Ростов н/Д: Феникс, 2004. 160 с. (Сер. «Только для женщин»). Тираж 5 000 экз.

Библиографический список

1. *Бем С.* Линзы гендера: Трансформация взглядов на проблему неравенства полов. М.: РОССПЭН, 2004.
2. *Берн Ш.* Гендерная психология. СПб.: прайм-ЕВРОЗНАК, 2001.
3. *Бойко О.В.* Гендерные аспекты психического здоровья // Вопросы психологии. 2005. № 1.
4. *Виноградова Т.В., Семенов В.В.* Сравнительное исследование познавательных процессов у мужчин и женщин: роль биологических и социальных факторов // Вопросы психологии. 1993. № 2.
5. *Воронина О.А.* Теоретико-методологические основы гендерных исследований // Теория и методология гендерных исследований: Курс лекций / Под общ. ред. О.А. Ворониной. М.: МЦГИ; МВШСЭН; МФФ, 2001.
6. *Воронина О.А.* Феминизм и гендерное равенство. М.: Едиториал УРСС, 2004.
7. *Выготский Л.С.* Мышление и речь // Собр. соч.: В 6 т. М.: Педагогика, 1982. Т. 2.
8. Гендерный подход в дошкольной педагогике: теория и практика / Под ред. А.В. Штылевой. Мурманск: ОУКРЦДО и РЖ, 2001.
9. *Михалков С.* О купце, о мужике и о мужицком пятаке // Басни. Рассказы. Сказки. М.: Орсс, 2003.
10. *Палуди М.* Психология женщины. СПб.: прайм-ЕВРОЗНАК, 2003.
11. *Радина Н.К.* Изучение гендерной идентичности методом фокус-группы // Практикум по гендерной психологии / Под ред. И.С. Клециной. СПб.: Питер, 2003.
12. Социальная политика и социальная работа: гендерные аспекты / Под ред. Е.Р. Ярской-Смирновой. М.: РОССПЭН, 2004.
13. *Стефаненко Т.Г.* Этнопсихология. М.: Академический проект, 1999.

ЛИЧНОСТНЫЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ ОТНОШЕНИЯ МАТЕРИ К ДЕТАМ

.....

Т.К. Хозяинова¹

Изучение отношения родителей к детям важно прежде всего в связи с влиянием, оказываемым на становление личности ребенка. Поэтому рассмотрение особенностей этих отношений стали самостоятельным предметом изучения психологов [1; 3; 6]. Среди разнообразных аспектов исследования детско-родительских отношений преобладающая роль отводится изучению стиля отношения родителей к детям и влиянию отношений на формирование различных качеств личности ребенка. Вместе с тем детерминанты формирования отношения родителей к детям редко становятся предметом изучения, а именно они дают возможность понять и разобраться, почему складывается адекватный или неадекватный стиль отношений с ребенком, который в свою очередь во многом определяет процесс становления личности ребенка.

Отношения родителей к детям имеют гендерный аспект, определяемый различиями во взаимоотношениях матери и отца с ребенком. Многие исследователи признают особую роль матери, которая связана с репродуктивной функцией организма женщины и той тесной стабильной связью, которая устанавливается у матери с ребенком [5; 9].

В нашем исследовании была поставлена цель изучить особенности личности матери. Личностная детерминация отношения матери к ребенку рассматривалась нами с позиций гуманистической психологии, центральным понятием которой является самоактуализация личности. Этот подход позволяет выделить те особенности детерминации, которые связаны с потенциалом личности матери и ребенка. При изучении самоактуализации личности матери мы исходили из представлений о пространствах бытия личности, рассматриваемых в исследованиях З.И. Рязикиной [7; 8].

¹ Хозяинова Татьяна Константиновна — канд. психол. наук, преподаватель кафедры психологии личности и общей психологии Кубанского государственного университета.

Статья принята к публикации 27.09.2006 г.

Понятие бытия личности включает четыре пространства. Объективное бытие личности включает три пространства явлений – поведение, реалии среды и индивидуальные характеристики. В психологическом пространстве они воссоздаются как взаимосвязанные подпространства: «планы и структура поведения», «образ мира», «мотивационно-потребностная сфера», составляя бытийный слой внутреннего мира личности. Смысловое пространство личности также имеет трехкомпонентную структуру, включающую конативный, когнитивный и аффективный компоненты.

Понятие самоактуализации в контексте бытия личности, можно определить как преобразование бытия личности вследствие экспансии личностных смыслов на внешнюю реальность. Личность, самоактуализируясь, т. е. реализуя личностные смыслы в объективное бытие, преобразует себя, свои субъективные и объективные пространства личностного бытия. Зарождаясь внутри личностных смыслов, новые образования личности определяют ее бытие. Таким образом, бытие личности преобразуется вследствие самореализации личности, экспансии личностных смыслов на внешнюю реальность. Поэтому самоактуализация является сущностным фактором, который, преобразуя бытие личности, определяет его аутентичность.

Анализ пространств бытия личности матери позволяет говорить об особенностях ее объективного и субъективного бытия, включающих ее отношение к детям. Пространство индивидуальных характеристик связано прежде всего с материнским инстинктом, проявляющимся в пространствах субъективного бытия как мотивы материнства, депривация которых приводит к отсутствию в смысловом поле представленности ребенка как ценности, что и определяет ее отношение к ребенку. Пространство социально-средовых характеристик связано с понятием роли матери, задаваемой в соответствии с культурными образцами и опытом в прародительской семье представлений о функциях матери в отношении к ребенку. Эти модели роли матери могут выступать как известные и как личностно-значимые, связанные со смысловым пространством. Деятельностное пространство личности матери характеризуется особенностями общения с ребенком, в которых выделяются оптимальные, положительно влияющие на развитие ребенка, и нарушенные, приводящие к проблемам в формировании его личности.

Самоактуализация матери в отношении к детям будет представлять преобразование (как оформление родительского отношения) пространств бытия ее личности, заключающееся в формировании мотивации родительства (эмоциональный компонент), представлений о ребенке и способах его воспитания (когнитивный компонент) и стиля взаимодействия с ним (конативный) под влиянием смыслового содержания собственно личностного пространства. Таким содержанием будут выступать особенности личности матери, характерные для самоактуализирующейся личности, на которые указывал А. Маслоу

(автономность, компетентность во времени, самопринятие, творчество и др.). Аутентичность бытия личности матери связана с реализацией в отношении к детям ценностей и смыслов самоактуализирующейся личности. Именно смысловое пространство самоактуализирующейся личности, проявляясь как гармония знания, переживания и действия в отношении к ребенку, организует пространство личностного бытия матери и через организацию объективного бытия личности ребенка производит преобразования его смыслового пространства. Таким образом, самоактуализация личности матери есть тот фактор, которому подчинены другие пространства ее бытия, а сформированность ее Self, связанная с личностной зрелостью, отражает ее отношение к детям и через организацию бытия ребенка влияет на становление его личности. Бытие матери с выраженной самоактуализацией организуется как аутентичное, включающее позитивные характеристики отношения к ребенку, направленные на поддержку становления его личности.

Эмпирические данные исследования подтвердили предположения о связи самоактуализации личности матери с ее отношением к детям и качествами личности ребенка. Основными методами эмпирического исследования были Самоактуализационный тест (САТ) Э. Шострома [2], методика изучения отношения родителей к детям И.М. Марковской (ВРР) [4], разработанная в ходе исследования анкета по оценке качеств личности ребенка. Для выявления статистических закономерностей использовались: анализ средних значений, достоверности различий оценок t-критерий Стьюдента, корреляционный анализ (с использованием коэффициента корреляции Пирсона), регрессионный анализ. Респонденты исследования — матери детей младшего школьного и подросткового возраста.

По результатам исследования были сделаны следующие выводы.

Самоактуализация матери является существенным фактором ее отношения к детям, а отношения матери к ребенку является областью ее самоактуализации. Об этом свидетельствуют выявленные особенности связей параметров самоактуализации личности матери с характеристиками отношения к детям: большая часть параметров самоактуализации (86% от всего количества шкал САТ) матери связана с характеристиками ее отношения к детям и практически все характеристики отношения к детям связаны с различными параметрами самоактуализации матери.

Связь параметров самоактуализации с характеристиками отношения матери к детям имеет разную интенсивность. В большей степени обуславливают характер ее отношения к детям следующие параметры самоактуализации: самоуважение, принятие ценностей самоактуализации, развитость познавательных потребностей, выраженность креативности.

Каждая из характеристик отношения матери к детям связана с определенными параметрами самоактуализации: требовательность матери — с ее

независимостью в поступках и суждениях, наличием ценностей самоактуализации, самоуважением, самопринятием, контактностью и креативностью; уровень контроля по отношению к ребенку со стороны матери — с ее независимостью в поступках и суждениях, гибкостью поведения, принятием ее себя, принятием агрессии, контактностью, с наличием познавательных потребностей и креативностью; эмоциональная сторона отношения (принятие ребенка, эмоциональная близость, удовлетворенность отношениями с ребенком) матери к ребенку — практически со всеми параметрами самоактуализации.

Изменение выраженности параметров самоактуализации матерей приводит к изменению характера отношения к детям. Чем больше потенциал самоактуализации личности матери, тем более позитивно ее отношение к детям: матери более требовательны и последовательны в отношении к детям, в то же время они предоставляют ребенку больше самостоятельности, автономии, возрастает позитивный аспект эмоционального отношения к ребенку. С понижением показателей самоактуализации матери становятся менее требовательны и последовательны, при этом более жестко контролируют ребенка, что влечет за собой ухудшение эмоциональных отношений (чаще проявляется отвергающее поведение, эмоциональная дистанция увеличивается, удовлетворенность отношениями снижается).

Самоактуализирующиеся матери более гибко изменяют свои отношения с ребенком с учетом задач становления личности младших школьников и подростков. В большей степени самоактуализация матерей обуславливает характеристики отношения к детям, которые являются важным элементом социальной ситуации развития: для младших школьников это требовательность матери, а для подростков — особенности контроля с ее стороны.

Среди других факторов, обуславливающих отношение матери к ребенку, самоактуализация личности матери имеет определенную долю влияния на характеристики ее отношения к детям, которая колеблется от 20 до 43% в зависимости от характеристики отношения к детям и возраста ребенка. В группе матерей младших школьников самоактуализация наибольшее влияние оказывает на принятие ребенка матерью и сотрудничество с ним, а в группе матерей подростков — на принятие его матерью и авторитетность матери для него.

Потенциал самоактуализирующейся матери направлен на поддержку самоактуализации ребенка. Об этом свидетельствуют данные о связи качеств личности ребенка, характеризующих его самоопределение, с параметрами самоактуализации личности матери. Качества личности ребенка обусловлены параметрами самоактуализации непосредственно (это инициативность, активность, доминантность) и опосредованно через характеристики отношения к детям (самостоятельность, успешность и состояние эмоционального комфорта).

Таким образом, в ходе теоретического анализа были выявлены личностные детерминанты, определяющие отношение матери к детям, среди которых самоактуализация личности матери была выделена как существенная характеристика. Данные эмпирического исследования свидетельствуют о том, что самоактуализация личности матери является детерминантой ее отношения к детям, которое направлено на поддержку становления личности ребенка. Актуальность прикладного аспекта полученных в исследовании результатов состоит в том, что в практике коррекционно-консультативной работы обосновывается подход, который предполагает смену акцентов в решении проблем детско-родительских отношений с учетом особенностей самоактуализации личности матери.

Библиографический список

1. Возрастно-психологический подход в консультировании детей и подростков. М.: Академия, 2002.
2. Гозман Л.Я. Самоактуализационный тест. М.: Роспедагентство, 1995.
3. Карabanова О.А. Психология семейных отношений. Самара: СИОКПП, 2001.
4. Марковская И.М. Тренинг взаимодействия родителей с детьми. СПб.: Речь, 2002.
5. Мид М. Культура и мир детства. М.: Наука, 1988.
6. Психология семейных отношений с основами семейного консультирования / Под ред. Е.Г. Силяевой. М.: Академия, 2002.
7. Рябикина З.И. Личность. Личностное развитие. Профессиональный рост. Краснодар: Кубанский госуниверситет, 1995.
8. Рябикина З.И. Личность как субъект формирования бытийных пространств // Субъект, личность и психология человеческого бытия / Под ред. В.В. Знакова, З.И. Рябикиной. М.: ИП РАН, 2005.
9. Филиппова Г.Г. Психология материнства. М.: Изд-во Института психотерапии, 2002.

**УИЛЬЯМ Л. ПИТИРИМ СОРОКИН:
СОЦИАЛЬНАЯ СТРАТИФИКАЦИЯ
И СОЦИАЛЬНАЯ МОБИЛЬНОСТЬ**

.....

В.Ф. Чеснокова¹

Книга Питирима Александровича Сорокина «Социальная мобильность» [1], впервые опубликованная в 1927 г., до сих пор пользуется благосклонностью у всех социологов: и теоретиков, и эмпириков. В ней изложено то, что позднее Роберт Мертон назвал теорией среднего уровня.

В этой книге основательную разработку и уточнение получает многозначное, как указывал П.А. Сорокин, понятие класса. Одни авторы делили людей на «богатых» и «бедных», другие — на «власть имущих» и «угнетенных», третьи фокусировались на профессиональной стратификации, а такие авторы, как А. Смит, К. Маркс и К. Каутский, оперировали совокупностью характеристик класса. В результате определения получались либо слишком бедные, либо слишком расплывчатыми. П.А. Сорокин предложил при исследовании стратификации учитывать каждую характеристику отдельно: тогда выявляется определенная структура, которую затем можно «собрать» и интерпретировать в терминах класса, либо вообще этим термином не пользоваться.

Определить положение индивида в социальном пространстве можно только по отношению его к другим людям и социальным объектам (а также по обратному отношению — других людей и социальных объектов к индивиду). К социальным явлениям относятся здесь более всего социальные группы, которые в свою очередь связаны друг с другом определенным образом (имеют отношения друг с другом) внутри населения (популяции) определенной стра-

¹ Чеснокова Валентина Федоровна — старший специалист Фонда «Общественное мнение».

Публикуемый с разрешения автора текст представляет собой фрагмент посвященной П.А. Сорокину главы (лекции) из готовящейся к печати книги: Чеснокова В.Ф. Язык социологии: Курс лекций для факультета церковной журналистики.

Статья принята к публикации 14.02.2007 г.

ны. Популяции, связанные между собой определенным образом, включаются в народонаселение земли.

В социальном пространстве выделяются два основных измерения: горизонтальное и вертикальное. Горизонтальное измерение фиксирует вхождение индивида в определенную группу, например, католиков, демократов, итальянцев, немцев или русских, рабочих, врачей или художников. Простое отнесение индивида к группе, конечно, ничего не говорит о его положении внутри группы: занимает он рядовые или руководящие позиции, пользуется уважением или выслушивает порицания, какой он имеет доход по сравнению с другими членами этой группы и т.д. Если говорить о совокупном социальном статусе человека, то надо учесть и положение его группы в вертикальном измерении относительно других групп. Например, положение группы врачей и группы рабочих различно в социальной иерархии общества.

И здесь возникает вопрос о расстоянии между людьми по вертикали внутри одной и той же группы (и расстояниями между группами в пространстве общества), о *профиле социальной стратификации* в данной группе на данный момент и о его колебаниях во времени. При этом Сорокин предостерегает от оценочного подхода к неравенству выше/ниже. Не следует выплескивать слишком много моральных чувств по поводу того, что тем, кто «наверху», — лучше, а тем, кто «внизу», — хуже. Не следует думать, что все вертикальные различия между людьми нужно немедленно устранить и навести всеобщее равенство. Социальные факты — очень упрямая вещь. Можно записать большими буквами в Конституции, Декларации прав и прочих основополагающих документах, что все люди такой-то страны равны. Но это совершенно никак не повлияет на их реальное положение в социальном пространстве.

«Социальная стратификация означает дифференциацию некой данной совокупности людей на иерархически соподчиненные классы. Она проявляется в наличии высших и низших слоев. Ее основа и сама сущность состоит в неравномерном распределении прав и привилегий, обязанностей и ответственности, социальных благ и лишений, социальной власти и влияния среди членов того или иного сообщества» [1, с. 9]. Сорокин выделяет три основания стратификации: экономическое (по состоятельности), политическое (по наличию власти, влияния) и профессиональное (по положению человека внутри своей профессии, а также по положению его профессии в обществе).

Важное утверждение автора гласит: «Любая организованная социальная группа всегда является социально стратифицированной совокупностью» [1, с. 11]. Нужно сказать, что для западного общества, особенно для общества США, понятие равенства имеет огромную социальную ценность. Оно относится к основополагающим осям, на которых держится западная культура. Можно спорить о том, была ли заложена ценность равенства в западную культуру изначально, или она оформилась в таком высоком ранге только в период

утверждения протестантизма и относится к той самой «личности», которую нам всегда ставили в пример российские интеллигенты (и которая, безусловно, была создана протестантской этикой). Поэтому с точки зрения простого человека (и «простого ученого»), неравенство — это болезнь общества, требующая лечения. В некоторых вариантах эволюционной теории также предполагается, что в том светлом и разумном обществе (в прекрасном будущем), к которому мы все движемся, неравенство будет окончательно устранено, постольку оно несправедливо и неразумно. История знает множество коллизий, произошедших из-за того, что влиятельные силы никак не хотели признать, что стратификация — это механизм, работающий в обществе и осуществляющий какие-то функции. П.А. Сорокин, предупреждая сопротивление, с самого начала четко заявляет свою позицию: все общества, в том числе устремленные к социализму и коммунизму, непременно создают стратификацию, независимо от своих идеологических лозунгов и убеждений.

Далее он разрушает еще одну иллюзию: будто человечество движется от сильного *экономического неравенства* к обществу экономически равных граждан, в котором постепенно уменьшается расстояние между «верхом» и «низом». Опираясь на факты (а фактов он всегда имел в своем распоряжении огромное количество), П.А. Сорокин показывает, что никакого одностороннего движения в процессе истории нет. За исключением отдельных периодов социальных катаклизмов и разрушения социальной структуры, стратификация сохраняется — меняются формы, но профиль не меняется. В богатых странах люди (слава Богу) не умирают с голоду, но различие в экономическом положении между бедным и каким-нибудь президентом крупной нефтяной компании стало несколько не меньше, скорее больше того, которое было в те времена, когда и в этих странах люди умирали от голода. Привлекая данные о разных периодах истории и разных странах, включая Индию, Китай, Египет, П.А. Сорокин приходит к выводу, что профиль стратификации (в данном случае экономической) обнаруживает *ненаправленные флуктуации*, т. е. временные небольшие повышения и понижения, бессистемные качания вокруг каких-то устойчивых точек. Цифровой проверки не выдерживают ни гипотеза В. Парето (о том, что стратификация во все времена и во всех странах остается принципиально неизменной), ни гипотеза К. Маркса (о том, что происходит обнищание масс, а следовательно, усиливается экономическая дифференциация), ни гипотезы современных П.А. Сорокину (а отчасти и нам) ученых, разделяющих мнение об уплощении стратификации и нарастании равенства.

Действительно, на ранних этапах первобытного общества экономическая дифференциация была незначительной, с развитием она увеличивалась, но, «достигнув своей кульминационной точки, она начинала видоизменяться и иногда разрушалась» [1, с. 53]. Можно отметить только определенную корреляцию между интенсификацией развития экономики и увеличением уровня

стратификации по этому показателю. Общий же вывод из анализа этого элемента стратификации таков: «в нормальных условиях, при отсутствии каких-либо социальных потрясений, в обществе, которое... является сложным по своей структуре и знакомо с институтом частной собственности, колебания высоты и профиля экономической стратификации имеют ограничения» [1, с. 49]. «Однако в чрезвычайных условиях эти ограничения могут быть преодолены, и профиль экономической стратификации может стать либо необычайно плоским, либо необычайно крутым. В обоих случаях, тем не менее, подобная ситуация очень кратковременна. Если “экономически плоское общество” не погибает, “уплощенность” очень скоро сменяется возрастанием экономической стратификации. Если экономическое неравенство становится слишком значительным и достигает точки чрезмерного напряжения, верхушка общества обречена на свержение и уничтожение» [1, с. 56].

В XVIII–XX вв. господствует представление в том, что политическое неравенство уменьшается вместе с экономическим, однако с *политической стратификацией* работать социологу сложнее, чем с экономической, поскольку политическое неравенство труднее измерить. «Основной лозунг нашего времени: “Люди рождаются и остаются свободными и равными в правах” (французская Декларация прав человека и гражданина 1791 г.). Или: “Мы считаем самоочевидными истинами: все люди созданы равными и наделены Творцом определенными неотъемлемыми правами, к числу которых относится право на жизнь, на свободу и на стремление к счастью” (американская Декларация независимости 1776 г.)» [1, с. 63]. Действительно, волна демократизации, как выражается Сорокин, распространяется по всем континентам. Равенство фактически устанавливается до введения закона о равенстве, распространяется все дальше «и стремится положить конец всем расовым, национальным и профессиональным различиям, всем экономическим и каким бы то ни было другим привилегиям» [1, с. 63].

Но одно дело декларации и юридические права, а другое — реальная жизнь. На производстве не рабочий распоряжается мастером, а мастер рабочим. Директор корпорации может уволить клерка, а клерк не может уволить директора корпорации. Ссылаясь на ряд авторитетных социологов, П.А. Сорокин утверждает, что даже при действенной защите избирательных прав декларациями и законами лишь очень небольшой процент людей живо и постоянно интересуются политикой. Этот процент, по-видимому, таковым и останется в будущем, а потому, цитирует П.А. Сорокин Дж. Брайса [2], «управление делами неизбежно переходит в руки небольшого количества людей», и «свободное правительство не может быть ничем иным, кроме как олигархией внутри демократии» [1, с. 71].

П.А. Сорокин приходит к выводу, что политическая дифференциация положительно связана с двумя основными факторами: с размером политической

организации и разнородностью входящих в нее членов [1, с. 76]. Общий вывод таков: «Не существует постоянной тенденции перехода от монархии к республике, от автократии к демократии, от правления меньшинства к правлению большинства, от отсутствия правительственного вмешательства ко всеобщему государственному контролю, как не существует и тенденции, действующей в обратном направлении... Профиль политической стратификации более гибок и варьируется в более широких пределах, а также меняется гораздо чаще и более внезапно, чем профиль стратификации экономической... Когда качание профиля в каком-либо из направлений становится слишком сильным, противоположные силы разными способами увеличивают свою мощность и вызывают возвращение профиля стратификации к точке его равновесия» [1, с. 86].

В *профессиональной стратификации* П.А. Сорокин выделяет два показателя, которые «по-видимому, всегда были основополагающими: 1) значимость той или иной профессии с точки зрения выживания и сохранения группы как некой целостности; 2) уровень интеллекта, необходимый для успешного выполнения профессиональных обязанностей. Социально значимые профессии — это те профессии, которые связаны с функциями организации группы и контроля над ней» [1, с. 89].

Место в профессиональной стратификации определяется характером подчинения низших подгрупп (мелкие служащие, наемные работники, так называемое техобслуживание) высшей группе, зависимостью нижних слоев от высших и, наконец, разницей в оплате нижних и высших должностей в данной профессии. Профиль профессиональной стратификации определяет еще «этажность», т.е. количество рангов в иерархии. В конечном счете П.А. Сорокин приходит к выводу, аналогичному тому, который был сделан относительно экономической и политической стратификации: профили профессиональной стратификации колеблются, не обнаруживая никакой отчетливо наблюдаемой направленности. Те же ненаправленные флуктуации.

Движение внутри пространства социальной стратификации было названо социальной мобильностью. Простейшее определение *социальной мобильности*, по Сорокину, звучит так: «Под социальной мобильностью понимается любое перемещение индивидуального или социального объекта или ценности — всего, что создано или модифицировано человеческой деятельностью, — из одного положения в другое» [1, с. 119]. К социальным объектам могут относиться и предметы, и идеи, но наиболее важны социальные группы, которые также движутся в этом пространстве.

Мобильность бывает горизонтальная и вертикальная. Под горизонтальной мобильностью понимается движение внутри одного и того же социального слоя: например, переход рабочего с одного предприятия на другое (находящееся примерно в таких же условиях и в таком же ранге, как и то, которое он покинул) не изменяет его статуса. Под вертикальной же мобильностью под-

разумеается переход индивида (или другого социального объекта) из одного социального пласта (или, как принято теперь называть, страты) в другой. При этом у претерпевшего мобильность объекта качественно меняется положение в обществе и отношения с другими людьми и социальными объектами.

Социальная мобильность в обществе измеряется у Сорокина интенсивностью и охватом. Под интенсивностью понимается число социальных страт, пройденных индивидом в движении вверх и вниз, а под охватом — число лиц, осуществляющих такие перемещения. Существует еще одна характеристика: *проницаемость* социальных страт для движущихся индивидов и групп. Проницаемость весьма различна в разных обществах и в разные периоды, однако не было в истории обществ, в которых социальные страты были бы совершенно непроницаемы для движения индивидов. Но не было и таких обществ, в которых мобильность осуществлялась бы безо всяких ограничений. Причем заметной тенденции от закрытости к открытости перемещений не наблюдается. Если в Индии перегородки между кастами были очень жесткие (но тем не менее их обходили разными способами), то в то же примерно время в Китае человек любого социального положения мог, обучившись и сдав положенные экзамены, получить высокую должность при дворе. Другое дело, что сдать эти экзамены было трудно, но это уже был вопрос способностей: способные проходили этот отбор.

Также различается мобильность восходящая и нисходящая, при этом подниматься или опускаться могут как индивиды, так и целые группы. *Каналы социальной мобильности*, по которым осуществляется перемещение индивидов и групп, разнообразны, но некоторые присутствуют практически во всех обществах. Прежде всего это *армия*, которая может возвести человека до самых верхов, особенно в период военных действий, когда наиболее ярко выступают способности индивидов. Например, из 65 византийских императоров 12 достигли своих высот благодаря армии. Основателям династий Меровингов и Каролингов также помогла выдвинуться служба в армии. «Бесчисленное множество средневековых рабов, разбойников, крепостных и людей простого происхождения таким же образом стали дворянами, господами, князьями, герцогами и высокопоставленными официальными лицами» [1, с. 151]. В то же время многие военачальники и могущественные князья, проигрывая сражения, попадали в немилость, опалу и теряли свое социальное положение.

Другим типичным каналом является *церковь*. Церковь также открывает возможность для продвижения наверх людей самых разных социальных страт и положений. Церковь является сильным «лифтом» для восхождения, особенно в периоды, когда она пользуется влиянием в государстве, но она же и эффективный канал для мобильности нисходящей: обвиненный в ереси, как правило, не удерживается у власти и вообще в верхних слоях государства.

Эффективным каналом вертикальной мобильности служит *школа*. Так, в Китае существовала система селекции через школы, которые Конфуций считал не только системой образования, но и системой выборов. Политическая доктрина Конфуция вообще не предполагает наследственной аристократии. Образовательный тест (экзамены) выполнял роль всеобщего избирательного права. В индийском обществе просвещение и обучение считались «вторым рождением» — более главным, чем рождение физическое. Однако в Индии не было демократии в образовании, как в Китае: для некоторых каст образование было запрещено. В современных обществах без диплома вход в некоторые профессии и на некоторые должности абсолютно невозможен.

Каналом социальной мобильности в современном мире являются разного рода *партии и движения*, играющие большую роль в политической жизни некоторых обществ. Для лиц творческого труда важно вхождение в *профессиональную группу*, так как без поддержки той или другой творческой корпорации трудно устроить выставку, издать книгу и т.п., тем более что именно такая корпорация является одновременно и главным «жюри», оценивающим способности и мастерство каждого своего члена.

От оценки профессионалов профессионалами мы переходим к важному принципу работы каналов социальной мобильности — к *принципу селекции*, без которого никакой канал не мог бы эффективно выполнять свои функции в обществе. Задача канала социальной мобильности не только в тестировании способностей индивидов как таковых, но и в отборе тех способностей и знаний, которые необходимы для выполнения различных функций: профессиональных, политических и прочих, а также в распределении индивидов по тем позициям, на которых они могли бы эти функции осуществлять. Поэтому в каждом канале имеется система «сит» для «просеивания» претендентов на те или иные позиции.

Таким «ситом» является прежде всего *семья*. «Хорошее происхождение» во всех странах принимается как доброе удостоверение вероятных качеств личности, ибо именно семья более всего формирует личность человека, особенно в период его детства, прививая ему установки и ценности, многие из которых остаются в человеке на всю жизнь. К человеку же из бедной и малоизвестной семьи уже нет такого внимания, а «плохое происхождение» оставляет пятно на всю жизнь. Причем в обоих случаях считается, что качества личности в значительной степени предсказуемы.

В системе образования тестируемыми качествами оказываются преимущественно те знания и навыки, которым в ней обучают индивида, хотя личностные качества также проходят коррекцию: учебные заведения могут прививать своим воспитанникам определенные ценности и установки, вплоть до манер поведения, по которым их выпускников можно уверенно отличать от других. «Сито» образовательной системы составляют экзамены и тестирование, ко-

торые «отсеивают» неуспешных учеников. При этом проверяются и знания, и способности. *«Фундаментальная социальная функция школы заключается не только в том, чтобы выяснить, усвоил ли ученик часть учебников или нет, но и в том, чтобы посредством всех ее экзаменов и нравственного наблюдения определить, во-первых, какие из учеников одарены, а какие нет, какими способностями обладает каждый ученик и в какой степени, какие из них являются здоровыми в социальном и нравственном отношениях. Во-вторых, эта функция заключается в том, чтобы исключить тех, у кого нет желательных интеллектуальных и моральных качеств. В-третьих... способствовать продвижению тех, кто во время учебы проявил общие и особые способности, соответствующие определенному социальному положению»* [1, с. 174]. Сорокин при этом обращает внимание на «тот факт, что вопреки общепринятому мнению всеобщее образование ведет не столько к уничтожению умственных и социальных различий, сколько к их усилению. Школа, даже самая демократичная, открытая каждому, если она правильно выполняет свою задачу, является механизмом «аристократизации» и стратификации общества, а не «уравнивания» и «демократизации»» [1, с. 175].

Но наиболее сильным «ситом», тестирующим моральные качества индивидов, обладает церковь, поскольку церковное мнение о человеке влияет не только на его положение внутри церковной иерархии, но и на его положение в обществе. Описывая, какую школу проходил человек в касте брахманов, Сорокин отмечает, что современная школа не требует каких-то особых моральных качеств от индивида, что оказывает влияние на общество как целое: «верхние слои общества, пополняясь за счет именно таких людей (выпускников современных школ), которые, проявляя хорошие интеллектуальные способности, демонстрируют при этом заметную моральную слабость: алчность, коррупцию, демагогию, сексуальную распущенность, стремление к накопительству и материальным благам (часто за счет общественных ценностей), нечестность, цинизм [1, с. 181]. Такая школа не может, подчеркивает Сорокин, улучшить моральный дух населения в целом.

У образовательной системы (включая профессиональную) есть и еще одна важная функция — регулировать численность верхних слоев общества по отношению к его нижним слоям. Общее увеличение верхних слоев приводит к усилению давления их на другие слои общества и делает всю стратификационную конструкцию неустойчивой и тяжелой. А профессиональное перепроизводство специалистов приводит к усилению конкуренции между ними и также делает общество нестабильным.

Во всех случаях реформаторы, утверждает Сорокин, должны представлять себе эту систему «отбора» индивидов в верхние страты общества. «В конечном итоге историю делают люди. Люди, занимающие положение, которому они не соответствуют, запросто могут уничтожить общество, но они не могут создать

ничего ценного, и наоборот» [1, с. 194]. Вся эта система, сложившаяся в обществе с ее «лифтами» и «фильтрами», очень сильно влияет на состояние как верхних, так и нижних слоев общества, обеспечивая их моральное и культурное состояние, а также их настроенность, умиротворенность или раздраженность, что, естественно, непосредственно сказывается на состоянии всего общества, а также на его исторической судьбе.

Разработанная П.А. Сорокиным теоретическая концепция скоро дополнилась эмпирикой. Уже в 1930-е гг. видный антрополог Уильям Ллойд Уорнер, получивший предложение исследовать социальную стратификацию США, подошел к объекту так, как в свое время предлагал подходить Дюркгейм: как если бы нам ничего не было известно об объекте, называемом «социальная стратификация США».

У. Уорнер исходил из постулата, что предметом эмпирического исследования не может быть социальная структура американского общества в целом. Однако вполне можно исследовать отдельную общину или несколько общин, которые и должны дать нам представление о стратификации общества в целом. Другой постулат заключался в том, что общину нужно начинать исследовать не с ее истории и свойственных только ей конкретные особенностей, а подходить к ней как к действующему целому, т.е. изучать в ней «совокупную систему взаимодействий» [4, р. 14]. И все явления этой системы нужно объяснять, исходя из той функции, которую они выполняют для того, чтобы система могла существовать, т.е. быть устойчивой. В качестве постулата было принято утверждение о том, что в любой общине должны существовать четыре типа социальной структуры (как необходимые): семья, союз (ассоциация), церковь и класс. Эти фундаментальные структуры задают основную сферу поведения индивида, и «с ними связаны в конечном счете факторы, определяющие его социальное поведение» [4, р. 35].

Для исследования были выбраны 3 города: Ньюбэрипорт (портовый город в Массачусетсе с 17 тыс. жителей); городок на юге США, условно названный «Олд-сити» (10 тыс. жителей); Моррис (названный Джоннесвиллем, городок с 10 тыс. населения на Среднем Западе). Наиболее известны материалы исследования в Ньюбэрипорте, проходившем под «псевдонимом» «Янки-сити».

Изначальное предположение исследователей, что социальное положение человека определяется экономическими и профессиональными его характеристиками, не вполне оправдалось. При опросе респонденты, оценивающие это положение «разнесли» рабочих и предпринимателей по трем разным классам. Явно обнаружился латентный фактор, дополнительно определяющий социальное положение. У. Уорнер констатировал, что социальная оценка данного человека другими ориентирована на определенные типичные для данной классовой системы способы поведения оцениваемого, поэтому типы поведения индивида также следует принимать в расчет [4, р. 82].

Таким образом, У. Уорнер сформулировал основные характеристики социального класса: это слои населения, различающиеся более высоким или более низким положением индивидов, их составляющих. Слой в принципе достаточно замкнут, хотя движения вверх и вниз по социальной лестнице возможны. Различие рангов вызывается тем, что в классовом обществе «права» и «обязанности» распределены неравномерно. Семья, как правило, находится внутри одного и того же класса, и дети наследуют статус родителей при начале своего движения по социальной лестнице.

В дальнейшем У. Уорнер признал не подтвердившейся гипотезу о том, что представления людей о тех или иных социальных классах определяются типичными для данного класса экономическими условиями: тесной связи с экономическими факторами обнаружено не было. Здесь нужно учитывать, что ученый придерживался веберовской концепции стратификации и исходно задавал свои классы не по субъективному критерию, а именно *по социальному престижу*. Именно эта характеристика закрепились за понятием «социальный класс» в американской социологии. Принятая градация классов на «нижних нижних», «верхних нижних», «нижних средних» и т.д. — это совсем не то понятие, которое сформулировал К. Маркс, и даже не то, которое сформулировал М. Вебер (хотя оно близко к его «сословию»). Социальный престиж измеряется оценкой одних людей другими, точнее, взаимной оценкой членов одного и того же общества. Огромное достижение У. Уорнера заключается в том, что он впервые в исследовании социальной стратификации использовал взаимные оценки представителей различных страт.

Инструментарий складывался и «доводился» практически на ходу. Человека причисляли к тому или иному социальному слою в результате применения нескольких процедур: 1) выявленные посредством интервью представления различных людей о том или ином человеке (или людях) сравнивались и соотносились друг с другом; 2) принимались во внимание символы, которыми отмечали респонденты тех или иных кандидатов в соответствующие классы; 3) измерялась статусная репутация семьи или индивида: репутация складывалась на основании их участия в общественной жизни города; 4) применялся метод сравнения: информанта спрашивали, выше или ниже расположено данное лицо по отношению к тем или иным лицам; 5) использовался метод «простого зачисления в класс» проинструктированным респондентом или респондентом-экспертом (но не самими исследователями); 6) наконец, существовало еще и оценивание при помощи «институционального членства», т.е. по принадлежности к тем или иным изначально заданным фундаментальным структурам — семьям, ассоциациям, церквам (сектам) и кругам общения. Эти шесть методов, связанные в единую систему, были названы «методом оцениваемого участия» [5, р. 37].

Оценки применялись не только к конкретным лицам, но и к самим критериям оценивания. В результате выявились наиболее сильные отдельные критерии (наряду с доходом и профессией): а) тип жилья; б) место жительства (внутри исследуемого района); в) вид полученного образования; г) манеры поведения. Применяв эти критерии, исследователи смогли довольно точно расположить ранжируемых индивидов по их социальному положению [5, р. 90]. Другими словами, *престижные оценки были приняты за главный синтетический показатель, чем и было соблюдено положение Дюркгейма, что общество — это прежде всего социальные или коллективные представления, а все остальное определяется уже относительно этих представлений.*

Для облегчения работы исследователей, которые хотели бы повторить этот эксперимент, был составлен так называемый индекс Уорнера. Его можно применить, не производя трудоемких процедур с опросом многочисленных респондентов. Просто относительно каждого индивида, положение которого собираются измерить, определяется: профессия, место жительства, источник дохода, обстановка квартиры (по наличию определенных показателей). Уорнер и его сотрудники утверждали, что для США в те годы, когда проводилось исследование, эти показатели довольно точно отражали оценки престижа. Иногда добавлялся, как мы видели, уровень образования. Но достаточными были признаны указанные четыре показателя. Впрочем, Уорнер и его сотрудники всегда предупреждали, что эти характеристики работают только в США, а для других стран и культур могут потребоваться другие характеристики. В частности, У. Уорнер предполагал, что, например, для стран Европы, более весомым может оказаться именно образование.

Любопытно, что люди, входившие в те или иные социальные классы, изо дня в день осуществляли характерное «классовое» поведение, не имея в то же время никакого определенного представления о классе, что указывает на факт существования социальных представлений на вполне бессознательном уровне. Кстати, теперь обычно понятие о классе, к которому он принадлежит, входит в сознание человека, поскольку много об этом говорится и понятие, так сказать, всегда на слуху. Общая картина классового распределения населения города в Янки-сити оказалась в конечном счете следующей:

верхний верхний класс (ВВ) — 1,44%;
 нижний верхний класс (НВ) — 1,56%;
 верхний средний класс (ВС) — 10,22%;
 нижний средний класс (НС) — 28,12%;
 верхний нижний класс (ВН) — 32,60%;
 нижний нижний класс (НН) — 25,22%
 не классифицировано — 0,84 % [4, р. 88].

Верхний верхний класс оказался в наличии не во всех обследованных городах, так как ему, наряду с экономическими и прочими показателями социального престижа, приписывали дополнительную характеристику: он состоял из семей «старых поселенцев», т.е. потомков переселенцев в Америку XVII–XVIII вв. В двух обследованных городах таких семей попросту не оказалось, и там получилась пятиклассная социальная система.

Уже на первых стадиях своего исследования Уорнер установил, что члены каждого социального класса проявляют некоторую однородность как в своих действиях, так и в образе мышления. Но в то же время выявилась и определенная дифференциация по этому признаку внутри каждого класса [4, р. 3]. Проведя гигантскую работу, авторы пришли к выводу, что наиболее явную роль в движении индивида по статусам внутри класса играют семья, ассоциация и круги общения. «Поскольку индивид принадлежит к различным структурам... он участвует в большом количестве социальных ситуаций в одно и то же время. Ранг его (принадлежность к определенному социальному классу) остается при этом неизменным, но положение внутри этого ранга постоянно меняется. Все время социальные статусы, образующие как бы ареал его участия (в социальной жизни общины), продолжают влиять на его поведение; они все время зависят друг от друга в его жизни, так же, как и в жизни других индивидов, являющихся членами данной социальной системы» [4, р. 15]. Наиболее развитыми и сильными контактами, как установили социологи, отличаются средние классы, причем контакты эти выходят иногда довольно далеко за пределы их собственного класса. Уорнер усматривал в этом определенные предпосылки для восходящей мобильности. Такие контакты дают индивиду возможность усваивать ценности и образцы поведения более высоких классов и тем самым получать признание членов этих классов. Поэтому вывод о том, что участие индивида во всех этих кругах общения и ассоциациях не только дает окружающим точки отсчета для отнесения его к тому или иному классу, но и служит продвижению или закреплению его на новых, более высоких статусах, оказывается вполне обоснованным.

Семья — это наиболее надежный «подъемный механизм», хотя, может быть, и не такой уж быстрый. Семья дает начальный статус детям. Двигаться вверх индивид может только одновременно со своей семьей, когда движение касается перехода из класса в класс. Переход в более высокий класс вместе с семьей закрепляет новое положение индивида.

Круги общения, по наблюдению исследователей, оказались образованиями неформальными, не слишком устойчивыми, не очень обширными (хотя в некоторых случаях достигали 30 чел.), зато сильно эмоционально окрашенными. Смысл круга исключительно в общении друг с другом. Встречи его членов нерегулярны, никакого специального режима работы круга не существует. Часто индивид, стремясь соответствовать ожиданиям своего круга, может даже в

какой-то степени пренебрегать интересами собственной семьи, поэтому очевидно, что такие круги очень сильно определяют поведение своих членов. Принадлежность к такому кругу дает индивиду ощущение уверенности в своем социальном статусе. Принятие человека в тот или иной круг общения или изгнание из него явно способствуют или препятствуют его социальной мобильности [4, р. 111].

Подобную роль играют и *ассоциации* (добровольные общественные объединения), в которых участвует (или не участвует) индивид. Ассоциация — это образование другого типа: во-первых, она официальна до определенной степени, поскольку имеет обычно свой устав и другие документы, удостоверяющие ее статус; во-вторых, она собирается, как правило, более или менее регулярно и имеет свой план работы. Отношения внутри нее не окрашены так эмоционально, как в кругах общения; в-третьих, она более обширна и более устойчива в своем существовании. В ней также более разнообразны контакты человека с представителями других кругов. Некоторые из ассоциаций дают человеку статус уже одним фактом вхождения в них: это закрытые эксклюзивные клубы (как мы помним, Макс Вебер сообщает, что он слышал про один случай, когда молодой человек, не получив возможности вступить в такой клуб, покончил с собой). Но существуют и более широкие и принципиально открытые организации, куда могут входить и люди из нижних слоев. Это обычно организации политические, ведущие время от времени какие-то кампании в поддержку того или иного билля, той или иной партии. Тем не менее открытость все равно предполагает определенный контроль: «члены из низших слоев кастовой системы контролируются членами из более высоких слоев и подчиняются им» [4, р. 111].

Очень любопытные данные дал анализ поведения социальной системы во время стачки обувщиков 1930 г. Стачка разразилась совершенно неожиданно для исследователей, но они быстро сориентировались и успели опросить довольно много рабочих, предпринимателей и просто жителей городка, втянутых до определенной степени в возникшую ситуацию (это был город, где обувная промышленность была основной отраслью).

Опросы показали причину стачки: прогрессирующий процесс механизации производства привел к слому иерархии рабочих по мастерству. Опыт и искусство перестали иметь значение, поскольку операции выполнялись машинами, а обслуживать такие машины могли люди, не имеющие вообще никакого опыта в обувном деле. Стачка привела к консолидации рабочих, так что во всех трех классах, в которые входили рабочие (от нижнего нижнего до нижнего среднего), образовались как бы секторы рабочих, проявивших тяготение друг к другу по вертикали [3, р. 6]. В результате стачки образовалась еще одна большая и открытая ассоциация в городе — профсоюз обувщиков, который продолжил свое существование и после стачки, до определенной степени смещая социальную

структуру. Но что более интересно, эта ассоциация довольно быстро вошла в контакт с подобными же профсоюзами других городов и влилась в общегосударственное профсоюзное движение. Таким образом, обувщики трех нижних классов как бы почувствовали в каком-то смысле свое единство и образовали особый отряд рабочего класса (не переставая в то же время быть членами своих социальных классов), который проявил ориентацию на нижний верхний класс. «Такое поведение обувщиков в социальной жизни общины предполагает, что рабочая солидарность, складывающаяся на предприятиях, влияет и на поведение рабочих за рамками предприятий», — сделал вывод У. Уорнер [3, р. 6]. Таким образом, было показано, что социальная структура способна трансформироваться в ответ на различные воздействия извне, не переставая в то же время оставаться достаточно устойчивой.

Эмпирическое исследование У. Уорнера, подобно хотторнскому эксперименту, оказало огромное влияние на выработку научных методов и научных точек зрения. То, что У. Уорнер отказался от каких бы то ни было теорий классовой структуры, оказалось, с одной стороны, необычайно положительным обстоятельством: он смотрел на материал без всякой заранее заданной схемы и без какой-то ни было предубежденности, что позволяло гибко менять подходы и развивать методiku, приспособляясь к вновь выявленным факторам. А с другой стороны, это оставило исследователей в некоторых случаях беспомощными при попытке интерпретировать обнаруженные факты.

* * *

Подходы к исследованию социальной стратификации, разработанные П. Сорокиным и У. Уорнером, весьма актуальны для современного российского контекста. Долгое время у нас в стране считалось, что существует два класса в обществе, строящем социализм (а позднее и в обществе развитого социализма) — рабочие и крестьяне; помимо них выделялась «прослойка» — интеллигенция. В одной из работ крупного отечественного социолога можно было найти даже такое выражение: «советский рабочий класс управляет у нас государством непосредственно *через* воспитанную им интеллигенцию». Но с тех пор прошло немало лет, а мы по-прежнему ведем дискуссии о российском среднем классе, пользуясь в качестве критерия только характеристиками материального положения и профессии (в значительно меньшем объеме). И можно услышать, например, такие суждения, что, российские учителя потеряли свое положение в среднем классе, потому что им «так мало платят». Потеряли ли они тем самым и свой образ жизни и свой способ мышления? Этот вопрос никем не ставится. А это-то как раз наиболее интересно: теряет ли действительно индивид свой классовый ранг вместе с ухудшением своего материального положения (поскольку очевидно, что профессию он не теряет)? И до какой степени ухудшение его материального положения не влияет на его классовый

ранг? Это именно сейчас можно исследовать, поскольку сама жизнь поставила нам такой эксперимент.

Библиографический список

1. *Сорокин П.А.* Социальная мобильность. М.: Academia, 2005 (Sorokin P.A. Social mobility. N.Y.; L.: Harper & Brothers, 1927).
2. *Bryce J.* Modern Democracies. N.Y.: Macmillan, 1921. Vol. 2. P. 549–550.
3. *Warner W.L., Low J.O.* The Social System of the Modern Factory. The Strike: a Social Analysis. New Haven: Yale University Press; L.: G. Cumberlege, Oxford University Press, 1947.
4. *Warner W.L., Lunt P.S.* The Social Life of a Modern Community. New Haven: Yale university press; L.: H. Milford, Oxford university press, 1941.
5. *Warner W.L., Meeker M., Eells K.* Social Class in America: a Manual of Procedure for the Measurement of Social Status. Chicago: Science Research Associates, 1949.

СОЦИАЛЬНАЯ МОБИЛЬНОСТЬ НАУЧНОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ В УСЛОВИЯХ ОБЩЕСТВЕННЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ 1980-Х ГГ. — НАЧАЛА ХХІ В.

.....

А. Н. Еремеева¹

Проблема социальной мобильности отечественных ученых в условиях кардинальных преобразований в последние двадцать лет привлекает внимание в большей степени социологов, политологов, специалистов по социальной философии. Значительная часть работ посвящена кризису российской науки, его материальному, психологическому и функциональному аспектам и потенциальным последствиям [12; 20; 21]. Одна из популярных тем исследований — ученые и политика: роль ученых в идеологическом обосновании реформ, их практическом осуществлении. Отдельные исследователи сконцентрировали внимание на анализе причин «бегства» ученых в политику и бизнес, факторах, способствующих и препятствующих успешной инсталляции представителей научного сообщества в политическую и бизнес-элиты [11; 16–20]. Немало работ посвящено «утечке умов» из России и стран СНГ. Авторы касаются масштабов процесса, «выталкивающих» факторов, структуры выезжающего потока [9; 10; 13; 15].

В изучении истории научной интеллигенции, в том числе новейшего времени, значительный потенциал содержит устная история. Биографические интервью с крупными отечественными учеными формируются и хранятся сотрудниками Центра «Архив науки и техники» при Институте истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова Российской академии наук. Устно-

¹ Еремеева Анна Натановна — доктор исторических наук, профессор кафедры истории и музееведения Краснодарского государственного университета культуры и искусств. Электронная почта: erana@mail.ru.

Статья написана в рамках исследования, выполняемого по гранту РГНФ, проект № 06-03-00359а «Метод устной истории в исследовании регионального научного сообщества».

Статья принята к публикации 14.02.2007 г.

исторический проект по исследованию регионального научного сообщества Краснодарского края реализуется автором данной статьи при поддержке Российского гуманитарного научного фонда. Биографические интервью с учеными региона позволяют понять и факторы, влияющие на социальную мобильность научной интеллигенции в условиях общественных трансформаций последних десятилетий [5; 7].

Начнем с краткого анализа роли и места ученых в событиях и процессах конца 1980-х — начала 1990-х гг. «Перестройка», которую принято называть горбачевской по фамилии инициатора и главного действующего лица, была во многом детищем интеллигенции, в том числе ученых. Именно они формировали общественное сознание, критикуя экономические и социальные основы системы, ее идеологию; они инициировали дискуссии по вопросам плана и рынка.

Науковед А.В. Юревич сравнивает роль идеологов реформ, в качестве которых выступили ученые А. Яковлев, Н. Шмелев, О. Лацис, В. Селюнин и др., с ролью просветителей в подготовке Великой французской революции. Представители поколения «шестидесятников», многие из которых достигли высоких постов в партийно-государственных структурах и высокого статуса в науке, стали на два-три перестроечных года «властителями дум». Объектом воздействия этих ученых было массовое сознание в целом, средством — публицистические статьи в «толстых» журналах, в результате чего их просветительская деятельность обычно обозначается как «докторская публицистика» [19, с. 89]. Манифестом радикально-перестроечных сил стала книга «Иного не дано» (1988). Страна зачитывалась публицистическими статьями ученых. По популярности они могли соперничать только с «перестроечными» бестселлерами А. Рыбакова, В. Дудинцева, Д. Гранина, М. Шатрова.

Важным фактором формирования дискурса «перестройки» стала деятельность социологов, в том числе таких ведущих специалистов, как Б.А. Грушин, Т.И. Заславская, Ю.А. Левада, В.Н. Шубкин, В.А. Ядов. В конце 1987 г. был создан Всесоюзный центр по изучению общественного мнения (ВЦИОМ). В 1988 г. Центр начал включать в свои анкеты вопросы, направленные на выяснение отношения советских граждан к однопартийной системе, наследию сталинизма, В.И. Ленину, Октябрьской революции, коллективизации, социализму и партийным лидерам.

Научная интеллигенция активно включалась в деятельность разнообразных «проперестроечных» общественных организаций. Так, в организованном летом 1987 г. Ленинградском межпрофессиональном клубе «Перестройка» более половины составляли кандидаты наук. Клуб проводил диспуты, тематика которых говорила сама за себя: «План и рынок: вместе или против» (ведущий — кандидат экономических наук А.Б. Чубайс), «Тупики административной системы» и др. [3, с. 297]. Среди инициаторов создания «народных фрон-

тов», призванных содействовать курсу партии на перестройку, — академик, президент Советской социологической ассоциации Т.И. Заславская.

Солидарность в негативной оценке советского прошлого проявляли далеко не все. Наиболее ярким примером охранительного направления стало скандально известное письмо старшего преподавателя кафедры физической химии Ленинградского технологического института Нины Андреевой «Не могу поступиться принципами», опубликованное в газете «Советская Россия» 13 марта 1988 г. Именно этот манифест антиперестроечных сил обозначил резкую поляризацию двух сил — консерваторов и радикал-реформаторов.

Весной 1989 г. поднялась беспрецедентная волна протестов против деятельности высшего руководства Академии наук СССР. Отказ Президиума Академии выдвинуть кандидатами в народные депутаты СССР ряда видных ученых, включая А.Д. Сахарова и Р.З. Сагдеева, вызвал демонстрацию протеста [3, с. 214]. В итоге требования демонстрантов были удовлетворены.

Народными депутатами стали ранее известные лишь в научной среде А.А. Собчак, С.Б. Станкевич, Ю.Н. Афанасьев. В июле 1989 г. была создана межрегиональная депутатская группа, в которую входили Б.Н. Ельцин, Ю.Н. Афанасьев, В.А. Пальм, Г.Х. Попов, А.Д. Сахаров (последнему в 1986 г. было разрешено возвратиться из Горького в Москву). Абсолютное большинство в ней составляли ученые. Члены межрегиональной группы возглавили растущую в стране оппозицию власти и требовали полного уничтожения советской политической системы.

Начиная с 1991 г. на первый план вышел другой тип ученых — «реформаторы», которые, подчас действуя как идеологи, отличались от «архитекторов перестройки» тем, что сами свои идеологемы и реализовывали. «Реформаторы», в отличие от своих предшественников, были сравнительно молоды, имели в основном не докторские, а кандидатские ученые степени, и оттеснение ими «архитекторов перестройки» выглядело как «революция кандидатов» [19, с. 89], «завлабов и младших научных сотрудников» [3, с. 295]. Большинство «реформаторов» были советскими экономистами — А.Б. Чубайс, Е.Т. Гайдар (один из немногих докторов наук в этой плеяде), Г.А. Явлинский, И.М. Хакамада и др.

С 1990 г. первым заместителем, а в 1991–1993 гг. председателем Верховного Совета РСФСР был профессор Института народного хозяйства им. Плеханова Р.И. Хасбулатов (в 1991 г. вновь образованная Российская академия наук избрала его своим членом-корреспондентом). В высших законодательных и исполнительных структурах власти уверенно прописались доктора наук Б.А. Березовский (он, как и Хасбулатов, в 1991 г. был избран членом-корреспондентом РАН), С.Ю. Глазьев, Р.Г. Абдулатипов и др.

Подобные процессы были характерны и для регионов. Е.П. Алешин — директор Всесоюзного научно-исследовательского института риса (г. Краснодар)

был избран народным депутатом СССР (1987 г.). Несколько раз баллотировался в депутаты различных уровней, хотя и безрезультатно, его сын — исполнительный директор того же института, доктор сельскохозяйственных наук Н.П. Алешин. Археолог, доцент Кубанского госуниверситета А.М. Ждановский в 1991–1994 гг. был председателем Краснодарского краевого совета народных депутатов, в 1994–1996 гг. — заместителем главы администрации Краснодарского края. Специалист по дореволюционной истории Кубани, доцент того же университета В.П. Громов почти два десятка лет является лидером казачьего движения на Кубани. Подобные примеры можно продолжить.

Отдельные кубанские ученые ныне известны как религиозные деятели. Востоковед, доцент Кубанского государственного университета В.Г. Кукуян стал священником Армянской Апостольской Церкви. Упомянутый Н.Е. Алешин, ныне капеллан Международного Евангелического Альянса, регулярно выступает с обращениями о неразрывной связи демократической политики с евангельским христианством.

Привлекательной сферой приложения сил для ученых стал *бизнес*. Уже в конце 1980-х гг., когда предпринимательская активность в нашей стране только начинала разворачиваться, в различных кооперативах, совместных и малых предприятиях трудилось свыше 100 тыс. бывших ученых, которые более оперативно, чем представители большинства других категорий населения (за исключением партийных и комсомольских работников), отреагировали на свободу предпринимательства. В начале 1990-х гг. примерно треть руководителей крупных коммерческих структур составляли бывшие научные сотрудники [18, с. 101].

Наиболее заметная и одновременно скандально известная фигура учено-бизнесмена — Б.А. Березовский. Заведующий сектором Института проблем управления АН СССР, доктор физико-математических наук, защитивший докторскую диссертацию в возрасте 37 лет по одному из разделов теории принятия решений, лауреат премии Ленинского комсомола, он в полной мере использовал свой научный потенциал в условиях экономического хаоса времен «перестройки». ЛогоВаз, Автомобильный Всероссийский Альянс, ОРТ — эти и другие бизнес-проекты, а также политическая деятельность Б.А. Березовского неоднозначно (в основном негативно) оцениваются в СМИ. Однако сам факт успешной инсталляции талантливого и амбициозного советского ученого в формирующуюся рыночную экономику красноречив.

Герой недавних судебных разбирательств по поводу строительства элитной курортной зоны «Рузская Швейцария» в Подмосковье В.В. Бойко, бывший сотрудник НПО «Астрофизика», Института ядерной физики МГУ, в 1992 г. создал и возглавил компанию «Вашь Финансовый Попечитель», успешно работающую в течение 15 лет.

Далеко не все ученые нашли себя в политике и бизнесе; многие изначально не собирались порывать с наукой, несмотря на сложные условия. Как известно, на рубеже 1990-х гг. отечественная наука в одночасье осталась без финансовых, организационных и информационных ресурсов, брошенная и властью, и «научной бюрократией». Кризис усугубляло и то, что само сообщество не располагало ни опытом, ни даже психологической готовностью к солидарному поведению в борьбе за собственное выживание [6, с. 144].

Спасительной соломинкой для многих ученых стала возможность совместительства, в том числе работы в многочисленных частных вузах, где платили в несколько раз больше, чем в государственных. Известный социолог Г.С. Батыгин справедливо полагал, что официальное разрешение совместительства и неофициальное разрешение ходить на работу время от времени предотвратили маргинализацию научного сообщества. Совместительство помогло закрепить состояние перманентного кризиса и в то же время сохранить видимую социальную идентичность сотням тысяч научных сотрудников и преподавателей [2].

К середине 1990-х гг. средняя зарплата ученых составляла 70% среднего заработка в стране и лишь 17% научных работников имели заработок, превышающий официально определенный прожиточный минимум [20, с. 8]. В это же время не менее 50 % лиц, числившихся учеными, имели источники заработка за пределами науки. Не увольняясь с основного места работы, многие научные сотрудники преподавали в вузах и школах, занимались консультативной деятельностью в коммерческих структурах, переводами с иностранных языков и на них, издательской деятельностью, ремонтом квартир, извозом на собственных машинах и прочими делами [18, с. 102].

Несколько смягчила остроту кризиса поддержка иностранных, а затем и федеральных (РФФИ — Российский фонд фундаментальных исследований, РГНФ — Российский гуманитарный научный фонд и др.) научных фондов. Грантовое финансирование позволило гарантировать работающим ученым минимальные условия для исследований в новых экономических реалиях, облегчило возможность международных научных контактов. В российских вузах появились соросовские профессора и доценты. Среди соросовских профессоров кубанских вузов — видный физиолог В.М. Покровский, один из основоположников физической школы региона В.Ф. Писаренко, ректор КубГУ, академик РАН В.А. Бабешко.

Отдельные ученые (наиболее активные, владеющие иностранными языками) стали ездить на долгосрочные и краткосрочные стажировки в зарубежные вузы.

Отношение к тем, кто использовал возможности финансирования для проведения исследований (особенно с помощью зарубежных фондов), в среде коллег было неоднозначным. Нередко сообщение ученого о будущей науч-

ной стажировке сопровождалось предложением написать заявление об уходе. Отдельные ученые — статусные, привыкшие к привилегиям «по умолчанию», а потому не признающие дух состязательности в рамках конкурсов, формировали «антигрантовые» настроения в коллективе, отстаивая правильность стимулирования труда ученых только через традиционную заработную плату.

Финансовые трудности стимулировали разрастание теневой деятельности среди ученых. Для многих преподавателей вузов стала нормой торговля оценками на вступительных и семестровых экзаменах. Отдельные ученые связаны тесными узами с криминальным бизнесом.

Неизбежной реакцией на новые экономические условия стали попытки коммерциализации российской науки, рыночных способов ее организации. Один из способов — создание (как правило, на базе университетов) научных парков, а также родственных им структур, технополисов и бизнес-инкубаторов, призванных стимулировать инновационную деятельность в университетах, активизировать структурные сдвиги в экономике региона, повышать благосостояние университета и научных сотрудников в целом через эффективное и рациональное использование его научного и кадрового потенциала вуза. Работа научного парка в идеале должна строиться таким образом, чтобы ученые могли заниматься бизнесом, не оставляя научной и преподавательской деятельности в университете. Технопарки формируются и на базе кубанских вузов — Кубанского государственного и Кубанского государственного аграрного университетов.

Одной из адаптационных практик ученых в условиях кризисного социума стала *эмиграция*. Информация о масштабах «утечки умов» из России — отрывочная и неточная. Это связано с тем, что многие российские ученые формально не эмигрируют за рубеж, а уезжают на работу по контракту, хотя временный статус такой работы порой перерастает в постоянный. В. Калинушкин, председатель Профсоюза научных работников России, полагает, что с 1993 по 2003 г. работу за рубежом нашли от 500 тыс. до 800 тыс. ученых. Западные оценки скромнее — максимальная цифра составляет 200 тыс.; по мнению же аналитиков Гарвардского университета, за период после 1991 г. лишь от 10 до 30 тыс. наших ученых покинули страну. Различия в цифрах обусловлены методами подсчета и отсутствием систематической статистики. Одни исследователи включают в интеллектуальную эмиграцию только ученых, другие — ученых и инженеров, третьи добавляют к ним программистов, четвертые — всех лиц, имеющих высшее образование. Нередко к этой категории мигрантов относят студентов и стажеров [15, с. 41].

Эмигрантами в 1990-е гг., как правило, становились способные ученые, ориентированные только на научную деятельность и не видевшие себя в бизнесе или политике (в отличие от своих более социально гибких коллег). По данным большинства аналитиков, основная причина «утечки умов» — низкий жизнен-

ный уровень, вынуждающий искать возможности заработка там, где интеллектуальный труд хорошо оплачивается, а также низкий престиж науки, отсутствие возможностей реализации себя как ученого, политическая нестабильность.

В 2004–2005 гг. автор, будучи стипендиатом программы Фулбрайта, во время наводнения в Силиконовой долине (Калифорния, США), общалась с российскими физиками и математиками, в основном 45–50-летними кандидатами наук из Академгородка, Дубны, Зеленограда, в течение последних 8–10 лет работающими программистами в американских, швейцарских и иных компаниях. Для них всех отъезд из страны был нелегким решением. Главным «выталкивающим» фактором стало закрытие (формальное или фактическое) институтов и, соответственно, тяжелые материальные условия. Большинство рассматривают свое пребывание в США как временное, понимая, что ситуация в России существенно улучшилась. Однако разговоры о возможном отъезде показались автору гипотетическими, так как дети респондентов учатся в местных школах и университетах, приобретена недвижимость или ее приобретение планируется, компании-наниматели предоставляют всевозможные льготы и т.д. В «сердце» Силиконовой долины — Стэнфордском университете, одном из самых престижных в США — также немало выходцев из бывшего СССР среди преподавателей и аспирантов. Многие из них не прерывают научных контактов с родиной.

В СМИ эмиграция ученых нередко рассматривается как невозвратная потеря, в том числе сил и средств, потраченных на образование. Отдельные авторы оценивают данное представление как достаточно тенденциозное, полагая, что «мозги утекают» только в том случае, если не существует каких-либо эффективно функционирующих форм взаимодействия с отъезжающими учеными (на уровне лекционных поездок, совместных проектов, журнальной площадки и т.д.) [10, с. 20].

Эмиграция российских ученых, особенно работавших на военно-промышленный комплекс, порождает серьезные проблемы, связанные с тайной стратегических разработок. Только за период 1991–1996 гг. из Всероссийского научно-исследовательского института экспериментальной физики (Арзамас-16), являющегося ведущим российским центром по ядерным исследованиям, за рубеж выехало более 5 тыс. специалистов. За десять лет (с середины 1980-х до середины 1990-х гг.) Российский научный центр вирусологии и биотехнологии («Вектор»), занимающийся в числе прочих вопросов и разработками в области биологического оружия, покинуло 3500 чел. [15, с. 43].

В целом так называемая разгерметизация отечественного научного сообщества породила комплекс проблем, нуждающихся в эффективном и оперативном решении.

Однако не только потери, но и мощные вливания в российскую науку имели место в 1990-е гг. Значительное количество ученых переехало в Россию из

стран бывшего СССР. Не стала исключением и Кубань. Специалистам в области гуманитарных наук хорошо известны бывший профессор Ереванского технического университета В.Г. Торосян (автор рекомендованных для вузов России, изданных в Москве учебников «Концепции современного естествознания» «Высшая школа», «История образования и педагогической мысли», «Культурология. История мировой и отечественной культуры»), литературовед из Ташкентского госуниверситета Е.Ю. Третьякова, музыковед Н.Б. Туравец из Таджикского государственного института искусств (ныне она проректор по научной работе Краснодарского госуниверситета культуры и искусств) и др.

Из «горячей точки» России — Чечни — приехали на Кубань историки-кавказоведы. Профессор В.Б. Виноградов, бывший заведующий межвузовской кафедрой «История народов Северного Кавказа» сделал центром деятельности своей научной школы Армавирский педагогический институт. В.Е. Науменко, бывший заместитель директора Чечено-Ингушского НИИ истории, экономики, социологии и филологии ныне успешно разрабатывает на Кубани проблемы регионоведения.

Ситуация в обществе обусловила изменения в *численности научного сообщества*. Данные об этом приведены в справке «Статистика научных кадров современной России» [14].

Начиная с 1992 г., численность научных работников снижалась вплоть до 1998 г. — с 1532 до 855 тыс. чел., а с 1998 г. стала возрастать. В результате к 2001 г. она составила 58,4% от уровня 1992 г. Доля докторов наук среди научных работников в этот период устойчиво росла — от 1,8% в 1995 г. до 2,5% (или 22 тыс. чел.) в 2000 г. Доля кандидатов наук среди научных работников сначала незначительно росла — от 9,2% в 1995 г. до 10,1% в 1998 г., а затем начала медленно уменьшаться — до 9,5% (или 84,4 тыс. чел.) в 2000 г.

Большинство научных работников в современной России занято в организациях российской государственной собственности — 673,7 тыс. чел., в организациях смешанной российской собственности — 137,4 тыс. чел., а в организациях российской частной собственности всего 53,4 тыс. чел. В организациях с иностранной или смешанной (российской и иностранной) формой собственности работает 21,3 тыс. научных работников.

Во второй половине 1990-х гг. доля женщин-исследователей, занятых в науке, сократилась с 48,4 до 44%, в технических науках — с 47,8% в 1995 г. до 41,8% в 2000 г. В то же время доля женщин среди кандидатов и докторов наук выросла: среди докторов наук — с 17,2 (3,3 тыс. чел.) до 18,8% (4,1 тыс. чел.), кандидатов наук — с 31,9 (31 тыс. чел.) до 34% (28,5 тыс. чел.).

Несмотря на то что по показателям феминизации науки Россия опережает большинство стран, исследователи бьют тревогу по поводу проявлений дискриминации, выражающейся в ограниченном представительстве женщин в ор-

ганах управления наукой, в частности, научными фондами. По данным конца 1990-х гг., в совете Российского фонда фундаментальных исследований из 28 его членов не было ни одной женщины, в совете Российского гуманитарного научного фонда из 27 членов была только одна женщина (Т.И. Заславская) [1, с. 151]. В настоящее время ситуация несколько изменилась. Так, в совете РГНФ в 2006 г. из 26 членов насчитывалось 5 женщин. На майских 2006 г. выборах в Академию наук ни одна из баллотировавшихся женщин не была избрана.

Итак, общественные трансформации «перестроечных» и последующих лет стимулировали интенсивную вертикальную и горизонтальную социальную мобильность отечественных ученых. Сокращение финансирования науки, закрытие многих научных институтов, резкое снижение, по сравнению с советским периодом, материального вознаграждения за научную и научно-педагогическую деятельность, падение престижа научного труда вызвали не только уход части ученых в политику, бизнес, иные сферы деятельности, но и эмиграцию. Тем, кто продолжал и продолжает научную деятельность в России, пришлось изменить привычные модели социально-экономического поведения в соответствии с новыми требованиями институциональной среды.

Библиографический список

1. Агамова Н.С., Аллахвердян А.Г. Российские женщины в науке и высшей школе: историко-научные и науковедческие аспекты // Вестник Института истории естествознания и техники. 2000. № 1.
2. Батыгин Г.С. Невидимая граница: Грантовая поддержка и реструктурирование научного сообщества в России (заметки эксперта) // Науковедение. 2000. № 4. (<http://srv1.rsl.ru/VV/JOURNAL/SCILOG/GRANTYOU.HTM>.)
3. Власть и оппозиция. Российский политический процесс в XX столетии / Под ред. В.В. Журавлева. М.: РОССПЭН, 1995.
4. Грэхэм Л.Р. Очерки истории российской и советской науки. М.: Янус-К, 1998.
5. Дюел Р. «Устная история» в историографии современной науки // Вопросы истории естествознания и техники. 2000. № 4.
6. Еремеева А.Н. Женщины-ученые как объект исследования в проектах по устной истории науки // Человек на исторических поворотах XX века. Краснодар: б.и., 2006.
7. Еремеева А.Н. Российские ученые в условиях социально-политических трансформаций XX века: Курс лекций. СПб: Нестор, 2006.
8. Кирский Э. Параллельные миры // Отечественные записки. 2002. № 7 (8).
9. Колчинский Э.И. Наука и эмиграция: судьбы, цифры и свершения // Науковедение. 2003. № 3.
10. Куренной В. Государство, капитал и мировое научное сообщество // Отечественные записки. 2002. № 7 (8).
11. Макарычев А.С. Ученые и политическая власть // Полис. 1997. № 3.

12. Наука в России: состояние, трудности, перспективы (материалы круглого стола) // Вопросы философии. 1994. № 11.
13. Некипелова Е.Ф., Ушкалов И.Г., Малаха И.А. Утечка умов: масштабы, причины, последствия. М.: Эдиториал УРСС, 1999.
14. Статистика научных кадров современной России» // Отечественные записки. 2002. № 7 (8).
15. Супян В. «Утечка умов»: мировые и российские тенденции // Человек и труд. 2003. № 7, 8.
16. Тихонова Н.Е. Бизнесмены поневоле // Бизнес и политика. 1997. № 2.
17. Филатов В. Ученые «на виду»: новое явление в российском обществе // Общественные науки и современность. 1993. № 4.
18. Цапенко И.П., Юревич А.В. Ученый в бизнесе // Вестник РАН. 1999. № 2.
19. Юревич А.В. Ученые в политике // Полис. 1999. № 2.
20. Юревич А.В., Цапенко И.П. Нужны ли России ученые? М.: Эдиториал УРСС, 2000.
21. Юревич А.В., Цапенко И.П. Функциональный кризис науки // Вопросы философии. 1998. № 1.

РЕФЕРАТЫ

.....

Батыгин Г.С. Карьера, этос и научная биография: к семантике автобиографического нарратива

В статье охарактеризованы отличия «карьеры» от «жизненного пути»; последний в отличие от первой не требует внешнего институционального признания. С опорой на предложенное Дж.Г. Мидом различие I и Me социологическому анализу подвергаются возможные «карьерные формы жизни» в зависимости от консистентности *социального характера* требованиям институционального (организационного) образца.

Ермоленко Г.А. Утилитаризм и нормативная аргументация: логика потребительской культуры

Статья посвящена анализу своеобразной «потребительской логики», лежащей в основе языка потребительской культуры. Посредством мифологической героизации и визуализации культурных образцов в потребительской культуре возникает магическое отношение к реальности, ориентированное на ожидание чуда. Язык потребительской культуры формирует виртуальный мир, где информация получает образное, пластическое выражение. Предметный мир потребительской культуры оживает посредством персонификации желаемого и создаёт на основе мифотворчества особую знаковую систему, опирающуюся на следующие принципы: полезность и эффективность действий как критерии их рациональности; нравственный релятивизм как нормативный принцип; дискурсивность, реализованную в форме профанной коммуникации.

Веркёй Ж. Россия и ВТО: на финишной прямой

Россия подходит к заключительному этапу переговоров по вступлению во Всемирную торговую организацию (ВТО). Эти продолжающиеся на протяжении четырнадцати лет переговоры оказали несомненное влияние на преобразования российской экономики и модернизацию её законодательства. Хотя на начало 2007 г. и остаются нерешённые вопросы, можно предположить, что

асимметричный характер переговоров вынудит Россию пойти на новые уступки с целью ускорить процесс заключения соглашения. В более долгосрочной перспективе главной задачей, которую предстоит решить российским властям, остаётся обеспечение практической реализации вступивших в силу текстов.

Леонов С.Н. Дальний Восток и Забайкалье в экономике России и Азиатско-Тихоокеанского региона: переоценка возможностей

Объект внимания автора — неразвитость экономики Дальнего Востока и Забайкалья. Автор призывает преодолеть несоответствие между огромным природным потенциалом и усиливающимся геополитическим значением отношений со странами АТР, с одной стороны, и неразвитостью российских территорий в социально-экономических аспектах — с другой.

Волосенкова Е.В., Рыбьянцева М.С., Юрченко И.В. К вопросу о методологических основах исследования социально-экономической безопасности

В статье представлена пропедевтика к определению «социально-экономической безопасности» в условиях усложнения структуры экономических систем. Рассмотрены различия между понятиями, образующими в толковых словарях единое семантическое поле: риск, опасность и угроза.

Плюшкин Р.С. Прагматика теорий международной трудовой миграции

Анализируется прагматика некоторых экономических и эконом-социологических теорий, предлагающих объяснительные модели для процессов международной трудовой миграции.

Жаде З.А. Цивилизационная идентичность России в глобализирующемся мире

Анализируя признаки кризиса цивилизационной идентичности России, автор подчеркивает, что процессы глобализации и переход к постиндустриальному обществу затрагивают идентификационные архетипы всех государств и ставят проблему определения цивилизационной идентичности не только для России, но и для всего мира.

Семёнова Л.Э. Производство заблуждений: женские и мужские образы на страницах популярной психологии

Автор подвергает анализу типичные тезисы, встречающиеся в «популярной гендерной психологии». Материалом для анализа послужили высокотиражные издания, обнаруженные на книжных развалах крупного «интеллигентного» российского города.

Хозяинова Т.К. Личностные детерминанты отношения матери к детям

Отношения родителей к детям имеют гендерный аспект, определяемый различиями во взаимоотношениях матери и отца с ребенком. Автор в ходе теоретического анализа выявляет важность самоактуализация личности матери как одной из личностных детерминант отношений матери к детям и приводит найденные эмпирические свидетельства.

Чеснокова В.Ф. Уильям А. Уорнер Питирим Сорокин: социальная стратификация и социальная мобильность

В статье дается разъясняющий и иллюстративный обзор основных понятий динамической теории социальной структуры общества на примере классиков социологии XX в.

Еремеева А.Н. Социальная мобильность научной интеллигенции в условиях общественных трансформаций второй половины 1980-х гг. — начала XXI в.

Авторами обозначены возможные направления и контуры исследования социальной мобильности конкретной социальной группы.

SUMMARY
.....**Career, Ethos and Scientists' Biographies: On Semantics of the Autobiographical Narrative** by *Gennadiy S. Batygin*

A conceptual difference between “career” and “course of life”; the latter need no external institutional recognition. Relying on G.H. Mead’s opposition of “I” and “Me” concepts, eventual “career forms of life” — with various degrees of consistency between a social character and institutional (organizational) patterns — are put under sociological interpretation.

Utilitarianism and Normative Argumentation: Consumerist Culture Thinking by *Galina A. Yermolenko*

A “consumerist thinking” underlying the language of the Consumerist Culture is analyzed. Visualizing mythic images of “new heroes”, the Consumerist Culture produces magic attitudes onto reality, shaping expectance of a miracle. Its quiddity is getting alive, while the dream appears personified. The core principles of the signifying systems are named: *utility and efficiency* of an action qua criterion of its rationality; *moral relativism* qua the moral law; *discursivity* of the profane communication.

Russia and the WTO: On the Finishing Stretch by *Julien Vercueil*

Russia is now in the final negotiation phase regarding its accession to the World Trade Organization (WTO). Discussions have been held over the past fourteen years and have contributed indisputably to the transformation of the Russian economy and the modernization of its legislature. If there are still unanswered questions at the start of 2007, the unbalanced nature of the negotiations runs the risk of Russia having to make further concessions to its partners in order to speed up the agreement’s conclusion. In the longer term, the main challenge faced by Russian authorities is to ensure that documents that are already in force are transposed.

Far East and Transbaikalia in the Economics of Russia and the Asia-Pacific Region: Revaluating Opportunities by *S.N. Leonov*

The author argues that economic and social underdevelopment of the Russian territories of the Far East and Transbaikalia is getting more dangerous, while the Asia-Pacific region becomes the new global geopolitical centre.

On Methodological Grounds of Social and Economical Security Research by *Elena V. Volosenkova, Maria S. Rybiantseva, Inna V. Yourchenko*

The article exposes propedeutics to the definition of the “Social and Economical Security” in the context of a complicating structure of economical systems. The semantics of the concepts forming an integrated semantic field is analyzed.

Theories of International Labour Migration: A Pragmatic Aspects by *Roman S. Plyoushkin*

There are sociologically analyzed pragmatic aspects of the selected economic and econom-sociological theories, explaining international labour migration processes.

Civilisational Identity of Russia in the Globalizing World by *Zouriet A. Zhadé*

Considering the signs of civilisational identity crisis of Russia, the author infers that the globalization and transition to the post-industrial global society affect identification archetypes of every modern state and urge to reshape their civilisational identities.

Producing Ignorance: Female and Masculine Images in the Popular Psychology Printed by *Lidia E. Semyonova*

Demystifying, the author overviews typical statements from “popular gender psychology” best-sellers.

Personality Determinants of Mother-Child Attitudes by *Tatyana K. Khozyaïnova*

Parents-children relationships are gender accentuated. The author first theoretically discovers that an important personality determinant of mother-child attitudes is her self-actualization and then demonstrates an empirical evidence of the statement.

P.A. Sorokin and W.L. Warner on the Social Stratification and Social Mobility
by *Valentina F. Chesnokova*

The article gives a clarifying and demonstrative overview of the core concepts, making up a dynamical social structure theory, developed by two classical figures of XX century sociology.

Social Mobility of Scientific Intelligentsia in the Context of the social Transformations in 1980–2000s by *Anna N. Yermeeva*

The article maps out possible directions in researching social trajectories of a specific social and professional group in the late Soviet and post-Soviet context.